

Е.П. Аксенова

Очерки из истории
отечественного
славяноведения

★
1930-е годы

Москва 2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

Е.П. Аксенова

Очерки
из истории
отечественного
славяноведения
1930-е годы

Москва – 2000

Книга посвящена самому драматичному периоду в истории отечественного славяноведения, который характеризуется в начале почти полным прекращением научных работ и подготовки специалистов, преследованиями славяноведов, подчинением этой области науки тоталитарной системе, а в конце — поворотом в сторону науки о славянах, вызванным в первую очередь политическими причинами. Впервые подробно представлена история подразделений славистического профиля в научных учреждениях и учебных заведениях в 30-е годы, затронуты творческие и человеческие судьбы ученых славистов, отмечены усилия по реабилитации науки, выявлена славянская тематика в научной периодике, прослежены международные связи славистов и т.д. Изложение дается в форме очерков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественного славяноведения.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
М.А. Робинсон

Рецензенты:
кандидат исторических наук А.В. Карасев
кандидат филологических наук О.А. Князевская

ISBN 5-7576-0060-8

© Институт славяноведения РАН, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Славяноведение, как и любая наука, имеет свою историю. Однако не все периоды развития отечественных славистических исследований изучены достаточно хорошо. Больше повезло дореволюционному славяноведению, которому посвящено немало исследований, начиная с трудов А.А. Кочубинского, А.Н. Пыпина, К.Я. Грота, П.А. Лаврова до работ современных славистов¹. Серьезным обобщением в изучении досоветского периода отечественной славистической науки явилась монография группы ведущих ученых-славистов “Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян” (М., 1988).

История отечественного славяноведения с 1918 г. изучена значительно слабее. Это объясняется рядом обстоятельств объективного и субъективного характера, среди которых прежде всего выделяются положение славяноведения в советской науке и общественное отношение к нему в межвоенные годы, почти полное прекращение (в 30-е годы) научных славистических исследований и университетской подготовки молодых специалистов, ограниченное число научных изданий, а также ощущимая нехватка документальных материалов и недоступность для исследователей ряда архивных фондов, проливающих свет на истинное положение дел в советском славяноведении. Кроме того, определенные идеологические установки, которых придерживались советские ученые, не позволяли им объективно оценить явления, происходившие в славистической науке. Вследствие этого требует пересмотра и послевоенный этап в развитии славяноведения.

До сих пор весьма заметно ощущается недостаточная разработанность истории славяноведения 30-х годов – самого драматического периода российской славистики. В обзорных историко-славистических статьях разных лет² славяноведение указанного десятилетия либо обходилось молчанием, либо представлялось как успешно развивающееся на основе марксизма-ленинизма в результате преодоления имевшихся недостатков (впрочем, в основном без указания на конкретные “достижения” в этой области). При этом вызывали недоумение ограниченный

круг имен ученых-славистов того времени и названий их трудов, а также почти полное отсутствие упоминаний научных учреждений, связанных со славистической проблематикой. Оставались не проясненными причины перерыва вековой традиции университетской славистики. В немногочисленных работах, посвященных славяноведению и славяноведам тех лет³, не затрагивались “острые” вопросы развития науки (в лучшем случае лишь вскользь отмечалось наличие неблагоприятных факторов, оказывавших влияние на славистику).

В последние годы положение резко изменилось. Освобождение науки от партийно-идеологической зависимости, доступ исследователей к ранее закрытым материалам архивов и другие положительные сдвиги позволили исследователям по-новому взглянуть на процессы, происходившие в науке в 30-е годы, и попытаться ликвидировать некоторые лакуны в изучении славистики этого периода (хотя отсутствие ряда важных документальных комплексов пока не позволяет полностью восстановить картину состояния науки в эти годы). Обобщающая работа по истории советского славяноведения – дело будущего. Первым шагом на этом пути можно считать издание библиографического словаря “Славяноведение в СССР”⁴, содержащего вводную статью о развитии советского славяноведения. Разработка истории отечественной славистики идет по линии изучения жизни и деятельности отдельных славистов⁵, работы научных учреждений⁶ и учебных заведений⁷ славистического профиля, общественно-политических процессов, затрагивавших славистику и отражавшихся на судьбе ученых⁸ и т.д. Как правило, все работы строятся на изучении и использовании большого комплекса документальных материалов. Кроме того, особое внимание уделяется публикации самих архивных документов по истории славистики⁹.

1930-е годы – особый период в истории отечественного славяноведения, неразрывно связанный с предыдущими и последующими этапами развития этой науки, но, в то же время, имеющий свои специфические черты и существенные отличия. Именно характерные особенности этого десятилетия позволяют выделить его для специального рассмотрения. Процессы кардинальных преобразований в академической науке и в системе высшей школы на стыке 20-х и 30-х годов определяют начальный рубеж исследуемого периода, естественным завершением которого является военный 1941 год, определивший иные условия научной деятельности и поставивший новые задачи перед учеными.

Для исследования судьбы славяноведения в 30-е годы, наряду с имеющейся литературой, были привлечены многочисленные архивные документы. С этой целью были изучены фонды ленинградского Инсти-

тута славяноведения, Института языка и мышления, Ленинградского отделения Института истории, Библиотеки Академии наук, личный фонд академика Н.С.Державина (в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук), Института мировой литературы, Института языка и письменности, Отделения общественных наук, Отделения литературы и языка, Отделения истории и философии АН СССР (в московском Архиве РАН), Института истории АН СССР (в архиве института), Московского института истории, философии и литературы (в Центральном муниципальном архиве Москвы) и некоторые другие. Немало ценных сведений о периоде 30-х годов и условиях существования славистики предоставляет научная периодика того времени. В настоящее время накоплено достаточно материалов для обобщения сведений по истории славистики 1930-х годов.

Вместе с тем нужно учитывать, что сохранность ряда архивных фондов не позволяет выяснить все необходимые подробности, связанные с функционированием славистических институций или деятельностью отдельных ученых-славистов, а периодическая печать 30-х годов не отличалась объективностью и имела определенную идеологическую направленность. Поэтому некоторые процессы и явления, имеющие отношение к научной сфере и затрагивающие славяноведение, пока остаются не до конца выясненными. В связи с этим еще имеются трудности в представлении достаточно полной и цельной картины, раскрывающей судьбу славистики и славистов России в 30-е годы.

С учетом этого в книге избрана форма очерков для описания основных событий и явлений в области славистики 1930-х годов для характеристики условий, в которых оказалась славяноведческая наука в этот период. Различный уровень разработанности тех или иных вопросов обусловил и разный объем очерков, в которых изложение материала дается с большей или меньшей степенью подробности.

Рамки изучения отечественного славяноведения ограничены основными славистическими центрами (Ленинград, Москва). В книге не рассматривается славяноведение на Украине и в Белоруссии, которое развивалось в условиях принципиально сходных с теми, что определяли положение российского славяноведения в тот же период, хотя славистика в этих республиках СССР имела некоторые особенности. Эта проблема может быть предметом отдельного исследования.

В очерках отсутствует также тема истории славистики русского зарубежья, которая в последнее время активно разрабатывается славистами России¹⁰ и является, безусловно, самостоятельной областью истори-

ко-научного исследования, поскольку это направление отечественной науки развивалось за рубежом в иных условиях и преимущественно вне связи с советской славистикой.

В очерках не предполагается осветить подробно с историографической точки зрения всю научную продукцию по всем направлениям славистических исследований, а лишь выявить общие тенденции, определявшие характер работ в рамках различных славистических дисциплин. Основной же упор в книге делается на научно-организационные вопросы славяноведения.

Примечания

¹ См.: Перечень литературы по истории славяноведения в дореволюционной России (сост. Е.П. Аксенова) // Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 385–394.

² Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.-Л., 1942. С. 222–235; Панкратова А.М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях великой отечественной войны // Там же. С. 32–33, 39; Королюк В.Д. Советские историко-славистические исследования (1917 — 1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 37–52; Злыднев В.И. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе // Там же. С. 53–66; Свирида И.И. Художественная культура зарубежных славянских народов в советской науке // Там же. С. 67–76; Бернштейн С.Б. Советской славянской филологии 50 лет // Там же. С. 77–93; Белянская И.М. Советское славяноведение за 50 лет // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969. С. 10–22.

³ Логачев К.И. Советское славяноведение до середины 30-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 91–103; Горянинов А.Н. Советская славистика 1920–1930-х годов // Исследования по историографии славяноведения и балканстики. М., 1981. С. 5–21; Дьяков В.А. О некоторых аспектах развития славистики в 1918 — 1939 годах // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 78–92; Дитякин В. Лауреат Сталинской премии академик Н.С. Державин // Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]. 1949. Вып. 8. С. 76–81; Руколь Б.М. Зденек Неедлы — исследователь истории славянских народов // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969. С. 443–448; Бернштейн С.Б. А.М. Селищев — славист-балканист. М., 1987; Советов С.С., Алексеев М.П. Профессор Виктор Григорьевич Черно-баев // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межзвузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С. 152–156; Горянинов А.Н., Шостакович Б.С. Славяноведение в Иркутске (вторая половина 1930-х — 1940-е годы) и К.А. Копержинский // Там же. С. 156–170; Волошина Г.К., Мацюсович Я.В.

С.С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы // Там же. С. 170–181; и др.

⁴ Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. New York, 1993.

⁵ Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992; Аксенова Е.П., Горянин А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкин // Славяноведение. 1993. № 6. С. 84–97; Горянин А.Н., Ратобильская А.В. Д.Н. Егоров: научная деятельность и славистические исследования // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 80–111; Досталь М.Ю. Е.Ф. Карский в годы "советизации" Академии наук // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1995. № 3. С. 77–82.

⁶ Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 83–93; Она же. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х — начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20—40-х годов XX века. М., 1992. С. 3–27.

⁷ Историки-слависты Московского университета. 1939 — 1979 гг. Материалы и документы. М., 1979; 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. Сборник статей. М., 1989; Уткина Л.И. Академик В.И. Пичета — организатор кафедры истории южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 38–45; Логачев К.И. Славистика в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С. 51–93; Горянин А.Н. Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934 — 1941 гг.) // Славистика СССР и русского зарубежья 20—40-х годов XX века. М., 1992. С. 28–37.

⁸ Аксенова Е.П. "Изгнанное из стен Академии" (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81; Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Там же. 1989. № 1. С. 77–82; Горянин А.Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920 — 1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Там же. 1990. № 2. С. 78–89; Робинсон М.А. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г.А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 78–90; Робинсон М.А., Сазонова Л.И. О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В.Н. Перетца М.Н. Сперанскому // Труды отдела древнерусской литературы [Института русской литературы АН СССР]. Л., 1993. Т. 48. С. 458–471; Горянин А.Н. Трактовка славянской взаимности и славяноведения советскими учеными (1920–1930-е годы) // Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики. Roma, 1994. С. 81–

92; Робинсон М.А. Перелом в довоенном советском славяноведении. Идеолого-теоретические аспекты // Там же. С. 93–107.

⁹ Из новых материалов о ленинградских славистах (Введение, публикация и примечания А.Н. Горяннова) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 162–183; Материалы к биографии С.И.Зинича (1896 — 1945) (Введение, публикация и примечания М.С. Зинич) // Там же. С. 184–191; Из научного наследия К.А. Пушкаревича (Публикация Е.П. Аксеновой) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 91–96; Досталь М.Ю., Робинсон М.А. Письма Р.О. Якобсона М.Н. Сперанскому и Л.В. Щербе // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1995. № 6. С. 63–71; и др.

¹⁰ Этому посвящены материалы специальных выпусков журнала “Славяноведение” (№ 4), начиная с 1992 г. См. также: Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992; Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М., 1993.

О ч е р к 1

Общественно-политические и идеологические условия развития советского славяноведения в 1930-х годах

На фоне процессов индустриализации, коллективизации, “культурной революции”, развития и усиления тоталитарной системы, отражавшейся на всех сторонах внутренней жизни и на внешней политике Советского Союза, происходили изменения и в сфере науки. Перестройка научной работы в области общественных наук, начатая после революции, продолжалась и в 1930-х годах. Поиски новых путей социалистической науки проходили в обстановке борьбы со старыми научными представлениями, методами и традициями. В центре всех преобразований неизменно стояла задача овладения марксистско-ленинской методологией и усиления использования науки для укрепления режима, именовавшегося социалистическим строем.

Тоталитарное государство, подчинившее своему контролю хозяйственную-экономическую деятельность в СССР, не могло оставить без внимания интеллектуальную сферу. Культура и наука должны были быть включены в общую систему партийно-правительственного управления всеми областями жизни страны. Этот процесс начался уже вскоре после революции и продолжился в 30-е годы. Перестройка научной работы, подчиненная цели внедрения в нее марксизма (как “единственно верной” методологической основы всех отраслей знания) и приспособления научных достижений к задачам “социалистического строительства”, широко затронула область общественных наук (не исключая и славяноведение¹). В начале 1920-х годов большое внимание уделялось созданию новых научных центров, отвечающих потребностям советского государства (Комакадемия, Общество историков-марксистов, Испарт, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт В.И. Ленина, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

(РАНИОН) и т.д.). Академия наук, в которой работали старые специалисты, получившие подготовку в дореволюционный период и в методологическом отношении стоявшие на позициях далеких от марксизма (да и их осталось не так много в результате добровольной или вынужденной эмиграции), начала постепенно терять свой престиж в общественном мнении и уступать позиции в научно-исследовательской деятельности.

Однако в организационном отношении и вопросах научного творчества Академия наук сохраняла еще относительную самостоятельность. Если вновь создаваемые научные учреждения были сразу же приспособлены к функционированию в советской системе, то Академия наук вписывалась в нее с трудом, хотя преобразования в ней происходили как в идеологическом и тематическом плане, так и в кадровом составе. Но эти изменения были недостаточны с точки зрения властей, которые понимали, что добровольно Академия не расстанется со своей автономией. По признанию А.В. Луначарского, для руководства страны “перспектива окончательно приручить Академию, сделать этот крупный научный штаб советским, являлась привлекательной”². Процесс “советизации” и “большевизации” науки должен был завершиться переводом (не исключая принудительного) Академии под контроль партийного и государственного аппарата, превращением ее в звено бюрократической машины, ломкой старых традиций деятельности Академии, “переоценкой ценностей” внутри этой крупнейшей научной организации.

Реорганизация в Академии наук, начавшаяся во второй половине 1920-х годов, активизировалась в 1929 — 1930 гг. и продолжалась до середины 1930-х годов, когда в основном сложилась система организации науки в СССР. Проведение новой политики в области науки сопровождалось планомерным наступлением на Академию по идеологической и организационной линиям. Решению задачи окончательного “приручения” Академии служило и ее ведомственное подчинение СНК СССР (1927), затем передача в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР (1930), а также выборы в ее состав новых членов³.

Правительственным решением число действительных членов Академии было увеличено почти вдвое, с тем чтобы влить “свежие, марксистские силы” и разбавить ими “консервативную часть” прежних академиков. Была изменена традиционная процедура выборов. Право выдвижения кандидатов на академические вакансии получили наряду с научными и общественные организации, а также союзные республики. Предвыборная кампания велась под наблюдением ленинградской партийной

организации. Первые выборы по новой системе проводились на безальтернативной основе. Выборам 1929 г. был придан политический характер. Старые члены Академии приняли эти новшества не без борьбы (особенно активно выступали против В.И. Вернадский, И.П. Павлов и др.). Чтобы сломить их сопротивление, использовались идеологические рычаги: деятельность АН осуждалась на собраниях ученых-марксистов; Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО) возглавила травлю академической науки в печати, настраивая против нее общественное мнение. Журнал, издаваемый ВАРНИТСО, называл Академию наук “заповедником”, охраняющим научные центры “от влияния советской среды”, гордился выявлением и разоблачением “оппортунистической и реакционной деятельности” Академии, допускал грубые выходки и прямые оскорблении в ее адрес⁴. Высказывались предложения (Д.Б. Рязанов) о ликвидации АН и сосредоточении научных исследований во внеакадемических институтах. Кроме того, было оказано и более сильное давление на академическую среду, имевшее драматические и даже трагические последствия. Среди подобных мер воздействия прежде всего можно отметить инцидент с академиком С.А. Жебелевым, который подвергся резкой критике (в “погромном тоне” выступили против него, в частности, Н.С. Державин и В.Н. Кораблев⁵) за участие в эмигрантском издании и был обвинен в высказываниях против советской власти и метода Н.Я. Марра (чтобы остаться членом Академии, Жебелеву пришлось принести публичные извинения и выступить с осуждением деятельности исключенного из АН историка-эмигранта М.И. Ростовцева⁶); затем последовали “Академическое дело”⁷ и “чистка” в Академии (в 1929 г. из Академии было уволено около 800 человек; в конце года Ю.П. Фигатнер, возглавлявший комиссию по чистке, заявлял, что “Академии в старом виде нет, она сломлена”)⁸.

В печати была развернута широкая предвыборная кампания, в рамках которой велась агитация за “марксистских” кандидатов, а крупные ученые, придерживавшиеся других взглядов, незаслуженно отводились. Тоталитарная система требовала “единомыслия” в научных рядах. Среди тех, кто вынес нападки прессы, были ученые, внесшие немалый вклад в славяноведение — В.М. Истрин, М.К. Любавский, В.Н. Бенешевич и др.⁹ Зато причисливший себя к марксистам профессор Н.С. Державин беспрепятственно получил звание академика на выборах 1931 г., хотя результаты голосования свидетельствовали о том, что он не пользовался особой симпатией в научном мире¹⁰. (Решив снять свою кандидатуру на

выборах в АН, известный славист Г.А. Ильинский писал академику Б.М. Ляпунову: “Конечно, очень грустно открывать дорогу таким беспардонным карьеристам, как Державин, но что делать! В наше время только таким людям честь и место!”¹¹ Несколько позже и К.И. Чуковский дал Державину незавидную характеристику, оценив его прежде всего как “обывателя густопсового”¹².

В результате давления, оказанного на Академию, ее членам (даже тем, кто оставался на принципиальных научных позициях) пришлось уступить ради сохранения самой Академии как центра прежде всего теоретических исследований (на такой позиции стоял президент АН академик А.П. Карпинский). 1929 год оказался годом “великого перелома” и для науки¹³. В результате выборов в Академию наук 1929 — 1931 гг. в ее ряды влилось большое число ученых-марксистов (членов партии и беспартийных — М.Н. Покровский, И.М. Лукин, В.П. Волгин, А.С. Орлов, Н.С. Державин и др.), а также государственных и партийных деятелей (А.В. Луначарский, Г.М. Кржижановский, Н.И. Бухарин и др.). Партийная прослойка в Академии значительно увеличилась, в ее структурах появились партийные организации, через которые ЦК ВКП(б) стал осуществлять руководство Академией (к 1935 г. 20% от числа действительных членов Академии наук составляли коммунисты¹⁴). Научная компетентность “красных” академиков была несравнима с уровнем знаний представителей “дореформенной” Академии, тем не менее, влияние “старой гвардии” академиков было ослаблено¹⁵. Академическая автономия уступила место подчинению высшего научного учреждения страны партийно-государственному руководству и контролю (а точнее — диктату). В этот период авторитет академической науки советского “образца” закрепляется сверху (правительственно-партийными постановлениями и новыми академическими уставами 1930 и 1935 г.¹⁶), и Академии придается роль центра научной работы в стране. Одновременно с этим созданные в послереволюционный период альтернативные Академии наук научные образования постепенно утрачивают свое положение и значение в научной сфере и сходят на нет (РАНИОН, Комакадемия и т.п.).

В наше время не иначе как с горькой иронией воспринимается сделанный в годы “застоя” одним из исследователей вывод о том, что в “ходе реорганизации Академии проявилась ленинская политика сохранения и бережного отношения к науке и ученым”¹⁷.

Преобразования в Академии затронули все сферы ее деятельности. В плане *теоретико-методологическом* активно шел процесс дирек-

тивного "внедрения" марксизма во все области научных исследований; наряду с этим объявлялась бескомпромиссная борьба с иными идеяными течениями. Идейные разногласия рассматривались как политическое противостояние, а инакомыслившие считались врагами народа. Если борьба за "вживление" в научный организм "единственно верного учения" — марксизма-ленинизма — не давала ожидаемых результатов в научно-организационной и публицистической областях, то применялись более решительные меры — вплоть до арестов, ссылок и даже физического уничтожения "неугодных" ученых.

В *практической, исследовательской* работе, с одной стороны, наблюдалось расширение тематики и хронологических рамок исследований, актуализация и популяризация научных трудов, с другой — требование сближения науки с задачами социалистического строительства зачастую непомерно усиливало приоритет прикладных наук, которым отводилась роль обслуживающих потребности народного хозяйства, и в то же время незаслуженно (и недальновидно) приижало значение теоретической ("чистой") науки, в которой позиции русских ученых были традиционно сильными.

Организационные изменения выражались в утверждении новой структуры Академии (включающей в себя два отделения — общественных наук и математических и естественных наук и подчиненные им институты). В начале 30-х годов происходит укрупнение многих гуманитарных научных учреждений за счет объединения мелких, разрозненных организаций (комиссий и пр.) или упразднения их и создания новых, более крупных центров — институтов Академии наук, в которых предполагалось сосредоточить исследовательскую работу в определенной области знания¹⁸. В этих преобразованиях нашла осуществление новая идея создания специальных учреждений, ведущих централизованные научные разработки в конкретной отрасли науки и при этом не связанных непосредственно с университетской наукой. Реально этой связи и не могло быть, так как с 1931 г. не существовало не только специальных славистических кафедр, но были ликвидированы и гуманитарные факультеты университетов (что отрицательно сказалось на подготовке кадров университетских преподавателей и научных работников, в том числе и в области славистики). В таких условиях не могло быть и речи об интеграции вузовской и академической науки.

Проведение реформ в академической науке было бы немыслимо без изменения ее кадрового состава (как в количественном, так и в качественном отношении). Ускоренные темпы индустриализации требовали

прежде всего большого числа специалистов технических отраслей. По данным на 1 октября 1928 г. в РСФСР было около 15 тыс. научных работников (в научных учреждениях и вузах), из них больше половины вступили на научное поприще после революции (в целом по СССР было 24,5 тыс. научных работников, среди которых преобладали специалисты с дореволюционной подготовкой)¹⁹. Основную возрастную группу составили работники от 31 до 50 лет (62%). В языкоznании, литературоведении и истории (в которых было занято соответственно 1,2%, 3,6% и 4,4% от общего числа научных работников) сохранилось наибольшее количество высококвалифицированных кадров (за счет дореволюционных специалистов). Констатируя значительный рост числа коммунистов в научных рядах (в исторических науках — 16,5%, в остальных гуманитарных науках — 25%), статистика бесстрастно отмечает, что их научный стаж и квалификация “в среднем ниже, чем у беспартийной массы научных работников” (1,3% ученых-партийцев имеют высшую научную категорию, 79,7% — низшую)²⁰.

Большую роль в подготовке кадров ученых-марксистов сыграли Комиuniversитеты, Комакадемия, Институт красной профессуры, РАНИОН, Московский, Ленинградский и другие университеты, в которых вместо традиционных гуманитарных факультетов были образованы факультеты общественных наук (что не лучшим образом отразилось на развитии исторической, филологической и других наук). Освоению марксизма способствовали издания трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Но этих изданий было недостаточно, кроме того, обращение к ним требовало определенного уровня подготовки. Популяризация идей марксизма осуществлялась также через общественно-политические и научные журналы — “Большевик”, “Борьба классов”, “Под знаменем марксизма”, “Историк-марксист”, “Фронт науки и техники” и др. Знакомя с основами научного коммунизма, популяризаторская литература в то же время давала определенную идеиную направленность и установки в изучении и практическом использовании положений марксизма в условиях складывания системы, приведшей к режиму сталинщины. Это вело к неглубокому, упрощенному, конъюнктурному применению теории исторического материализма.

В конце 20-х годов для подготовки научных кадров в Академии наук был создан институт аспирантуры (в рамках которой проходили подготовку и докторанты). В 1935 г. была специально организована докторантур²¹. Еще в постановлении ЦК ВКП(б) 1926 г. подчеркивалась необходимость повышения идеологического уровня молодых ученых и

увеличения в их рядах членов партии и комсомола. Важная роль отводилась “классовому отбору” нового поколения ученых: из принятых в академическую аспирантуру в 1929 — 1930 гг. 60% составляли выходцы из рабочих и крестьянских семей, как правило отличавшиеся слабой начальной подготовкой. Вместе с тем недостаточно высокий профессиональный уровень части ученых, призванных осуществлять перестройку содержания и методов научной работы, не мог не сказаться на характере проводимых преобразований.

Что касается старых кадров, в это время часть из них оказывала посильное сопротивление официальной политике в области науки, другие либо отошли от активной научной деятельности, либо попытались приспособиться к новым условиям (не сразу и не вполне освоившись с марксистской методологией или фразеологией). В 30-х годах перед многими учеными дореволюционной формации в нашей стране стояла задача выжить и пережить трудное время, всеми способами сохранить прежние научные достижения, для чего нередко им приходилось сознательно переключаться на более “спокойные” с политической точки зрения исследования “неактуальных” вопросов, на изучение проблем далекого прошлого. Не следует забывать, что наличие и состав научных кадров в 30-х годах оказались в значительной мере под воздействием вненаучных факторов: все нараставший шквал репрессий нанес науке непоправимый ущерб.

Если внеакадемическая наука новых послереволюционных научных формирований с самого начала развивалась более или менее по сценарию породившей ее власти, то академическая наука доставила той же власти немало хлопот. Однако реорганизация академической науки шла быстрыми темпами. Уже в конце 1932 г. “марксистский” академик В.П. Волгин констатировал, что АН “составляет сейчас неразрывную часть всей системы наших государственных и общественных организаций, объединяемых единым руководством пролетарской коммунистической партии, единой общей целью — построения бесклассового общества”²².

Включение АН в систему государственных учреждений, подчинение ее аппарату партийно-государственной власти неизбежно должно было повести за собой переход на планирование научных изысканий. Однако в Академии не было единства по этому вопросу. Многие ученые старой формации возражали против излишней регламентации творческого процесса, пытались добиться компромиссного решения и оставить хотя бы “чистую” (теоретическую, фундаментальную) науку вне планирования. Даже ученые, поддерживавшие плановые начала в науке, отрицательно относились к планированию “сверху”, которое “неизбежно

примет бюрократический характер”, и считали, что детализированные планы, особенно долгосрочные (пятилетние), “нереальны” (в лучшем случае могут быть указаны только проблемы, над которыми научное учреждение будет работать в ближайшие годы). В то же время признавалось право государства (право силы), которое “создавало и содержит ряд научно-исследовательских учреждений”, потребовать от них выполнения работ в рамках общегосударственного плана строительства социализма²³. Проводники плановой политики полагали, что плановость исключит из работ Академии «утопию “чистой науки”, оторванной от жизненной практики» и “случайные, индивидуальные интересы исследователей”²⁴. Вместо разумного сочетания личного творческого потенциала с обдуманными реальными перспективами научной работы предлагались отказ от самостоятельного научного поиска и подгонка науки по размерам “прокрустова ложа” государственного планирования и контроля. Первые попытки составления годовых планов деятельности Академии оказались неудачными, утвержденный на 1931 г. план подвергся критике за несбалансированность его частей. Только к концу 1932 г. удалось создать первый пятилетний план деятельности Академии наук на 1933 — 1937 гг.

Вместе с планированием в научную практику вошли новые коллективные методы исследования, “на основе коллективного научного труда”²⁵ (что давало как положительный, так и отрицательный эффект). По примеру промышленности, строительства, сельского хозяйства академическая наука была втянута в органически ей не свойственное социалистическое соревнование и ударничество. Именно эти методы работы признавались “могучими средствами преодоления существующей научной косности”²⁶.

Процессы широкомасштабной перестройки, происходившие в Академии наук СССР, были характерны и для Белорусской и Украинской академий²⁷.

Наука, и прежде всего академическая, в течение 30-х годов преобразилась до неузнаваемости. Под контроль было поставлено научное творчество. Произошло огосударствление науки. Гуманитарные науки (особенно история) были настолько заидеологизированы, что в немалой степени утратили свою самостоятельную ценность, подчинившись в значительной мере агитационно-пропагандистским задачам, обслуживая партийно-политический курс властей. В решении научных вопросов преобладающими стали “классовый” и “интернациональный” подходы. Этот процесс порождал замалчивание некоторых исторических и иных

научных проблем и не способствовал объективной подаче результатов научных исследований, приводил к догматизации методологии, унификации концепций, упрощению методики анализа. Наряду с этим менялась и психология советской научной интеллигенции, испытывавшей состояние угнетенности, тревожности, неуверенности в себе, готовой уйти от трудностей и подчиниться давлению "сверху". Падение нравственного уровня в научной сфере, отход от традиций, отказ от признания права на существование различных идеально-научных теорий, преследования ученых оказывали отрицательное влияние на уровень и качество научных работ, на авторитет советской науки за рубежом.

Преобразовательные процессы, происходившие в гуманитарных науках, захватили и славистику. Ее положение оказалось менее стабильным и более уязвимым по сравнению с другими науками. Она подверглась нападкам как "отжившая", "буржуазная" наука. После победы социалистической революции в стране идеи славянского единства были вытеснены идеями пролетарского интернационализма. Славяноведение же неправомерно отождествлялось с политической интерпретацией идеологии панславизма. Различия в общественно-политическом устройстве СССР и славянских стран в межвоенный период также оказывали влияние на уровень интереса к ним и к научным дисциплинам, изучающим их, со стороны советской общественности.

Ощутимый удар по славяноведению нанесла признаваемая проводником марксизма в языкоznании яфтиология, отрицавшая языковое родство славянских народов. Таким образом, составлявшая основу славяноведения славянская филология, признававшая эволюционное развитие языков (а не путем "скрещения" и "качественных скачков"), оказывалась "немарксистской", "буржуазной" наукой, с которой должна вестись борьба²⁸.

Международная обстановка также не способствовала процветанию славяноведения в нашей стране. Установление дипломатических отношений и подписание договоров СССР со славянскими странами происходило в основном в первой половине 30-х годов (дипломатические отношения с Югославией были установлены в 1940 г.). До этого неурегулированность межгосударственных связей влияла на отношение советских людей к славянскому миру. После дипломатического сближения славянских государств с Советским Союзом можно было бы ожидать некоторого роста симпатий к славянству, тем более что в странах Восточной Европы ширилось социальное движение, в организации которого немалую роль играли коммунистические и другие левые партии. Однако

в то же время в политике, проводимой руководством некоторых стран, усиливалось влияние фашизма, что оказывало неблагоприятное воздействие на общественное мнение в СССР и отзывалось на славяноведении.

Основные научные исследования в области славяноведения традиционно осуществлялись в учреждениях Академии наук (хотя частично велись и в неакадемических организациях). В результате всесторонней перестройки АН и подчинения ее деятельности требованиям и нуждам советской власти было закрыто Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) и работавшие при нем комиссии, занимавшиеся вопросами славистики. Деятельность Славянской комиссии признавалась не соответствующей требованиям современности. Массовая печать настраивала общественное мнение против таких научных образований, содержавшихся за государственный счет (и якобы совершенно не нужных ни стране, ни народу), как Комиссия по изданию славянской библии²⁹.

Закрытие славянских кафедр в университетах также нанесло большой удар развитию славяноведения, поскольку значительно сократилась подготовка кадров славистов. Кроме того были свернуты и научные изыскания профессоров и преподавателей славянских кафедр.

Успешному развитию славяноведения в 30-е годы не могла способствовать слабая материальная база науки. Не было организационных возможностей для проведения широких научных исследований в этой области (поскольку специально созданное для этого учреждение просуществовало менее трех лет). Не издавались специальные славистические журналы. Библиотеки весьма недостаточно комплектовались зарубежной литературой, испытывая финансовые трудности. По той же причине не могли осуществляться систематические заграничные научные командировки.

В конце 20-х — первой половине 30-х годов ушли из жизни многие ученые старой школы. Другие слависты были отстранены от занятий наукой насилиственным путем. Все перечисленные факторы не стимулировали развитие славяноведения по тем основным направлениям, которые были выработаны и успешно осуществлялись в дореволюционный период.

Но наряду с отрицательными моментами в судьбе славистики в 30-е годы существовали также и объективные научные потребности дальнейшего развития славяноведения. Они обусловливались традиционными русско-славянскими отношениями, необходимостью способствовать культурному развитию этнических групп славян, проживавших на территории СССР (составление словарей, учебников, издание литературы на славянских языках, подготовка национальных кадров и т.д.), и отчасти обеспечивались изданием источников, отражавших межславянские связи.

Определенный интерес к языкам, истории, культуре славян возникал в обществе и в связи с переводом на русский язык произведений славянских писателей. Некоторые знания о славянских народах давали научные и публицистические работы представителей славянской эмиграции в СССР. Как правило, эти публикации были посвящены тематике нового и новейшего времени.

Среди внеакадемических учреждений, уделявших внимание изучению славянства, можно назвать Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛИЗВ, входивший в состав ЛГУ и имевший славянский сектор, возглавлявшийся Н.С. Державиным). В 1930 г. институт был преобразован в Государственный институт речевой культуры (ГИРК, руководимый также Н.С. Державиным); в его составе была Славянская комиссия (секретарь — К.А. Пушкаревич). Названные институты имели свой печатный орган — “Язык и литература” (1926 — 1932. Т. 1–8). В ИМЭЛ существовала специальная Редколлегия польских изданий, продолжавшая начатый в 1926 г. выпуск журнала “С поля борьбы” на польском языке (“Z pola walki”). Кроме того, ИМЭЛ издавал сборники документальных материалов по истории польского рабочего движения³⁰. Существовала также Польская комиссия Испарта ЦК ВКП(б) с Польским коммунистическим архивом при ней. Вопросы современной полонистики разрабатывались в основном за счет усилий польских коммунистов-политэмигрантов. Тематика нового и новейшего времени в отношении других славянских народов изучалась в СССР также болгарскими, югославскими, чешскими политэмигрантами (в основном — деятелями коммунистического движения, руководителями Коминтерна).

В целом внеакадемическая славистика была слаба, уровень ее оставался невысоким и она не могла конкурировать с академическим славяноведением, а тем более — заменить его.

К сожалению, в 1930-х годах сложилась ситуация, при которой во-зобладали факторы, тормозившие развитие славяноведения. Специальные исследования истории и культуры славянских народов почти прекратились. После закрытия недолго существовавшего Института славяноведения в Ленинграде славистические подразделения в других научных учреждениях почти не занимались зарубежными славянами или маскировали свои исследования более “актуальной” тематикой. Коллективные методы работы в этой области не были осуществлены; велись единичные индивидуальные разработки тех ученых, которые верили в необходимость научного изучения славянства. Некоторые ученые (как,

например, Н.С. Державин), используя свой авторитет, пытались убедить власти в целесообразности восстановления в полном объеме исследований в области славяноведения.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. "О преподавании гражданской истории в школах СССР", которое дало заметный толчок развитию советской исторической науки и способствовало восстановлению исторических факультетов университетов, не имело в это время непосредственного воздействия на судьбу исторической части славяноведения, хотя начатые этим решением процессы затронули и область славистики в конце 30-х годов.

Однако не столько научная необходимость, сколько политические перемены заставили властителей страны, руководителей науки и общественное мнение повернуться лицом к славяноведению и признать нужность и своевременность всестороннего изучения славянских народов. Такой поворот в отношении к славистике совершился в конце 30-х годов³¹; он имел внутри- и внешнеполитическую подоплеку.

С одной стороны, в СССР закончилось строительство тоталитарного государства, которому нужна была опора прежде всего на русскую нацию. Многолетняя пропаганда пролетарского интернационализма значительно снизила национальное самосознание русских, что неизбежно должно было вести к ослаблению русского патриотизма (политику, проводимую властями в этом направлении, академик П.А. Лавров в конце жизни характеризовал как "ужасный, злобный натиск на все национальное, на все для нас священное, глумление над стариной"³²). Необходимо было, не отказываясь от апробированной идеи интернационализма, демагогически используемой как часть государственной идеологии, постепенно начать вплетать в нее элементы отвергаемой до этого славянской идеи, коренным образом изменив отношение к русской истории и культуре, обратившись к их древним истокам, к общеславянским корням (в русле этой политики входила и кампания, направленная против М.Н. Покровского). Возвращение на новом историческом этапе к славянской идеи отвечало интересам имперской по сути внутренней и внешней политики СССР, прикрываемой задачами помощи и освобождения (под таким "благовидным" предлогом, чтобы не выглядеть агрессором, Советский Союз присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию)³³. Однако в период заигрывания с фашистской Германией славянская идея оставалась резервной в арсенале идеологической и политической борьбы на внешнеполитической арене³⁴. Но это, тем не менее, не мешало проводить научные разработки в определенном русле;

более того, славяноведение было как бы единственной сферой вполне оправданного и закономерного всестороннего изучения славянства, межславянских отношений, идеи славянской взаимности и т. д.

С другой стороны, изменения в области славистики происходили в период обострения международной обстановки, когда Советскому Союзу не лишне было заручиться поддержкой (или хотя бы симпатией) славянских стран. В Европе усиливались распространение фашизма, наступление его на славянские земли и реальная угроза уничтожения славянского населения и славянской культуры. Определенные тенденции в изменении отношения со стороны советского руководства к идеям славянской солидарности (что, в конечном счете, отразилось и на науке о славянах) стали намечаться еще раньше. В передовой статье "Известий" от 17 мая 1935 г., посвященной подписанию советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, говорилось, в частности, что СССР "опирается на международную солидарность трудящихся, а не на расовую солидарность". Но поскольку фашизм использует в своей завоевательной политике "теорию, согласно которой славянские народы — навоз истории", Советский Союз считает оборону славянских народов от фашистской агрессии "обоснованной и заслуживающей поддержки"³⁵. Надвигалось столкновение СССР и Германии, становился неизбежным раздел Европы на сферы влияния (мюнхенские решения в отношении Чехословакии, договоренности по Польше, откровенное заявление 1940 г. об интересах СССР на Балканах, в районе Черного моря). Именно сталинская внешняя политика, требовавшая определенного идеиного обеспечения, в значительной степени инициировала возвращение к "отставной" идеи³⁶.

В это время славянский вопрос, как и в другие периоды его активизации, имел антигерманскую направленность. Идея славянской взаимности, ранее неверно отождествляемая с панславизмом, теперь обрела иное содержание, поставив в центр внимания единство славян в борьбе с фашизмом, в отстаивании своей независимости. Такое изменение позиций советского руководства, безусловно, преследовало политические цели, что нашло выражение в последующие годы в формировании идеологии блока славянских (и некоторых соседних с ними) стран под эгидой СССР³⁷. Так или иначе, перед лицом нависшей опасности требовалось объединение всех сил как славянских, так и неславянских стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Решение этой задачи требовало определенного уровня знаний о славянах³⁸.

Вместе с тем, существовали некоторые политические отклонения от этой стратегической линии. Речь идет об отношении к Польше после

подписания в 1939 г. соответствующих советско-германских договоренностей. Это отношение нашло немедленное отражение не только в масовой печати, но и в науке, что, впрочем, изменилось после начала Великой Отечественной войны.

Таким образом, общественно-политические запросы сделали славяноведение нужной наукой и распространили на нее определенное внимание и поддержку властей. Поскольку марксизм оставался единственной идеологометодологической базой всех научных разработок, возобновление славистических исследований возможно было уже не на "руинах" отвергнутой славянской филологии, а на новой основе, которой стала историческая наука.

К концу 30-х годов в значительной степени был преодолен примитивный, вульгарно-социологический подход к историческим и историко-культурным явлениям, хотя говорить о полной объективности исследований в этот период не приходится, так как идейной основой научных работ оставалось "безальтернативное" марксистско-ленинское учение. Славистические труды по-прежнему сохраняли политическую и идеологическую окраску, с одной стороны, испытывая давление господствующей системы, с другой — "подпитывая" политику и идеологию властей.

Рубеж 1930 — 1940-х годов — важная веха в истории отечественного славяноведения; это период начала его возрождения после многих лет гонений, приведших к почти полному затуханию нескольких очагов славистики, пытающихся сохранить хоть слабые ростки этой науки. Эти годы характеризуются существенными сдвигами в общественном отношении к славяноведению как науке. Однако было бы трудно ожидать немедленно заметного подъема славистических исследований, хотя, безусловно, можно отметить оживление научной работы в этой области. В это же время укрепляется организационная база советского славяноведения (создание сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян МГУ). Начавшаяся война внесла существенные корректизы в развитие славяноведения, обозначив следующий этап его истории.

Несмотря на все политические коллизии, внутреннее движение науки подспудно продолжалось даже в самых трудных условиях. При том, что в 30-х годах имели место закрытие славистических учреждений, свертывание традиционных исследований, уход от современной тематики, насильтственные "инъекции" марксизма и марризма, преследование науки и ученых — славистическая мысль все же продолжала пульсировать, благодаря чему не была утеряна и прервана традиция

славяноведческих исследований. 1930-е годы вошли в историю отечественного славяноведения поисками новых подходов к пониманию предмета, задач и проблематики этой науки. Переосмысление ее содержания шло по линии расширения хронологических и тематических границ науки, значительного увеличения доли исторических изысканий при существенном уменьшении исследований в рамках традиционных филологических дисциплин. (К концу десятилетия славяноведение понималось уже как часть исторической науки, обслуживающей государственные политические задания, а его филологические отделы воспринимались как вспомогательные отрасли.)

Теоретической разработкой основ советского славяноведения в начале 1930-х годов занимался, главным образом, академик Н.С. Державин. В ряде работ он характеризовал славяноведение XIX — начала XX в. как “формальное филологическое направление в науке”, в центре внимания которого был “обыкновенно церковный памятник письменности... его палеографическое и филологическое обследование” и издание; при этом “вся работа, от начала и до конца, — считал он, — самым тщательным образом была обезврежена от какого бы то ни было намека на общественность, на живую социальную действительность, из гущи которой вырос данный памятник, на борьбу классов, которую данный памятник так или иначе собою отражает даже тогда, когда сам он ни слова и не говорит об этой борьбе”³⁹.

Критикуя определение И.В. Ягича, данное им славянской филологии как науке, охватывающей “комплекс научных дисциплин, занимающихся изучением совокупной духовной жизни славянских народов, как она отражается в их языке, в произведениях литературы, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях”, Державин замечал, что оно страдает односторонностью и в методологическом отношении сужает понятие славяноведения «как комплекса дисциплин, изучающих, именно, “совокупную духовную жизнь славянских народов”, и ограничивая ее, в конечном счете, только языковыми выявлениями»⁴⁰. Прежнему представлению о славистике, как прежде всего о славянской филологии, Державин противопоставляет принципиально новое понимание славяноведения, включающего “в круг своих изучений не только языки, литературу, народное творчество и народный быт, но также... историю классовой борьбы и экономику”⁴¹. Однако это определение тоже отличалось неполнотой и скорее отражало практические задачи славяноведения, нежели реальное содержание исследований, особенно в области истории.

Говоря о славяноведении, Державин имел в виду совокупность “дисциплин”, занимающихся изучением “группы славянских народов

(русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, болгары, сербы, хорваты и некоторые другие)“⁴². Таким образом, эта “специальная область знания” включала не только изучение зарубежных славян (западных и южных), но и восточных. “Основная установка славяноведения как науки, – подчеркивал Державин, – изучение славянства *в целом* (курсив мой. – Е.А.) в лингвистическом, культурном, историческом, литературном и этнографическом отношениях”⁴³.

Кроме того, в содержание славяноведения включались и проблемы балканстики, еще не выделившейся организационно в самостоятельную область науки, всесторонне изучающую народы, живущие на Балканском полуострове, и в то же время непосредственно взаимодействующую со славяноведением, поскольку южнославянские народы одновременно являются и балканскими и тесно связаны с другими народами балканского региона в политическом, экономическом и культурном отношениях⁴⁴. Предмет славяноведения расширялся и за счет других соседних со славянами народов. Сама по себе мысль о необходимости изучения славяноведами неславянских народов, их истории и культуры была не нова (ее высказывали К.Я. Гrot, Г.А. Ильинский, П.А. Сырку и др.), но как самостоятельная область знаний она еще не выделилась, и включение этой проблематики в круг исследований по славяноведению имело большое положительное значение.

По сути дела, если не принимать во внимание зафиксированный марксистским подходом “классовый” оттенок державинского определения славяноведения, то в основной своей части оно совпадает с традиционным пониманием этой науки, постепенно сформировавшимся в течение XIX — начале XX в.; его принципиальные положения были восприняты и послевоенным советским славяноведением. Несмотря на некоторые нюансы в определении содержания славяноведения, вызванные к жизни требованиями времени, в целом это определение, обогатившись новым смыслом, существует и в наши дни. Вместе с тем, как потребности развития самой науки, более целесообразного ее организационного устройства, традиции русского славяноведения, так и внешнеполитические факторы (вхождение славянских народов в разные политические системы и т.п.) обусловили на практике отход от широкого понимания славяноведения и ограничение изучения славянства только зарубежной его частью, в то время как восточные славяне СССР составляли область отечествоведения, хотя в действительности эти ветви науки постоянно соприкасались и взаимодействовали.

Бросив беглый взгляд на общую ситуацию в стране, оказывавшую в 1930-е годы непосредственное влияние на славяноведение, обратим

более пристальное внимание на те немногие очаги славистических исследований, которые не дали затухнуть веками накопленным знаниям и имели немалое значение в деле возрождения этой отрасли науки. Однако обращаясь к истории славистики этого периода, необходимо прежде всего остановиться на трагических страницах в книге судеб отечественного славяноведения.

Примечания

¹ См.: Робинсон М.А. Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 111–134.

² Цит. по: Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917 — 1937 гг. М., 1966. С. 160.

³ См.: Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971.

⁴ Известия ВАРНИТСО. 1930. № 1. С. 21; 1931. № 1. С. 6; и др. См. также: Тугаринов И.А. ВАРНИТСО и Академия наук (1927 — 1937 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 46–55; Он же. История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в годы “великого перелома” // Природа. 1990. № 7. С. 42–102.

⁵ Перченок Ф.Ф. Академия наук на “великом переломе” // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 184.

⁶ См.: L.R. Graham. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927 — 1932. Princeton, 1967. P. 105–107.

⁷ Академическое дело 1929 — 1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4. С. 120–127.

⁸ Брачев В.С. Укрощение строптивой... С. 126; Перченок Ф.Ф. “Дело Академии наук” // Природа. 1991. № 4. С. 99.

⁹ Горянинов А.Н. “Ленинградская правда” — коллективный организатор “великого перелома” в Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8. С. 110, 112–113.

¹⁰ Аксенова Е.П. “Изгнанное из стен Академии” (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 1930-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 71.

¹¹ Цит. по: Робинсон М.А. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г.А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 86.

¹² Чуковский К.И. Из дневника // Знамя. 1992. № 11. С. 168.

- ¹³ См.: *Перченок Ф.Ф.* Академия наук на “великом переломе”. С. 163–235; *Кольцов А.В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990. № 3. С. 53–66.
- ¹⁴ Ульяновская В.А. Формирование... С. 192.
- ¹⁵ Робинсон М.А., Сазонова Л.И. О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В.Н. Перетца М.Н. Сперанскому // Труды отдела древнерусской литературы [Института русской литературы РАН]. Л., 1993. Т. 48. С. 464–465.
- ¹⁶ См.: Уставы АН СССР. М., 1974. С. 130–150.
- ¹⁷ Есаков В.Д. Советская наука... С. 217.
- ¹⁸ Орлов А.С. Всесоюзная Академия наук за 15 лет // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 11. Стлб. 12.
- ¹⁹ Известия ВАРНИТСО. 1930. № 1. С. 4.
- ²⁰ Тайцлин И.С. Научные кадры РСФСР // Научное слово. 1929. № 10. С. 10–31.
- ²¹ Ульяновская В.А. Формирование... С. 175–176, 193.
- ²² Волгин В.П. Академия наук к 15 годовщине Октября // Фронт науки и техники. 1932. № 11/12. С. 30.
- ²³ Бах А.Н. К вопросу о планировании работы научно-исследовательских учреждений Союза // Известия ВАРНИТСО. 1929. № 3. С. 1–2; Опарин А.И. Пятилетний план научно-исследовательской работы // Там же. № 6/7. С. 6.
- ²⁴ Орлов А.С. Академия наук у порога 1932 года // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стлб. 22.
- ²⁵ Волгин В.П. По новому пути — к новым победам // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стлб. 8.
- ²⁶ Рохлина М. Новые формы работы // Известия ВАРНИТСО. 1931. № 3. С. 73.
- ²⁷ См.: Известия ВАРНИТСО. 1930. № 3/4. С. 59–63; 1931. № 1. С. 35–42; Фронт науки и техники. 1931. № 4–5. С. 36–41. О ситуации в Академии наук Украины сообщалось в частных письмах В.Н. Перетца, цитируемых в статье: Робинсон М.А., Сазонова Л.И. О судьбе... С. 462–463. О положении дел в Белорусской АН см. в письмах Н.Н. Дурново, опубликованных в статье: Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ — НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 70–72.
- ²⁸ См.: Робинсон М.А. Государственная политика... С. 124–125.
- ²⁹ Горянинов А.Н. “Ленинградская правда”... С. 108–109.
- ³⁰ Rady delegatów robotniczych w Polsce w 1918—1919. M., 1934; Proletariat. M., 1934; Socjaldemokracja Królestwa polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty. 1914—1918. M., 1936.
- ³¹ Горянинов А.Н. Трактовка славянской взаимности и славяноведения советскими учеными (1920—1930-е годы) // Идея славянской взаимности и ее

роль в развитии истории славистики. Roma, 1994. С. 90–92; Робинсон М.А. Переход в довоенном советском славяноведении. Идеологико-теоретические аспекты // Там же. С. 106–107.

³² Цит. по: Робинсон М.А., Сазонова Л.И. О судьбе... С. 467.

³³ Чернышев И.А. Год кризиса: сентябрь 1938 — сентябрь 1939 года // Советская внешняя политика. 1917 — 1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 194–195, 197.

³⁴ См. выступление В.В. Марьиной в дискуссии: Славянские народы и вторая мировая война // Славяноведение. 1996. № 3. С. 4, 5.

³⁵ Цит. по: Логачев К.И. Славяноведение в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С. 69.

³⁶ Семиряга М.И. Советско-германские отношения (сентябрь 1939 г.–июнь 1941 г.) // Советская внешняя политика. 1917 — 1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 201–250; Он же. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992.

³⁷ Досталь М.Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // Славянские съезды XIX — XX вв. М., 1994. С. 128 — 142.

³⁸ Волков В.К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканстики РАН) // Институт славяноведения и балканстики. 50 лет. М., 1996. С. 11.

³⁹ Державин Н.С. От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стлб. 59.

⁴⁰ Там же. Стлб. 40–41.

⁴¹ Там же. Стлб. 41–42.

⁴² См.: Логачев К.И. Советское славяноведение до середины 30-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 115.

⁴³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 827. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁴⁴ См.: Покивайлова Т.А., Соколовская О.В. Становление балканстики в СССР (изучение истории балканских стран) // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы (История, этнография). М., 1989. С. 163–174.

О ч е р к 2

Репрессии против славяноведов

Преследования славистов закономерно входят в круг событий, очерченных мрачным понятием “репрессии конца 1920 — 1940-х годов”. Явления этого порядка характеризуются поисками инакомыслящих, “врагов народа”, преследованием их в печати, на собраниях, фабрикованием политического “дела”, неправым судом и приговором (последний не отличался большим разнообразием: ГУЛАГ, ссылка, расстрел). Тоталитарное государство вело борьбу не только с отдельными неугодными людьми, но и с представлениями об общечеловеческих ценностях и идеалах.

Традиционная русская славистика, представленная учеными старой школы, незаслуженно обвиненная в “буржуазности” и “панславизме”, никак не вписывалась в систему советской, марксистской науки и должна была сделать выбор: коренным образом преобразоваться (советизироваться) или умереть. Естественно, ученые дореволюционной школы не могли (а некоторые и не хотели) так легко и просто перестроиться на новый лад. В этом им “помогли” соответствующие органы, сфабриковав “Академическое дело”, или, как его иногда называют, “дело” академика С.Ф. Платонова¹ (после неудачных, с точки зрения марксистских претендентов, выборов в Академию в январе 1929 г.). А.В. Луначарский недвусмысленно намекнул в “Известиях”, что академики, отстаивая свою “формальную свободу”, “щутят с огнем”².

В связи с “делом” С.Ф. Платонова, обвинявшегося в монархизме, в контрреволюционном заговоре, в руководстве мифическим “Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России”, в общении с представителями белой эмиграции, были арестованы более 100 человек (в основном в 1930 г.). Несколько ранее, в ноябре 1928 г., был арестован член-корреспондент АН СССР В.Н. Бенешевич (который в послемартыанский период привлекался по разным “делам” четыре раза), ученый секретарь Византийской комиссии. Он изучал и издавал древнеславян-

ские памятники канонического права и оставил заметный след в истории славистики как редактор “Обозрения трудов по славяноведению” за 1908 — 1913 гг. (СПб., 1909 — 1918). Он был обвинен в принадлежности к агентуре Ватикана, передаче клеветнической информации Польше, участии в деятельности контрреволюционной зарубежной организации “Евразийцы”. Осужденного и находившегося в заключении ученого вскоре привлекли к следствию по “Академическому делу”. По “сценарию” ОГПУ ему отводилась роль министра вероисповедания в правительстве Платонова в случае удачного осуществления заговора³.

Сходная судьба постигла историка М.К. Любавского. Во время выборной кампании в АН 1929 г. он подвергался нападкам со стороны ученых-марксистов. Его курс лекций по истории южных и западных славян был представлен как вершина “научного кликушества” (поскольку автор затронул вопрос о немецкой агрессии против славянских народов. Метаморфоза в отношении к этому труду произошла в 1939 г., когда он стал одним из основных пособий студентов). Несмотря на травлю ученого, он был все же избран в действительные члены АН. Однако еще до выборов он был арестован. В феврале 1931 г. Любавского исключили из Академии⁴.

В августе — сентябре 1930 г. в связи с “Академическим делом” были проведены аресты преподавателей Московского университета. Среди них — член-корреспондент АН СССР Ю.В. Готье, член-корреспондент АН СССР Д.Н. Егоров, профессор С.В. Бахрушин. Среди арестованных по “делу” оказались также Е.В. Тарле, В.И. Пичета, Д.Н. Бенешевич и др.

Историк и археолог Ю.В. Готье, один из крупнейших специалистов в области отечественной истории, проявлял интерес и к истории зарубежных славян, о чем свидетельствует изданный в 1916 г. курс его лекций — “История южных славян”, а также более поздние статьи и выступления в дискуссиях по вопросам происхождения славян и древнеславянской истории.

Историк-медиевист и библиограф Д.Н. Егоров (в момент ареста работавший заместителем директора Библиотеки им. В.И. Ленина) известен в славяноведении как автор капитального труда о судьбах полабско-прибалтийского славянства “Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.” (Т. 1 — 2. М., 1915. В 1930 г. работа была опубликована в Германии на немецком языке). На январских выборах 1929 г. в АН кандидатура Егорова была отсечена избирательной комиссией еще на предварительном этапе. Не прошел он и на

выборах 1930 г. Против ученого был применен традиционный для того времени прием — осуждение его деятельности в массовой печати, приводившее к выводу о том, что “тициальному представителю враждебной марксизму буржуазной исторической науки” не место в Академии⁵.

Судьбу своих коллег разделил и член-корреспондент АН БССР В.И. Пичета, изучавший наряду с историей России, Белоруссии, Украины, Литвы также историю Польши и других славянских стран.

Наряду с маститыми учеными репрессиям подвергалась и научная молодежь. В сентябре 1930 г. был арестован С.А. Никитин — впоследствии видный советский славяновед — и в декабре осужден на три года ссылки на Урал. Осуждая молодого ученого, сотрудники ОГПУ вывели заключение, что его “нельзя пускать к преподавательской деятельности. Он электик, дуалист. Методологически чуждый марксистской диалектике...”⁶ (на одном из допросов историк признался, что его мировоззрение опирается на “христианскую основу”, которая не позволяет ему “ортодоксально воспринимать марксизм и диалектический марксистский метод”⁷).

Симптоматично, что по “Академическому делу” проходили все “немарксистские” историки — М.К. Любавский, В.И. Пичета, Д.Н. Егоров, С.Ф. Платонов, которые в 1928 г. в составе делегации принимали участие в “Русской исторической неделе” в Берлине. Помимо других “обвинений” им инкриминировалось ведение переговоров “с немецкими националистами о возможной интервенции”⁸.

Идеологическую поддержку ОГПУ оказывали Институт истории Комакадемии, Общество историков-марксистов, ВАРНИТСО, а также “Ленинградская правда”, “Красная газета”, “Историк-марксист”, “Известия ВАРНИТСО” и другие организации и органы печати, которые вели активную борьбу с “агентами” буржуазной науки на историческом и иных научных “фронтах”.

Привлеченные по “Академическому делу” ученыe обвинялись в стремлении к свержению советской власти, связях с белой эмиграцией, в передаче важных сведений представителям иностранных государств, а также в противодействии советскому правительству в деле реорганизации науки и высшей школы на социалистических началах¹⁰. Опубликованные в наше время материалы, связанные с этим “делом”, не только свидетельствуют о том, что оно было сфальсифицировано от начала до конца, но и показывают методы, которыми велось следствие. С помощью шантажа и угроз обвиняемых вынуждали давать ложные показания (о чем сообщали осужденные Пичета, Любавский, Тарле и др.)¹¹.

Однако, несмотря на тяжелые обвинения, предъявленные арестованым ученым, открытого процесса по их “делу” не было. Репрессивные меры нужны были властям, чтобы подчинить себе Академию (правда, раздавались отдельные голоса за ее уничтожение). “Покоренная” АН, превращенная в крупный научный центр *советской* страны, способствовала бы поднятию авторитета власти. Кроме того, имена многих ученых были хорошо известны мировой научной общественности, и публичный процесс мог бы вызвать протесты с ее стороны. Поэтому решение по “Академическому делу” принималось Коллегией ОГПУ во внесудебном порядке. Ученые, причисленные к “руководящей” группе “антисоветской организации”, были осуждены 8 августа 1931 г. к пяти годам ссылки¹². Некоторые ученые, видимо, не выдержав такого несправедливого, ничем не обоснованного наказания, оторванные от своей исследовательской деятельности, от привычной научной и педагогической среды, скончались в местах ссылки (С.Ф. Платонов — в Самаре в 1933 г., М.К. Любавский — в Уфе в 1936 г., Д.Н. Егоров — в Ташкенте в ноябре 1931 г. и т. д.)¹³. Другие же, полностью или частично отбыв срок ссылки, вернулись к научной и преподавательской работе. Среди них были такие известные ученые, как В.Н. Бенешевич (по ходатайству В.Д. Бонч-Бруевича досрочно освобожденный в 1933 г., он был снова арестован в 1937 г. и в следующем году расстрелян¹⁴), Е.В. Тарле (сосланный в Алма-Ату, он уже в 1932 г. приступил к научной работе, а в 1938 г. ему было возвращено отнятое в 1931 г. звание академика¹⁵), Ю.В. Готье (по возвращении из самарской ссылки возобновил свою профессиональную деятельность, а в 1939 г. был избран академиком¹⁶), В.И. Пичета (после ссылки в Вятку и Воронеж он также вернулся в науку и в 1946 г. стал действительным членом Академии наук¹⁷), С.В. Бахрушин (был в ссылке в Семипалатинске; на выборах 1939 г. избран членом-корреспондентом АН СССР¹⁸) и др.¹⁹ Был досрочно освобожден и С.А. Никитин, но только в 1937 г. он смог приступить к преподавательской работе²⁰.

По признаниям представителей правящей верхушки, для того чтобы добиться подчинения Академии наук, “Партия должна была нанести удар академикам”, прибегнув к арестам (М.И. Калинин). “Примерно наказав” ученых, их решили “понемногу выпустить”, будучи уверенными, что “больше антисоветчины они не разведут” (А.С. Енукидзе)²¹. По замыслу руководителей государства, “Академическое дело”, по которому проходило и немало известных славистов, должно было отбить у академиков желание впредь оказывать какое-либо сопротивление вла-

ствам (а для представителей “непопулярного” славяноведения оно, возможно, было своеобразным предупреждением).

Послереволюционный массовый исход из России интеллигенции, в том числе и многих славистов, явился первым актом драмы отечественного славяноведения. Продолжением стали репрессии конца 20-х — начала 30-х годов (в том числе и не связанные с “Академическим делом”), принесшие ощутимый урон славистике, особенно ее исторической части (в основном — медиевистике). Кроме потерь в среде славистов Москвы и Ленинграда, преследования затронули также украинских и белорусских ученых²². Репрессии против славистов побудили украинского поэта и литературоведа М.П. Драй-Хмару выступить на страницах харьковской газеты “Пролетарская правда” в защиту всего советского славяноведения, к которому, по его мнению, проявляют равнодушие “как наши руководящие кадры, так и широкие слои граждан”. “Нам не к лицу, — писал он, — плестись в хвосте славистической деятельности; мы должны принять в ней самое деятельное участие”. Правда, это “участие” он трактовал в духе новых идей. Драй-Хмара считал, что изучение славянства с новых методологических позиций помогло бы усвоению марксистских идей в славянских странах. Он считал, что советское славяноведение должно ставить во главу угла исследование актуальных проблем современного славянства. С этой целью автор предлагал объединить усилия всех специалистов-славистов²³.

Несмотря на тяжесть и невосполнимость потерь славистики на рубеже 20 — 30-х годов, насилиственное изъятие ученых из сферы активной научной деятельности, преследования славистов не имели еще масштабного характера, не были специально спланированной антиславистической акцией.

В 1931 — 1933 гг. славистические исследования даже получили некоторое развитие в созданном в Ленинграде Институте славяноведения. Однако этот период был очень кратковременным. В конце 1933 г. началась новая серия арестов славистов, на этот раз — преимущественно филологов Москвы и Ленинграда (видимо, как наиболее преданных традициям дореволюционного славяноведения). Аресты продолжались и в 1934 г. Среди арестованных были: известный фольклорист, этнограф и литературовед-славист К.А. Копержинский, крупные языковеды А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, Н.Н. Дурново, исследователь жизни и деятельности Клиmenta Охридского Н.Л. Туницкий, сотрудник Института славяноведения, литературовед и историк В.Н. Кораблев и др. Подверглись преследованиям историк литературы, этнограф и фольклорист академик

М.Н. Сперанский и исследователь славянского средневековья академик В.Н. Перетц. Были арестованы также учёные младшего поколения, сформировавшиеся в годы советской власти: Д.Д. Димитров, А.И. Павлович, Н.И. Кравцов и др.²⁴ Если аресты учёных старшего поколения еще можно было как-то соотнести со сталинской теорией "усиления классовой борьбы в период строительства социализма", то преследование молодых специалистов, получивших в советских вузах марксистско-ленинскую подготовку, представлялось на первый взгляд нелогичным.

В настоящее время, благодаря скрупулезному исследованию архивных материалов бывшего КГБ СССР, проведенному Ф.Д. Ашининым и В.М. Аллатовым²⁵, прояснились многие обстоятельства "дела славистов"; стало очевидным, что оно возникло не вдруг, а было заранее спланировано и тщательно готовилось, хотя в ходе следствия приходилось порой менять акценты в версии обвинения. Первоначально у обвиняемых требовали признаний в связях с белоэмигрантскими организациями с целью восстановления монархии в России. Они причислялись к не существовавшей "Российской национальной партии" (РНП). Академик В.Н. Перетц послужил следствию "связующим звеном" для объединения в этом "деле" ленинградской (37 человек) и московской (34 человека) групп арестованных учёных. Затем следствие выдвинуло более конкретную версию связи "антисоветской группы славяноведов" через Н.Н. Дурново (в конце 1920-х годов вернувшегося из длительной зарубежной командировки в СССР по приглашению Института белорусской культуры и вскоре ставшего академиком Белорусской АН) с "венским центром", якобы возглавляемым филологом Н.С. Трубецким. В разработке этой версии следователям помогали некоторые обвиняемые в надежде на облегчение своей участи или из страха за судьбу близких.

Важную роль в "деле славистов" сыграли показания М.Н. Скачкова, арестованного осенью 1933 г. Бывший белый офицер, эмигрировавший в 1922 г. в Чехословакию, он в 1926 г. вернулся на родину и был завербован органами НКВД. До середины 30-х годов он публиковал в советской печати статьи о чешской литературе. Дав нужные для следствия показания, сам, однако, в число обвиняемых "членов" РНП не вошел (он был осужден по другому делу на 10 лет лагерей и там погиб²⁶). Среди членов "националистической организации" он назвал, в частности, Н.С. Державина, В.Н. Кораблева и В.Г. Чернобаева как крупных славяноведов, имеющих широкие связи за границей, особенно в Праге²⁷. (В связи с этим нельзя не оценить предусмотрительность Н.С. Державина, который, вернувшись из командировки в Прагу в 1933 г., представил в

соответствующие инстанции подробный отчет о своем пребывании за границей, особенно подчеркивая сознательное уклонение от каких бы то ни было контактов с бывшими соотечественниками²⁸.)

Сломленный следствием Н.Н. Дурново также называл Н.С. Державина одним из активных участников “Российской национальной партии”, входившим в ее политический центр и поддерживавшим связь с Р.О. Якобсоном во время зарубежных поездок. Сын Н.Н. Дурново, А.Н. Дурново, на следствии назвал Институт славяноведения, возглавлявшийся Державиным, “легальной базой контрреволюционной деятельности”²⁹. Однако, как ни странно, ни Н.С. Державин, ни В.Г. Чернобаев ни в каком качестве не привлекались к “делу славистов”. Что касается Державина, то он в отличие от многих ученых старой школы приспособился к новой власти, стал вполне “советским” академиком и был очень близок к Н.Я. Марру, пропагандируя его учение. Можно предположить, что имя Марра или его поддержка сыграли какую-то роль в том, что Державин остался на свободе. Вообще же, из шести академиков, включенных в список “политического центра” РНП, были арестованы только М.Н. Сперанский и В.Н. Перетц³⁰.

Все же от разработки линии обвинения, главным пунктом которой был “монархический заговор”, пришлось отказаться; скорее всего это было связано с освобождением некоторых ученых (М.Н. Сперанского, Ю.М. Соколова) по указанию свыше (а именно Сперанского предполагалось сделать главой мнимой “организации”³¹). В результате, в обвинительном заключении в качестве руководящих членов РНП фигурируют только Н.Н. Дурново и Г.А. Ильинский³²).

В апреле 1934 г. следствие начало активно разрабатывать иную версию, в основу которой было положено утверждение, что “славянская филология — реакционная наука”, получившая широкое распространение в фашистской Германии; ученые-слависты своими исследованиями и лекциями наносили “большой вред” советской идеологии и “толкали молодежь в объятия религии”. Одним из “подпавших под влияние” буржуазной славистики был Н.И. Кравцов, опубликовавший в 1933 г. монографию “Сербский эпос”. Следователь заявил автору, что эта книга — “орудие в борьбе против нас” (в 1947 г. Н.И. Кравцов получил за этот труд степень доктора филологических наук)³³. В борьбе за идеологическую монополию властям было необходимо не только расправиться с инакомыслием старшего поколения славистов, но и заставить молодежь мыслить лишь определенными категориями (для этого, думается, и нужны были в “деле славистов” в качестве “отрицательного примера” некоторые ученые новой генерации).

22 декабря 1934 г. М.Н. Сперанский, В.Н. Перетц и Н.Н. Дурново были исключены из Академии наук (в то же время Г.А. Ильинский и А.М. Селищев и в лагере оставались членами-корреспондентами АН, но в 1938 г. это “упущение” было исправлено и оба ученых были выведены из состава Академии, хотя один уже был на свободе и преподавал в вузах, а другой был расстрелян)³⁴.

Тезис о срастании славяноведения с идеологией фашизма защищало не только следствие: под давлением органов руководство обновленной АН и некоторые слависты пытались внедрить его в общественное сознание. По распоряжению Президиума АН в Институте языка и мышления в декабре 1934 г. прошло обсуждение состояния славянского языкоznания в стране. С докладом на эту тему выступил Д.Д. Димитров (видимо, докладчик был выбран не случайно: в феврале 1934 г. он был обвинен в участии в “контрреволюционной националистической организации украинских болгар”, приговорен к лишению свободы на пять лет условно и оставался при этом в Ленинграде; в расчете на реабилитацию или из страха перед новыми преследованиями он должен был выполнить это задание НКВД)³⁵. Хотя доклад должен был характеризовать положение отечественной славистики, тема его была изменена и определялась следующим образом: “Славянская филология на путях фашизации (К оценке ее состояния на Западе)”. В докладе утверждалось, что славянская филология “была всегда наукой заведомо и насквозь пропитанной зоологическим национализмом” и базирующейся на “идеализме фашистского толка”. Несмотря на то, что выступление было посвящено западному славяноведению, приведенные оценки не могли не бросить тень и на отечественную науку, тем более, что автор позволял себе среди многих бездоказательных утверждений и такие, которые касались, например, “столпов русского славяноведения”, оказавшихся, по его мнению, “не только лишними, но и вредными для подлинной науки победившего пролетариата”. Вместе с тем, прямых выпадов против советского славяноведения и его представителей в докладе не было. Затронутая лишь в одном докладе проблема не стала предметом широкого обсуждения, но сам факт подобного выступления сигнализировал о завершении формирования отношения к славяноведению в первой половине 30-х годов и о свертывании исследований в этой области почти до конца десятилетия.

Следствие же шло своим чередом. Как и в случае с “Академическим делом”, решение по “делу славистов” принималось не на открытом судебном процессе, а на заседании Коллегии ОГПУ (хотя само

“Академическое дело” было придано широкой гласности, а о “деле славистов” материалы почти не публиковались³⁷). 29 марта и 2 апреля 1934 г. ученым-славистам был вынесен приговор. Самые большие сроки получили Г.А. Ильинский, Н.Н. Дурново и сотрудник Института славяноведения В.В. Дроздовский — по 10 лет (в том же году Ильинскому заключение в Соловках было заменено трехлетней ссылкой в Западную Сибирь). А.М. Селищев, Н.И. Кравцов и А.И. Павлович были осуждены на пять лет лагерей каждый (Павлович полностью отбыл срок, Кравцов вышел чуть раньше срока, после освобождения в 1939 г. оба преподавали в провинциальных вузах; Селищев в 1937 г. был досрочно освобожден и через некоторое время даже получил возможность заниматься научной и педагогической деятельностью в Москве). В.Н. Кораблев был отправлен на десять лет в ссылку в Казахстан, где и скончался. М.Н. Сперанский приговорен в июне 1934 г. к трем годам ссылки, замененной в том же году на условное наказание (до своей смерти в 1938 г. ученый не имел возможности публиковать научные исследования). Были освобождены Ю.М. Соколов и Н.Л. Туницкий (последний, оказавшись на свободе, покончил жизнь самоубийством). В.Н. Перетц по приговору, вынесенному в июне 1934 г., был сослан на три года в Саратов, откуда уже не вернулся. (О судьбе Д.Д. Димитрова, проходившего по другому “делу”, уже упоминалось.) Участникам “дела” были вынесены приговоры разной степени тяжести. Расстрел не был применен ни к кому³⁸.

Репрессии 1933 — 1934 гг. нанесли серьезный удар славистике и послужили поводом для “организационных выводов” в отношении славяноведения: был закрыт ленинградский Институт славяноведения (ряд сотрудников которого были арестованы), в вузах почти не преподавались дисциплины славистического цикла.

Новая мощная волна репрессий прокатилась во второй половине 30-х годов. Из привлекавшихся по “делу славистов” 11 человек были расстреляны (среди них: Г.А. Ильинский и Н.Н. Дурново — в 1937 г., В.В. Дроздовский — в 1938 г.). Другие умерли в тюрьме и ссылке. До освобождения дожили всего 17 человек, проходившие по “делу” в 1934 г. В 1938 г. был расстрелян и М.Н. Скачков³⁹.

Наряду с советскими гражданами репрессии захватили и политэмигрантов из славянских стран (деятелей Коминтерна и др.), писавших у нас на темы истории и культуры своих народов. Более всего пострадали в 1937 г. польские политэмигранты (М. Хорвитц, Т. Домбаль, Ю. Лещинский, Х. Битнер, Ст. Бобиньский, Б. Бортновский, Б. Будкевич, Х. Лауэр, Ст. Мертенс, С. Хельтман, В. Штейн и др.). В 1938 г. преследова-

ния специалистов по Польше продолжились (среди арестованных были А.И. Романский-Стажевский, Г.И. Лурье, И.А. Клейнман, П.Н. Берков)⁴⁰.

В 1937 — 1938 гг. подверглись репрессиям болгарские исследователи (И. Василев, Д. Гачев, Х. Кабакчиев), а также долго живший в Болгарии и изучавший жизнь и деятельность Х. Ботева Е.З. Волков (Кабакчиев и Волков, пробыв некоторое время под следствием, затем были освобождены, но если первый вернулся к научной работе, хотя и не печатался, то второй прекратил занятия славистикой). Был расстрелян югославский коммунист Ф. Филипович, исследовавший крестьянский вопрос в Югославии. После 1938 г. также можно отметить случаи преследования славистов, но они не носили массового характера⁴¹.

Сталинская инквизиция нанесла в 30-е годы тяжелые удары отечественному славяноведению. От активной научной деятельности были отстранены не только ведущие ученые, зачастую бывшие представителями старой славистической школы, но и молодые специалисты, получившие подготовку в советское время. Среди тех, кто подвергался преследованиям, были и люди, участвовавшие в политическом движении, и далекие от политики. Многие из них были физически уничтожены или умерли в лагерях и ссылке. Из оставшихся в живых не все смогли продолжить научную деятельность, а те, кто вернулся к работе, не могли не вспоминать годы репрессий. Это обстоятельство должно было неизбежно сказаться на их трудах (как в отношении характера и тематики, так и выводов); осторожность стала чертой, присущей этим работам.

Славистика понесла немалые жертвы. Острота этих потерь стала особенно ощутима в начальный период возрождения славяноведения, когда обнаружилось отсутствие специалистов в важнейших областях этой науки. Однако несмотря на кризисное состояние славяноведения в 30-е годы, никакие преследования не могли уничтожить его полностью. Новые потребности способствовали оживлению науки, привлечению к этому процессу уцелевших славистов и подготовке молодой плеяды специалистов.

Примечания

¹ Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129; Академическое дело 1929 — 1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

² Цит. по: Горянинов А.Н. Еще раз об “академической истории” // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 181.

³ Горянинов А.Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920 — 1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78; Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм и славяноведение: к изучению источников по истории советской науки 20 — начала 50-х годов // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 267.

⁴ Горянинов А.Н. “Ленинградская правда” — коллективный организатор “великого перелома” в Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8. С. 112–113; Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова... С. 127, 129.

⁵ Горянинов А.Н., Ратобильская А.В. Д.Н. Егоров: научная деятельность и славистические исследования // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 105–107.

⁶ Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Неизвестная страница биографии С.А. Никитина (по материалам ОГПУ начала 30-х годов) // Балканские исследования. Вып. 14. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1992. С. 14, 18–19.

⁷ Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм... С. 264.

⁸ Там же. С. 266; Горянинов А.Н., Ратобильская А.В. Д.Н. Егоров... С. 106.

⁹ См., например: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М. — Л., 1931.

¹⁰ Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова... С. 126.

¹¹ Академическое дело... С. XXXVI — XXXVII; Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм... С. 264–266.

¹² Академическое дело... С. XLVIII.

¹³ Там же. С. XLIX.

¹⁴ Там же; Горянинов А.Н. Славяноведы... С. 79.

¹⁵ Академическое дело... С. XXXVII, XLVI, XLIX.

¹⁶ Там же. С. XLIX.

¹⁷ Там же; Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова. С. 129.

¹⁸ Академическое дело... С. XLIX; Перченок Ф.Ф. “Дело Академии наук” // Природа. 1991. N 4. С. 104.

¹⁹ Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова. С. 129.

²⁰ Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Неизвестная страница... С. 18.

²¹ Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм... С. 272.

²² Горянинов А.Н. Славяноведы... С. 79–80.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 80–82.

²⁵ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”: 30-е годы. М., 1994.

²⁶ Горянинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм... С. 262–263.

²⁷ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”... С. 12.

²⁸ Подробнее см. в очерке “Международные связи советских славистов”.

²⁹ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”... С. 55, 57, 71.

³⁰ Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 73–74.

³¹ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”... С. 98; Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 80.

³² Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой... С. 74.

³³ Бернштейн С.Б. Трагическая страница... С. 80–81.

³⁴ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”... С. 98, 159–160.

³⁵ Там же. С. 11; Бернштейн С.Б. Трагическая страница... С. 81–82; Горяинов А.Н. Славяноведы... С. 83.

³⁶ Доклад опубл. в сб.: Язык и мышление. Л., 1935. Т. V. С. 125–133.

³⁷ Горяинов А.Н., Петровский Л.П. Тоталитаризм... С. 272–273.

³⁸ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”... С. 81, 83, 105, 120, 136, 165.

³⁹ Там же. С. 138–139.

⁴⁰ Горяинов А.Н. Славяноведы... С. 85–86.

⁴¹ Там же. С. 87 — 88.

О ч е р к 3

Славистика в высших учебных заведениях

Славистические кафедры в российских университетах в XIX — начале XX вв. сыграли заметную роль в развитии отечественного славяноведения¹. На этих кафедрах преподавали выдающиеся ученые, создавшие свои школы и подготовившие множество достойных учеников и продолжателей традиций славистических исследований. Педагогическая и учебная деятельность на славянских кафедрах сочеталась, как правило, с научной работой, основанной не только на использовании материалов, полученных на родине, но и в результате специализированных заграничных командировок. Фундированность всегда являлась одной из основных черт трудов русских славистов, наряду с широтой взглядов и методических приемов, в результате чего сложились различные исследовательские направления. Дореволюционная русская славистика пользовалась широкой известностью и авторитетом у зарубежных ученых, оказывая определенное влияние и на славяноведение других стран.

Послереволюционные эксперименты в сфере науки и образования привели к ломке старых традиций в университетском преподавании славистических дисциплин и в то же время не способствовали выработке новых устойчивых форм и методов обучения молодых кадров славистов.

Стремление подчинить свободное научное творчество диктату власти, обвинение большой группы “инакомыслящих” ученых, среди которых были и известные слависты, раздувание кампаний их травли в масовой печати, внедрение в общественное сознание резко отрицательного отношения к славяноведению как “буржуазной”, мешающей социалистическому строительству науке, не могло не сказаться на чтении славистических курсов в высших учебных заведениях. Судьба этих курсов связана с судьбой гуманитарных факультетов.

Кардинальные организационные перестройки и изменения программ гуманитарных подразделений университетов в 1920-х годах, ко-

торые проводились якобы в интересах улучшения подготовки специалистов, привели к тому, что к следующему десятилетию практически были ликвидированы факультеты гуманитарного профиля, а затем в разные годы постепенно снова восстанавливались. В начале 1930-х годов наблюдалось заметное снижение уровня преподавания гуманитарных наук. Вместо научных работников широкого профиля вузы стали ускоренно, за два с половиной — три года, готовить узких специалистов, внедряя при этом не оправдавшие себя коллективные, упрощенные формы обучения. Отрицательные результаты не замедлили сказаться. Но уже в первой половине 30-х годов наметился поворот к традиционной системе преподавания и начался процесс позитивных изменений в подготовке научных и преподавательских кадров.

После прекращения деятельности существовавшего в 1927 — 1930 гг. на этнографическом факультете МГУ цикла южных и западных славян преподавание славистических предметов в университете свелось к минимуму. В 1930/1931 уч. г. еще работала руководимая А.М. Селищевым кафедра славянских языков на историческом отделении историко-филологического факультета. Преподаватели кафедры вели занятия по болгарскому и польскому языкам на музейно-краеведческом цикле того же факультета. К началу 1932 г. были отменены последние “два факультативных часа по славяноведению”, которые вел А.М. Селищев, и, таким образом, как отмечал Г.А. Ильинский, “последний огонек славянских изучений” в МГУ потух².

В 1930 — 1931 гг. на базе историко-философского факультета Московского и историко-филологического факультета Ленинградского университетов были организованы самостоятельные высшие учебные заведения университетского типа — Московский институт философии, литературы и истории (первоначально называвшийся Историко-философским институтом) и Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (в первое время именовавшийся Ленинградским историко-лингвистическим институтом). МИФЛИ и ЛИФЛИ находились в подчинении Наркомпроса РСФСР. В 1934 г. после некоторых реорганизаций в обоих институтах были созданы факультеты: исторический, философский, филологический (позже в МИФЛИ был открыт экономический факультет). Новые вузы были призваны готовить научно-исследовательские и преподавательские кадры для научных учреждений, высших и средних учебных заведений. Срок обучения в МИФЛИ и ЛИФЛИ постепенно был доведен до пяти лет. Каждый институт имел аспирантуру. Наряду с учебной научно-исследовательская работа составляла

неотъемлемую сферу деятельности институтов. В годы отсутствия славистических кафедр в университетах эти учебные заведения взяли на себя подготовку кадров славистов, хотя и не по полной программе.

Немногочисленные университетские слависты того времени в основном перешли во вновь созданные институты. Безусловно положительным являлось их стремление по возможности сохранить славистические дисциплины в учебных планах, хотя они и не могли быть широко представлены в изучаемых циклах, учитывая образовавшуюся вокруг славяноведения атмосферу и отсутствие нужных преподавателей из-за преследования известных ученых. Один из преподавателей ЛИФЛИ, К.А. Пушкаревич, высказывал надежду на то, что в институте будут подготовлены новые кадры лингвистов-славистов, “вооруженные марксистско-ленинским методом” и идущие по пути “новой науки о языке”, основанной на теории Н.Я. Марра³. Однако следует заметить, что кроме этого методологического “вооружения” не было ни учебников, ни разработанных программ по славистическим предметам.

Пока еще недостаточно изучено то, как осуществлялась подготовка славистов в МИФЛИ и ЛИФЛИ. Однако известно, что в ЛИФЛИ была кафедра русского и славянских языков, которую с 1930 по 1937 г. возглавлял Н.С. Державин. С самого начала в институте изучались польский, болгарский, сербский и другие “живые славянские языки”. Говоря о своевременности получения студентами подобных знаний, К.А. Пушкаревич в подготовленной к печати, но не опубликованной статье “Славянские языки в ЛИФЛИ” подчеркивал, что “изучение славянских языков у нас в Советском Союзе приобретает громадное культурно-политическое значение”, которое определяется растущим интересом к советской науке в славянских странах и на Западе, а также тем обстоятельством, что на территории СССР живет около миллиона западных и южных славян, изучение языков которых “помимо чисто научного интереса” имеет и значение для развития их культуры⁴.

Изучалась в ЛИФЛИ и польская литература. Наряду с ней в учебные планы института предполагалось включить преподавание и других славянских литератур. В институте был создан и некоторое время работал под руководством Н.С. Державина кабинет славяноведения, но из-за непопулярности науки, усилившейся в связи с “делом славистов”, кабинет был закрыт (что Державин объяснял в 1936 г. происками “троцкистско-зиновьевской группы” деканов В.Ф. Шишмарева, И.И. Мещанинова и А.С. Орлова)⁵. Впоследствии славянский кабинет, видимо, был восстановлен; им заведовал литературовед С.С. Советов⁶.

После закрытия в 1934 г. Института славяноведения ЛИФЛИ мог бы стать в известном смысле “центром изучения и преподавания славяноведения, т. е. изучения группы славянских народов в их языковых, литературно-художественных, бытовых и социальных выявлениях”⁷. Одной из задач подготовки молодых славистов была помочь славянскому населению Советского Союза в “культурном строительстве”. Борьба с “филологическим формализмом” также стояла в центре внимания славистов института. С самого начала в ЛИФЛИ существовало отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники (ВАРНИТСО), секретарем которого был К.А. Пушкаревич. Ассоциация объединяла молодую советскую “пролетарско-крестьянскую” интеллигенцию на основе марксистской идеологии и активно вела борьбу с учеными старой формации⁸.

В 1937 г. ЛИФЛИ был расформирован и на базе его литературного и лингвистического факультетов создан филологический факультет ЛГУ, два других факультета были объединены с историческим факультетом университета.

В изданиях ЛИФЛИ славянская тематика получила более чем скромное отражение, что может свидетельствовать лишь о небольшом удельном весе славистических дисциплин в учебных программах и научных исследованиях института. В 1931 г. был опубликован “Сборник работ студентов-выдвиженцев, аспирантов и научных работников” Ленинградского историко-лингвистического института. В историческом разделе сборника помещена статья Д.Д. Димитрова “Болгарские переселения в Украину и Крым (К истории южнославянских передвижений XVIII — XIX вв.)” (с. 1–19). Свойственный Димитрову и проявлявшийся в ряде его работ упрощенный, вульгарно-социологический подход к историческому прошлому наблюдается и в данной статье. В предисловии к сборнику, написанном профессором Я.К. Пальвадре, находит поддержку позиция автора, который «разоблачает ... всю спекуляцию русского самодержавия на мотивах “освобождения православных народов из-под ига турецкого ислама” ... вскрывает истинную цель русских “освободителей” — империалистические аппетиты на эксплуатацию балканских народов и борьбу против Турции за торговые пути через южные проливы»⁹.

В литературном разделе сборника опубликована статья С.С. Советова “К вопросу об изучении Вука Караджича (Опыт критико-библиографического обзора за период с 1864 г. по 1926 г.)” (с. 158–174). Подход автора к анализу литературы, освещющей деятельность В. Караджича, аналогичен позиции Димитрова. “Вуковская проблема”, по

мнению Советова, разрешена лишь частично, поскольку “старые ученые”, не выходя за “рамки буржуазной идеологии”, рассматривали В. Караджича “не как представителя идеологии определенной социальной группы ... но исключительно как национального вождя ... а саму реформу (сербского литературного языка. — Е.А.) исключительно как один из этапов возрождения сербского народа”. Взгляд на реформу “с точки зрения материалистической диалектики”, как казалось автору, “раскрывает нам любопытнейшую страницу классовых взаимоотношений, как внутри самой Сербии, так и со стороны зап[адно]-евр[опейских] и восточных стран”. Такой подход, считал Советов, открывает новый этап изучения Вука Караджича согласно с требованием развития современной марксистской научной мысли.

ЛИФЛИ издавал также сборники “Советское языкознание” (Т. 1–3. 1935 — 1937), на страницах которых славистика была представлена слабо. В третьем томе можно отметить статью Э.А. Лемберг, посвященную М.Г. Долобко (с. 3–6). Характеризуя Долобко как “одного из крупных лингвистов-славистов”, “глубокого знатока всех славянских языков”, подчеркивая “тщательность и полноту” всех его исследований, автор статьи констатирует, что ученый принадлежал к “старой лингвистической школе” и “в совершенстве владел ее методом”; во всех своих работах он “выступает как славист-компаративист, широко использующий также материал других индоевропейских языков”. Вместе с тем отмечается сближение Долобко с марризмом, к которому, по словам автора, он пришел “только после некоторого колебания”. Принимая отдельные положения “нового учения о языке”, ученый все же, “по его собственному свидетельству, не находил в яфетиологии ответа на все вопросы развития изучаемых им славянских языков”. Только знакомство Долобко с работами Ф. Энгельса помогло в решении трудных проблем; его труды дали “ключ к пониманию соотношения ... славянских языков, объясняя их близость закономерностями родового строя” (статья М.Г. Долобко “Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии” опубликована в первом томе сборника).

Отношение к славистике в 30-е годы было таково, что некоторые важные работы М.Г. Долобко остались неопубликованными (среди них: “Исследование о богомильстве в Боснии”, “Славянские числительные”, “Двойственное число в старославянском языке” и др.). “Советское языкознание” опубликовало (посмертно) одну из неоконченных работ ученого — “Ю. Крижанич о русском языке”¹⁰.

Несмотря на то, что марризм пустил корни в ЛИФЛИ, благодатной почвы он там не нашел; со временем “изучение научного наследия академика Марра” было свернуто, на что сетовал Н.С. Державин¹¹.

В 1937 г. на восстановленном филологическом факультете Ленинградского университета не было славянской кафедры (она была образована лишь в августе 1941 г.), тем не менее в довоенные годы славистические предметы преподавались студентам кафедры русско-славянской филологии как вспомогательные дисциплины. Н.С. Державин и В.Г. Чернобаев преподавали историю славянских литератур, Л.В. Матвеева-Исаева и К.А. Пушкиревич читали лекции и вели практические занятия по славянским языкам. На филфаке работал и литературовед С.С. Советов. Преподаватели совмещали педагогическую работу с научно-исследовательской. В 1940 г. Н.С. Державин завершил подготовку "Истории болгарской литературы"¹², а К.А. Пушкиревич подготовил и защитил докторскую диссертацию "Чехи в России"¹³.

Московский "собрат" ЛИФЛИ в 30-е годы был в Москве тем высшим учебным заведением университетского типа, в котором в период прекращения преподавания славистики в МГУ планомерно изучались некоторые дисциплины славистического цикла. Среди предметов, изучавшихся в институте в первые годы его работы, не было курсов по истории или истории культуры славянских народов¹⁴, хотя не исключено, что в обзорных курсах и давались какие-либо сведения о славянах. В списке тем дипломных работ студентов-историков не попадаются темы по истории славянских народов¹⁵. Только в плане работы музеяного отделения (накануне его передачи из МГУ в Историко-философский институт) значились спецкурс "История славянских народов" и семинары по славянской этнографии и материальной культуре славянских народов¹⁶.

Среди преподавателей исторического факультета можно назвать Н.П. Грацианского, Ю.В. Готье, Е.А. Косминского, С.В. Бахрушина, В.С. Сергеева, В.В. Стоклицкую-Терешкович, А.С. Ерусалимского, Р.А. Авербух и др.¹⁷

В 1934 г. в связи с организационной перестройкой института и созданием литературно-лингвистического (с 1938 г. — филологического) факультета в его программы были включены славистические предметы, как в подготовку студентов, так и аспирантов. На факультете преподавали Н.К. Гудзий, С.И. Радциг, В.Ф. Переверзев, А.М. Еголин, М.М. Покровский, Н.С. Чемоданов, Р.О. Шор и др.¹⁸ На лингвистическом отделении факультета существовал специальный славяно-русский цикл. В 1934 г. студентам этого цикла и русского цикла литературного отделения читался курс "Введение в изучение славянских языков". В следующем году курс "Введение в славянское языкознание" читал профессор К.Т. Немчинов. В то же время он вел занятия по отдельным славянским языкам с аспирантами не только филологического, но и исторического

факультета в зависимости от их специализации¹⁹. Занятия по славянскому языкоzнанию с аспирантами филфака вел также доцент П.П. Свешников²⁰. Преобразованный в кафедру, славяно-русский цикл получил название кафедры славяно-русского языкоzнания (некоторое время она называлась кафедрой общего и славяно-русского языкоzнания), которую возглавлял Д.Н. Ушаков²¹.

Д.Н. Ушаков читал студентам фонетику русского языка, доцент Е.М. Федорук — грамматику, профессор Г.О. Винокур — историческую грамматику и курс русского литературного языка, профессор Р.И. Аванесов — старославянский язык²². С конца 1937 г. славянскими языками с аспирантами стал заниматься профессор А.М. Селищев. С января 1938 г. он и профессор М.Н. Петерсон были зачислены на кафедру славяно-русского языкоzнания²³. А.М. Селищев читал курс “Введение в славяноведение”. По свидетельству студентов, он знакомил их с тем, «как жили и на каких диалектах разговаривали “наши предки славяне”». Обращаясь к истории польского языка, например, профессор рассказывал и об истории Польши и польской литературы. В то же время Селищев приступил к работе над новым учебником старославянского языка²⁴.

В штате кафедры славяно-русского языкоzнания (в 1938 г.) состоял также доцент С.И. Ожегов. С сентября 1939 г. А.М. Селищев и С.И. Ожегов оставили работу на кафедре. (После исключения в 1938 г. из Академии за “причастность” к “делу славистов” над Селищевым нависла угроза увольнения из МИФЛИ; не дожидаясь этого, он сам подал заявление об уходе в конце июля 1939 г.) На открывшиеся вакансии были зачислены окончивший аспирантуру кафедры и защитивший диссертацию В.И. Чичагов и профессор С.Б. Бернштейн. На кафедре работали также П.С. Кузнецов, Н.В. Степанов, Н.П. Докутсов, В.Д. Иванов, лаборанты В.Н. Старинин, Н.И. Горбункова, Е.Е. Матлина. В 1940 г. в институте стал сотрудничать П.Г. Богатырев. Осенью он начал читать курс лекций “Введение в славяноведение” и готовил факультативный курс “Фольклор у славян”,²⁵.

Несмотря на расширение кафедры, программа и объем преподавания славистических дисциплин и на рубеже 30 — 40-х годов оставались в основном прежними: изучение старославянского языка, введение в славяноведение и т. д. Стимулом к изменению этого положения должно было служить решение, принятое летом 1939 г. Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР, об усилении преподавания славянских языков в МИФЛИ. В связи с этим было дано указание Учпедгизу издать большим тиражом двухтомный учебник А.М. Селищева “Славянское языкоzнание”. Первый том учебника вышел в 1941 г. и был

посвящен западнославянским языкам; второй том, охватывавший южнославянские языки, автор не успел завершить²⁶.

Каждый год кафедра пополнялась несколькими аспирантами, которые в первый год обучения занимались древнерусским, старославянским, южнославянскими языками. На следующий год они изучали украинский и белорусский, а также западнославянские языки. Получив хорошую подготовку на кафедре, многие аспиранты успешно защищали диссертации, темы которых в основном касались проблем изучения русского языка²⁷ (славянские темы в то время были явно “непроходными”).

Одной из форм работы кафедры были летние диалектологические экспедиции, в которых принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты кафедры²⁸.

Кафедра славяно-русского языкоznания не готовила специалистов по языкам зарубежных славян, но довольно основательно обеспечивала славистический аспект подготовки русистов²⁹.

На истфаке не было специальной славянской кафедры, но на кафедре истории средних веков профессор Е.А. Косминский включал в свой курс сведения из истории славян. Студенты четвертого курса, специализировавшиеся по этой кафедре, слушали спецкурс “История западных славян” (который читала профессор Е.К. Некрасова), а пятикурсники изучали “Историю Польши” по лекционному курсу профессора В.В. Стоклицкой-Терешкович. Выпускники истфака, специализировавшиеся по новой истории, сдавали экзамен по истории Австро-Венгрии (надо полагать, что в этом курсе рассматривались и судьбы славянских народов, входивших в империю). Все же доля славянского материала в общих лекционных курсах была, видимо, невелика. Об этом, в частности, можно судить по вопросам, которые предлагались выпускникам на государственных экзаменах по истории средних веков и истории СССР: “Гуситские войны”, “Славяне до образования Киевского государства”, “Польская интервенция”, “Разделы Польши”, “Польское восстание 1863 г.” и некоторые другие³⁰. Как видим, большинство из названных тем связаны непосредственно с историей России.

Среди тем дипломных работ студентов истфака были: “Польское восстание 1863 г.”, “Реформа 1864 г. и крестьянское движение в Польше”, “Образование Балканского союза”³¹. Темы докторских работ также иногда касались истории славянских народов (чаще — польского): “Фашистский переворот 1926 г. в Польше” (аспирант Марцинкевич, научный руководитель — Будзинский), “Раздел Польши 1795 г.” (аспирант Ф.И. Лаппо, руководитель — С.А. Пионтковский, затем —

Г.И. Новицкий, консультант — профессор М.В. Джервис), “Распад Австро-Венгерской монархии” (соискатель — преподаватель кафедры новой истории В.В. Когоут)³².

Кроме спецкурсов по истории славянских народов студенты и аспиранты истфака (некоторых специальностей) изучали “древнеславянский язык”. Этот предмет вела ученица Д.Н. Ушакова Е.М. Федорук³³. В списке литературы для аспирантов кафедры новой истории предлагалось изучить наряду с работами основоположников марксизма-ленинизма труды Н.И. Кареева (по истории Польши)³⁴.

В 1938 г. был проведен конкурс студенческих работ. По истфаку третью премию (100 рублей) получил студент четвертого курса Мурахвер за работу “Наполеон и Польша”. Рецензентами отмечалось, что автор использовал в своем исследовании иностранные и отечественные источники и литературу³⁵.

Для лучшего усвоения студентами материала на истфаке подготавливались специальные учебные пособия. Так, для кабинета археологии на 1941 г. было намечено составление фотоальбома по циклу “Археология славян”³⁶.

На истфаке и филфаке МИФЛИ учились и повышали свой профессиональный уровень ставшие впоследствии учеными-славистами И.К. Бунина, В.И. Злыднев, А.Х. Клеванский, О.А. Князевская, А.И. Недорезов, А.Н. Робинсон, И.А. Хренов, Е.В. Чешко и др.

Научно-исследовательская деятельность профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов МИФЛИ находила отражение в различных тематических сборниках, учебных пособиях и “Трудах” института. За время существования МИФЛИ было подготовлено и издано девять томов “Трудов” (М., 1937 — 1941). Каждый том курировал один из факультетов. Ни исторические, ни литературоведческие тома не содержат материала о зарубежных славянах. В пятом (1939) и седьмом (1941) томах собраны статьи по языковедению. Первый из них издан кафедрой славяно-русского языкознания. Г.О. Винокур, М.Н. Петерсон, А.М. Селищев опубликовали статьи, касающиеся изучения русского языка. В.А. Богородицкий поместил исследование из истории языкознания, посвященное Казанской лингвистической школе, в том числе и ее славистической части. В седьмом томе обращает на себя внимание статья С.А. Одинцова (С.Б. Бернштейна) “Turco-slavica. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII — XVIII вв.” Большая часть этой работы представляет историю изучения турецкого влияния на славянские языки и сравнительного анализа дамаскинов учеными разных эпох и народов.

Следует отметить, что для профессорско-преподавательского состава МИФЛИ не было характерно увлечение марризмом.

Начавшаяся в 1941 г. война привела к резкому сокращению сроков обучения и объема преподавания в МИФЛИ, в том числе и славистических дисциплин. Вместе с тем, было обращено особое внимание на необходимость углубления знакомства студентов с историей славянских народов, образованием их государственности, их борьбой в прошлом против германской агрессии. Профессор Н.К. Гудзий взялся за подготовку брошюры на тему "Взаимосвязь славянских литератур"³⁷.

В конце 1941 г. был решен вопрос об объединении МИФЛИ с МГУ³⁸, где восстанавливались гуманитарные факультеты. Истфак МИФЛИ сливался с историческим факультетом МГУ, философский, экономический и филологический факультеты МИФЛИ реорганизовывались в соответствующие факультеты университета.

Значение МИФЛИ и ЛИФЛИ для гуманитарной науки вообще, и для славистики в частности, трудно переоценить. В 30-е годы, когда славистика прекратила свое существование в университетах и агонизировала в научных учреждениях, в МИФЛИ и ЛИФЛИ существовал очаг изучения славянства, который не давал затухнуть традициям отечественного славяноведения, хотя институты не вели самостоятельной подготовки славистов (в отличие от бывших университетских кафедр, выпускавших специалистов в области славистики). Студенты-историки получали минимум сведений о славянах, к тому же определенным образом препарированный (в соответствии с распространенной в советском обществе идеологией). И все же спецкурсы, семинары, темы дипломных и кандидатских работ свидетельствуют об интересе к истории славянских народов, о стремлении к продолжению ее изучения. Студентам-филологам повезло больше. Специальная кафедра славяно-русского языкоznания и выдающиеся ученые, работавшие на ней, создали прекрасную базу для подготовки высококвалифицированных специалистов в разных сферах гуманитарной деятельности, в том числе в области славистики.

Эксперименты, проводившиеся после революции в области высшего образования, завершились в 30-х годах восстановлением традиционной организации вузов (факультеты, кафедры). В 1934 г. в МГУ возобновил работу исторический факультет. Но в этот период, когда было организовано "дело славистов", не могло быть и речи о кафедре по изучению славянских народов. Однако студенты должны были в той или иной форме получить сведения о них. Выход был найден во введении славистической тематики в общие и специальные курсы, а также в инди-

видуальной специализации студентов по “малым” (в том числе славянским) странам.

На четвертом курсе на кафедре новой истории предлагались на выбор курсы по истории Польши или группы стран, в которую входили Болгария, Югославия, Румыния и Австрия. На кафедре истории СССР четверокурсникам читали факультативный курс “Истории разделов Польши”, а в общем двухгодичном курсе отечественной истории часть лекций так или иначе затрагивала историю славянских народов. В курсе истории колониальных и зависимых стран также освещались темы национально-освободительной борьбы славянских народов Балканского полуострова и политика России в восточном вопросе. Заведующий кафедрой истории средних веков Е.А. Косминский в своих курсах обязательно касался истории славянских народов и даже ввел на своей кафедре для студентов четвертого года обучения курс лекций по средневековой истории славян³⁹. Как видим, даже в трудные для славяноведения времена вузы все же старались дать студентам необходимый минимум сведений о славянах, прибегая к одинаковой тактике.

С осени 1938 г. В.И. Пичета читал на кафедре истории СССР спецкурс по истории Украины и Белоруссии, уделяя большое внимание украинско-польским и белорусско-польским историческим связям⁴⁰.

Кафедра истории средних веков, руководимая Е.А. Косминским, активнее других разрабатывала славянскую проблематику. В.В. Стоклицкая подготовила спецкурс по истории Польши XVI — XVII вв. Для старшекурсников был создан факультатив по изучению истории гуситского движения и подготовке сборника документов о гуситских войнах. В результате работы студенты под руководством Стоклицкой подготовили более широкий по теме сборник статей и материалов по истории средних веков, предназначенный для школы — “Средневековые в эпохах и лицах” (работа была завершена в 1939 г., но осталась в рукописи). Среди авторов были будущие историки-слависты И.В. Козьменко и Н.Д. Ратнер⁴¹. На разных кафедрах факультета учились аспиранты, темы диссертационных работ которых затрагивали те или иные аспекты истории славян или российско-славянских отношений. Так, аспиранты Б.М. Кубланова (Руколь) (научный руководитель В.В. Стоклицкая) и Филиппов (научный руководитель С.Д. Сказкин) специализировались по истории гуситского движения⁴².

Начавшаяся вскоре кампания против “школы Покровского” повлекла за собой массовые преследования, приведшие к почти полной смене профессорско-преподавательского состава истфака в 1938 г. Это

отразилось на уровне подготовки студентов и аспирантов. Курсы по истории славянских стран были отменены, однако возникший у студентов и аспирантов интерес к славистической проблематике не угас, и занятия продолжались в научных кружках и семинарах⁴³.

Профессора истфака, сочетая преподавательскую и исследовательскую работу, вносили свой вклад в развитие славистики, подготавливая научные труды и учебные пособия, в которых отражалась история славян. Так, профессора А.Д. Удальцов, Е.А. Косминский, В.В. Стоклицкая-Терешкович написали ряд глав по истории славян в университетский учебник по истории средних веков (М., 1938 — 1939. Т. 1 — 2). Как на достоинства этой книги, так и на некоторые недостатки славянских разделов, авторами которых были известные советские медиевисты (но не слависты), указали несколько лет спустя после выхода учебника В.И. Пичета и У.А. Шустер⁴⁴. В.В. Стоклицкая написала также главу по истории Польши XVI в. для одного из томов “Всемирной истории”, неоднократно выступала на кафедре истории средних веков с докладами по этой теме⁴⁵. Славянский материал был и в “Хрестоматии по истории средних веков” (М., 1938). Профессор кафедры древней истории А.В. Миншулин тоже проявил интерес к истории славян. Работая над соответствующим томом “Всемирной истории”, он особое внимание уделил главе о древних славянах, очень важной для него в связи с “проблемой вторжения славянских народов в Восточную римскую империю в V — VI вв.”⁴⁶ Истории Польши конца XVIII — XIX вв. были посвящены разделы учебника по истории СССР (М., 1939. Т. 1 — 2; авторы — В.И. Пичета и С.Н. Драницын). В учебнике “Новая история” (М., 1939. Ч. 1 — 2) также нашла определенное отражение история славянских стран. Кратко касался истории южных славян М.В. Левченко в курсе “История Византии” (М.; Л., 1940). Автор затронул “важный и спорный вопрос о значении славянских завоеваний на Балканском полуострове для социально-экономического и политического развития Византийской империи”⁴⁷. Однако наличие славянских разделов в различных учебниках отнюдь не снимало проблему создания специального учебника по истории славянских народов.

Одним из инициаторов организации славянской кафедры в МГУ был В.И. Пичета, изложивший свои соображения в докладной записке на имя декана исторического факультета И.Д. Удальцова. В мае 1939 г. Ученый совет факультета принял решение о создании кафедры истории южных и западных славян. Причины этого шага И.Д. Удальцов объяснял тем “особо острым” политическим значением, которое приобретала

славистическая проблематика в связи с наступлением фашизма на славянские страны⁴⁸, первой жертвой которого стала Чехословакия. Фальсифицированной фашистами истории славянства необходимо было противопоставить объективное изучение славянских народов (что, к сожалению, не всегда удавалось соблюсти).

Такое событие, как создание исторической славянской кафедры, можно считать вехой в истории отечественного славяноведения, так как с этого времени после значительного перерыва славянские кафедры (хоть и порожденные политической конъюнктурой, о чем речь пойдет далее) вновь стали занимать свое законное место на гуманитарных факультетах университетов, способствуя возрождению традиций преподавания славяноведения. Специальная кафедра истории славян вообще была создана впервые в практике университетского изучения славистических предметов⁴⁹.

В первую группу студентов кафедры истории южных и западных славян истфака МГУ вошли учащиеся четвертого курса И.И. Удальцов, И.С. Миллер и др. Они, а также Н.Д. Ратнер стали и первыми дипломниками кафедры. В том же году в аспирантуру была принята И.М. Белявская⁵⁰.

С самого начала кафедру возглавил В.И. Пичета. Становлению кафедры помог приехавший в 1939 г. в СССР из Чехословакии З.Р. Неедлы, который знакомил студентов с историей своей страны. Оба ученых обладали обширными, поистине энциклопедическими знаниями и способствовали развитию учебно-научной работы кафедры. Вместе с тем, на первых порах ощущалась нехватка преподавателей-славистов. В.И. Пичета и З.Р. Неедлы преподавали историю западных славян, для занятий же по истории южных славян предполагалось пригласить академика Ю.В. Готье и доцента МИФЛИ С.А. Никитина (который стал штатным сотрудником кафедры в 1942 г.)⁵¹. На кафедре работал также С.И. Зинич (югославский эмигрант, в 1934 г. получивший советское гражданство)⁵². Большую помошь кафедре оказали Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Н.П. Грацианский⁵³.

Кроме кадровой проблемы кафедра сталкивалась и с другими трудностями: отсутствием необходимой литературы и учебных пособий, неразработанностью учебного плана и пр.⁵⁴ Но несмотря на это деятельность кафедры развивалась и расширялась. “Вновь созданная кафедра (по замыслу В.И. Пичеты. — Е.А.) должна была не только повысить общий уровень преподавания истории славян, но и готовить всесторонне знающих историю славян специалистов”⁵⁵.

Первоначально учебный план кафедры включал изучение четырех славянских языков, чтение факультативных курсов лекций по истории

западных славян, спецсеминары. На первые два учебных года было намечено чтение следующих курсов: введение в славяноведение, история Чехии в средние века, история Чехии в новое время, история средневековой Польши, история польского народа в XIX в., история южных славян в средние века. Началась подготовка курсов по историографии и источниковедению. На повестке дня стояло создание учебника по истории зарубежных славян (в качестве первого этапа — подготовка пособия по истории западного славянства, а также составление хрестоматий для изучения славянских языков). Для успешной работы кафедры В.И. Пичета считал необходимым обеспечить ее библиотекой по славяноведению (из фондов университетской библиотеки и новых поступлений журналов и книг)⁵⁶.

По наметкам В.И. Пичеты, штат кафедры, в соответствии с учебной программой, в первое время должен был состоять из заведующего кафедрой, профессора по истории Чехии, доцента по истории южных славян и четырех преподавателей славянских языков (чешского, польского, болгарского и сербского)⁵⁷. В.И. Пичета предусматривал, что деятельность кафедры будет проходить в тесном контакте с кафедрами истории СССР, средних веков и новой истории⁵⁸. Предполагалось, что параллельно с учебным процессом коллектив кафедры будет вести и научно-исследовательскую работу. На 1940 г. по новой кафедре была запланирована разработка нескольких тем по истории Польши, Чехии и Сербии в различные исторические периоды. Наряду с профессорами и преподавателями научные исследования вели аспиранта Б.М. Кубланова, лаборанты И.С. Миллер и И.И. Удальцов, студентка Мясникова⁵⁹.

Тесные научные контакты кафедра поддерживала с организованным в 1939 г. (и возглавляемым также В.И. Пичетой) сектором славяноведения Института истории АН СССР. Некоторые из выпускников кафедры работали в этом секторе.

Два предвоенных года работы кафедры истории южных и западных славян истфака МГУ, как считал В.И. Пичета, вполне давали основание “поставить вопрос о воссоздании кафедр славяноведения и в других университетах”⁶⁰.

Кроме традиционной подготовки славяноведов на славистических кафедрах университетов, а также временно заменявших их вузах университетского типа, определенные славистические знания давались и в некоторых других учебных заведениях. Так, в Московском городском педагогическом институте (МГПИ) П.С. Кузнецов читал старославянский язык. Там же работали известные языковеды В.Н. Сидоров,

Г.О. Винокур, А.М. Селищев, С.Б. Бернштейн и др.⁶¹ В курсе лекций Н.П. Грацианского по истории средневековья значительное место занимали сведения по истории южных и западных славян, а также славяно-византийских отношений. Этот материал вошел в подготовленное им учебное пособие “Средние века” (М., 1939. Ч. 1 — 2).

В ленинградском Педагогическом институте им. А.И. Герцена на отделении национальных меньшинств существовал польский отдел (в 1926 — 1932 гг. Л.В. Разумовская читала там для поляков на польском языке курсы польского языка, его исторической грамматики и диалектологии⁶²). Сотрудники ленинградского Института славяноведения АН СССР участвовали в обсуждении программ по истории Польши и польской литературы для его студентов⁶³.

В некоторых учебных заведениях новой, советской формации также уделялось внимание изучению славян (хотя ни объем, ни характер этих занятий не сравнимы с университетскими). Это прежде всего относится к Коммунистическому университету национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского, который был призван готовить квалифицированные национальные кадры для работы среди южно- и западнославянских национальных групп, проживавших на территории СССР. В университете существовали польский и болгарский секторы⁶⁴. В этом вузе, так же, как в Международной ленинской школе, Международном аграрном институте и других учебных заведениях в лекционных курсах, которые читались эмигрантами-славянами, затрагивались отдельные вопросы современной истории славян, рабочего и коммунистического движения в славянских странах⁶⁵.

1930-е годы, пожалуй, самое мрачное десятилетие в истории университетской славистики, поскольку в этот период она практически отсутствовала. В 1939 г. начинается частичное ее восстановление (сначала в области истории). Перерыв в традициях преподавания славистических предметов был бы неизбежен, если бы они не были поддержаны преподавателями МИФЛИ и ЛИФЛИ (насколько это было возможно в условиях, приведших к непопулярности славяноведения). Преемственность сохранялась в значительной степени и потому, что, как можно было заметить, одинаковые или сходные предметы в различных вузах зачастую вели одни и те же преподаватели. Репрессии славистов были одной из главных, хотя и не единственной причиной (вспомнить хотя бы большой отток славистов в период первой волны эмиграции) сильной нехватки высококвалифицированных кадров преподавателей славистических дисциплин. Объем и уровень славистической подготовки студен-

тов в это десятилетие значительно снизился. Можно отметить рекордно малое число специалистов-славистов, выпускавших вузами в 30-х годах. Связь вузовского и академического славяноведения в эти годы была чрезвычайно слаба и осуществлялась преимущественно на индивидуальном уровне, поскольку ведущие преподаватели вузов зачастую одновременно работали и в научных учреждениях, стараясь, где это было возможно, вовлекать в научную работу и своих учеников.

Так или иначе, к концу 30-х годов был уже накоплен определенный опыт преподавания в советских вузах славистических дисциплин. Потребности времени сформировали “социальный заказ” на подготовку специалистов-славяноведов, определили задачи и учебные программы славистических кафедр. Постепенно складывалась материальная и научная база вузовского славяноведения. Университеты вновь становились ведущими учебными центрами, готовившими кадры в различных областях науки о славянах.

Примечания

¹ См.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

² Българо-руски научни връзки XIX — XX век: Документи. София, 1968. С. 169.

³ Из научного наследия К.А. Пушкаревича (Публикация Е.П. Аксеновой) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 94–95.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 2. Д. 54. Л. 41.

⁶ Логачев К.И. Славистика в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С. 69.

⁷ Из научного наследия К.А. Пушкаревича ... С. 93–94.

⁸ Логачев К.И. Славистика... С. 64; Известия ВАРНИТСО. 1929. № 1. С. 1–2; 1930. № 1, 2 и др.

⁹ Сборник работ студентов-выдвиженцев, аспирантов и научных работников [ЛИФЛИ]. Л., 1931. С. I–II.

¹⁰ Советское языкознание. 1937. Т. 3. С. 7–40.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 2. Д. 54. Л. 41.

¹² Логачев К.И. Славистика... С. 69–70.

¹³ Аксенова Е.П., Горянин А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкаревич // Славяноведение. 1993. № 6. С. 93.

¹⁴ Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 2378. Оп. 1. Д. 2. Л. 145, 161, 187–188.

¹⁵ Там же. Д. З. Л. 142–143.

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 187. Л. 62–63.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 108, 164, 207, 239.

¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 181 об.–182 об.

¹⁹ Там же. Д. 5. Л. 336; Д. 6. Л. 52; Д. 7. Л. 155; Д. 8. Л. 150; Д. 9. Л. 103.

²⁰ Там же. Д. 5. Л. 293.

²¹ Там же. Д. 6. Л. 65; Д. 9. Л. 116 об.

²² Там же. Д. 31. Л. 19 об.; Д. 14. Л. 16.

²³ Там же. Д. 16. Л. 5, 9; Д. 19. Л. 18; Д. 20. Л. 42.

²⁴ Черноудан И. В те 30-е годы. Из воспоминаний об ИФЛИ и ифлийцах // Литературная газета. 1989. 14 июня; Соловьев Г.А. Островок пытливой мысли (Из воспоминаний об ИФЛИ и ифлийцах) // Вопросы литературы. 1990. № 11–12. С. 288; Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М. “Дело славистов”. 1930-е годы. М., 1994. С. 158.

²⁵ ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 17. Л. 107; Д. 20. Л. 202, 206; Д. 21. Л. 18, 37, 52, 184; Д. 24. Л. 134; Д. 26. Л. 47, 145; Письма П.Г. Богатырева к Д.К. Зеленину // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 131; Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М. “Дело славистов”.. С. 160.

²⁶ ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 24. Л. 157; Бернштейн С.Б. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 88.

²⁷ ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 18. Л. 47 — 48; Д. 20. Л. 85; Д. 22. Л. 60 об., 68, 69.

²⁸ Там же. Д. 20. Л. 69; Д. 25. Л. 115.

²⁹ Бернштейн С.Б. А.М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 26.

³⁰ ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 9. Л. 62; Д. 10. Л. 189, 231 об.; Д. 14. Л. 32; Оп. 2. Д. 24. Л. 11–12, 24.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 100 об.; Д. 7. Л. 64 — 65, 72; Д. 8. Л. 139.

³² Там же. Д. 10. Л. 35; Д. 11. Л. 22; Д. 12. Л. 99; Д. 13. Л. 78; Д. 20. Л. 149; Д. 24. Л. 142.

³³ Там же. Д. 10. Л. 191, 229 об.; Д. 11. Л. 24; Д. 13. Л. 154; Д. 18. Л. 40; Д. 19. Л. 23.

³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 256. Л. 4 — 5; Д. 253. Л. 30–30 об.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 114.

³⁶ Там же. Д. 36. Л. 36.

³⁷ Там же. Д. 31. Л. 3 об., 10–10 об.

³⁸ ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 35. Л. 106, 112, 119.

³⁹ Горянинов А.Н. Славяноведение на историческом факультете МГУ (1934 — 1941 гг.) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX в. М., 1992. С. 29.

⁴⁰ Там же. С. 32.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴² Там же. С. 30, 32.

⁴³ Там же. С. 30–31.

⁴⁴ Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 226–227.

⁴⁵ Горянинов А.Н. Славяноведение... С. 31.

⁴⁶ Там же. С. 32.

⁴⁷ Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР... С. 227.

⁴⁸ Горянинов А.Н. Славяноведение... С. 33–34.

⁴⁹ О создании и начальном периоде работы кафедры см.: Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет исторической славистики в Московском государственном университете. М., 1989. С. 3–4.

⁵⁰ Горянинов А.Н. Славяноведение... С. 33.

⁵¹ Историки-слависты Московского университета. 1939 — 1979 гг. М., 1979. С. 61.

⁵² Материалы к биографии Стефана Иосифовича Зинича (1896 — 1945 гг.) (Публикация М.С. Зинич) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 185, 187.

⁵³ Карасев В.Г., Уткина Л.И. В.И. Пичета в Московском университете (Из истории становления советского славяноведения) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 101–102.

⁵⁴ Горянинов А.Н. Славяноведение... С. 34.

⁵⁵ Карасев В.Г., Уткина Л.И. В.И. Пичета... С. 101.

⁵⁶ Докладная записка В.И. Пичеты декану исторического факультета МГУ И.Д. Удальцову (Публикация Л.И. Уткиной) // Историки-слависты Московского университета ... С. 180.

⁵⁷ Там же. С. 182–183.

⁵⁸ Карасев В.Г., Уткина Л.И. В.И. Пичета... С. 102.

⁵⁹ Там же. С. 103.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Реформатский А.А. Петр Саввич Кузнецов (1899 — 1966) // Язык и человек. М., 1970. С. 24.

⁶² Из новых материалов о ленинградских славистах (Публикация А.Н. Горянинова) // Из истории университетского славяноведения в СССР. С. 168.

⁶³ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 15. Л. 95–96.

⁶⁴ Горянинов А.Н. Советская славистика 1920 — 1930-х годов // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 9.

⁶⁵ Горяинов А.Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920 — 1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 87.

О ч е р к 4

Институт славяноведения АН СССР

Значительным событием в истории отечественного славяноведения явилось создание специализированного научно-исследовательского института, призванного заниматься всесторонним изучением славянских народов. Такое учреждение организовалось в нашей стране впервые и происходило это в период борьбы со старой славистической школой и ее представителями. Науке о славянах приписывались "панславистский характер" и политическое влияние на те международные силы, которые готовы были объединиться в "блоки" против большевистской России¹. По всей вероятности, советские власти не возражали против славяноведения как такового, но им нужна была "послушная" наука, обслуживающая интересы государства и идеологически противостоящая европейской "буржуазной" славистике. Существовавшие в рамках Академии наук в 20-х годах учреждения славистического профиля не отвечали этому условию. Поэтому и работавшие в них слависты дореволюционной формации, и направления их исследований подвергались не только критике со стороны ученых-марксистов, но и прямым преследованиям, нанесшим науке огромный урон. В такой обстановке назрела необходимость создания нового типа научного учреждения — института Академии наук, в котором централизованно велась бы исследовательская работа в определенной области. Под предлогом укрупнения гуманитарных учреждений происходило упразднение или объединение многих мелких организаций. По такому же пути шла концентрация славистических изучений.

По проекту П.Н. Сакулина (1929 г.) до организации самостоятельного института славяноведения существовавшие в то время Славянская комиссия, Комиссия по изданию памятников старославянского языка, Комиссия по изданию Славянской энциклопедии должны были войти в Институт русского языка и словесности. Однако этот проект не был

осуществлен. В 1930 г. Славянская комиссия была ликвидирована, Комиссия по изданию памятников вливалась в Комиссию по древнерусской литературе. Всестороннее изучение славян предполагалось сосредоточить в специальном институте. П.Н. Сакулин предлагал создать институт на базе комиссий славистического профиля с необходимой организационной перестройкой. Но такое учреждение со старыми кадрами ученых-славистов не могло устроить советское и партийное руководство, оказывавшее давление на Академию. Нужен был научный центр, строящий свою работу на марксистском идеологическом фундаменте. Именно этому условию отвечал проект создания института, предложенный Н.С. Державиным, избранным в 1931 г. при поддержке академика Н.Я. Марра действительным членом Академии наук. Он декларировал свою приверженность марксизму, а также марризму, дающему, по его мнению, "пример" внедрения в гуманитарные науки материалистической методологии. Проект был доработан специальной комиссией, в состав которой, кроме Державина, вошли академики А.С. Орлов, В.П. Волгин, В.Н. Перетц, Б.М. Ляпунов. Н.С. Державин приложил немало сил для организации Института славяноведения и стал его директором².

Обоснованием своевременности и важности организации Института служили прежде всего политические факторы, проявлением которых был возросший интерес к изучению славян в Западной Европе и Америке после первой мировой войны. Возникшие там, а также в славянских странах славистические институты, организации, общества, отражавшие в своей деятельности различные практические-политические и научные задачи³, как правило, ставили "себе целью детальное изучение истории, экономики, политики, народного быта, литературы и искусства славян и ... славянских языков"⁴. Вместе с тем, в славянских странах проявлялся интерес к советской науке. Известные и ранее крупные славистические центры, такие, как Прага и Варшава, в 20-е годы значительно пополнились и усилились за счет ученых-славистов, эмигрировавших из СССР и имевших возможность за границей свободно высказывать и отстаивать свои научные взгляды и гражданскую позицию. Такая альтернатива советской науке не устраивала и раздражала идеологов партийности и классности в исследовательской сфере. Поэтому неизбежно было развертывание, по словам М.Н. Покровского, "борьбы за центр славяноведения между Прагой, Варшавой и Москвой"⁵. В 1928 г. на IV съезде русских ученых-эмигрантов в Белграде говорилось о том, что СССР "не интересуется славянами и не изучает их" (по определению Державина, это была "возмутительная ложь", "гнусная клеветническая кампания")⁶.

В таких условиях необходимость славистических изучений и их организационного оформления в нашей стране становилась очевидной, хотя столь же ясным для советских славистов в те годы было и то, что они пока не располагают достаточными силами для столь широких исследований и ставят перед собой "более скромные" задачи. Однако эти задачи, правда, решаемые на иной методологической основе, повторяли основные научные цели зарубежных славистических центров, в то же время расширяя диапазон исследований за счет соседних со славянами неславянских народов (венгров, греков, албанцев, молдаван, румын, латышей, литовцев). Кроме того, предметом изучений Института должны были стать также "проблемы, связанные с культурно-национальными интересами тех же славянских и связанных с ними народов, входящих в качестве национальных меньшинств в состав населения СССР"⁷ (остается только сожалеть, что работам в этом направлении не суждено было осуществиться в запланированном объеме).

По мнению Н.С. Державина, Институт славяноведения предпочтительнее и точнее было бы назвать Институтом по изучению народов Юго-Восточной Европы (по всей вероятности, чтобы, с одной стороны, уйти от "скомпрометированного" понятия, с другой — подчеркнуть не только научную значимость исследований Института; при этом остается непонятным, как бы совмещалось подобное название Института с изучением западных славян). Такой институт мог бы установить непосредственные связи с аналогичными учреждениями в странах изучаемого региона и отдельными учеными, наладить книгообмен и научный обмен (за счет заграничных командировок), предоставить славянской молодежи возможность специализации в наших академических учреждениях, организовать курсы по русскому языку, литературе и истории для иностранцев, проводить в СССР периодические съезды славяноведов, выпускать специальное академическое издание по славяноведению, координировать работу славистов Советского Союза. Весьма характерным для того времени являлось упоминание о политическом влиянии Института в своей области⁸.

Существенной особенностью нового института, его отличием от прежних учреждений, по преимуществу филологического профиля, должен был стать комплексный подход к изучению славянства, при котором значительное место отводилось исторической проблематике, в особенности изучению современной жизни славянских и неславянских народов. Среди ближайших задач, конкретизировавших основные направления деятельности Института, была разработка истории классовой

борьбы в славянских и сопредельных государствах “в эпоху промышленного капитализма и империализма”, изучение отражения этой борьбы “в художественной литературе, в языке, в народном быту”; специального внимания заслуживало экономическое развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы и ряд других вопросов⁹. Выделение данного круга проблем, безусловно, несет на себе отпечаток общественно-политической конъюнктуры того времени, но вместе с тем связано и с задачами дальнейшего развития самой науки, настоятельно требовавшего расширения тематических и хронологических границ исследований.

При создании Института языковедческой проблематике также придавалось большое значение. Н.С. Державин считал славянское языкоznание стержнем всего славяноведения. Он полагал, что только изучая славянские языки (их исторические формы и современную живую речь) и используя достижения и методы научного языкоznания, можно ставить и решать такие исследовательские проблемы, как происхождение славян, образование славянских этнических и политических единиц, зарождение славянской культуры и письменности, древнейшие формы социального строя и их дальнейшие исторические изменения, быт, материальная и духовная культура, история художественной литературы, социальные отношения современного славянства¹⁰ (при безусловно верной постановке задачи, под “методами научного языкоznания” Державин, видимо, все-таки подразумевал те, на которых основывались марровские теории).

Очевидно, что программа и задачи Института были значительно шире его названия. Уже в проекте организации Института был заложен принцип регионального, а не этнокультурного подхода к объекту исследований.

Признавая отдельные достижения “славяноведной” науки в прошлом, организаторы советской науки впервые четко заявили о том, что методологической базой славяноведения должен быть марксизм-ленинизм, и, соответственно, потребуется пересмотр “всех старых установок” буржуазной науки “с точки зрения жизненных интересов пролетариата и его социалистического строительства”. В основу исследований должен быть положен диалектический метод¹¹.

Однако, отвечая запросам и требованиям верхов, эти положения были в определенной мере декларативными. Сам Н.С. Державин сформировался как славист в дореволюционное время, да и полный отказ от традиций русского славяноведения был немыслим на деле. Новая идеологическая и методологическая база давала в условиях советского строя известные перспективы научной карьеры, но основные положения ново-

го мировоззрения не были еще полностью им осмыслены и усвоены. Отсюда понятно неоднократное повторение Державиным положения о том, что славяноведение изучает национальную культуру славянских народов, хотя и “в органической увязке с жизнью, как отражение тех сложных идеологических сдвигов, которые вырастают на почве развития производственных отношений и классовой борьбы на разных этапах развития классовой общественности”¹². В таком определении замечаются и элементы вульгарно-социологического подхода, и не столько историко-материалистическое, сколько культурно-историческое восприятие исторического процесса, а также отзвуки научно несостоятельной теории Марра, представлявшей откровенную вульгаризацию марксизма и не совсем добросовестное использование господствующей идеологии для укрепления авторитета и власти в научной области¹³.

Провозглашая новые подходы к славистическим исследованиям, советские слависты в то же время должны были определить свои позиции в отношении старого славяноведения. Признавая высокий профессиональный уровень дореволюционной славистики, они решительным образом отмежевывались от ее методологических и идеально-политических установок (какими они представлялись советским славистам) и в целом не признавали себя наследниками ее традиций (с годами под влиянием различных факторов это отношение к дореволюционной славистике изменилось; после второй мировой войны Н.С. Державин писал, что русское славяноведение XIX в. уже в лице своих первых представителей выступило в мировой науке “как самостоятельная и обширная область знания, возглавляющая всю славяноведческую науку в Европе”, и что сам Державин хотел бы считаться “скромным продолжателем славных традиций” школы И.И. Срезневского, из которой вышли известные не только в России, но и за рубежом славяноведы¹⁴). Это в значительной мере объясняет выдвинутую Институтом славяноведения концепцию изучения славянских народов. «“Славянский мир”, — писал Н.С. Державин, — нас интересует не какою-либо своею специфической племенной изолированностью или отмежеванностью в своих культурно-исторических судьбах от прочих народов и племен мира», а общностью “процессов социального порядка” с другими народами мира. Среди этих процессов прежде всего требуют внимания такие, которые затрагивают “жизненные интересы трудовых масс и угнетенных национальных меньшинств”¹⁵. В угоду господствовавшей идеологии здесь явно допускалось игнорирование специфики славянской этнокультурной общности. При этом подвергались одинаковой критике такие отнюдь не равнозначные

значные понятия, как “панславизм”, “славянофильство”, “славянское единение и взаимность”; они считались “идеологическими пережитками феодализма” и огульно относились к “враждебным пролетариату идеологиям”, служащим буржуазии славянских стран в целях “мобилизации фашистских сил против рабочего класса”¹⁶. (В 1935 г. Д.Д. Димитров еще более резко, односторонне и далеко не справедливо охарактеризовав дореволюционную славистику, знаменем которой, как и западной науки, по его мнению, являлись “вера, раса и власть”, что делало ее “наукой заведомо и насквозь пропитанной зоологическим национализмом”, подчеркивал, что при этом многие русские славяноведы — С.М. Кульбакин, Н.С. Трубецкой, А.Л. Погодин, И.И. Огиенко, М.Г. Попруженко и другие — “оказались не только лишними, но и вредными для подлинной науки победившего пролетариата”. Он полагал, что “всем ходом предыдущего развития славистики” было предопределено ее врастание “всем своим существом в систему современного фашизма”¹⁷.) С проявлениями этих теорий в современной жизни и в науке славянских стран объявлялась решительная борьба.

Подчеркивая необходимость именно такой направленности славяноведения, Н.С. Державин объяснял, что “старая славяноведная национальная наука” выросла в недрах “либеральной и революционно настроенной национальной буржуазии”; после социалистической революции в России, как он полагал, социально-политическая ситуация изменилась, и наука о славянах, как раньше обслуживала передовую славянскую буржуазию, так теперь “призвана служить интересам рабочего класса”¹⁸. Таким образом, определенная идеологическая “привязка” давала возможность актуализировать явно невыигрышную в глазах общественности науку.

Практические цели изучения славянства состояли в том, чтобы в отличие от старой науки, якобы “оторванной от живой жизни”, “приблизить науку к нашему хозяйственному и культурному строительству”. Международные связи также требовали хорошего знания современной жизни славянских и соседних народов, а внутри страны стояли задачи “культурного подъема” и “широкого культурного обслуживания” (учебники, словари, книги, газеты, театр и пр.) славянских национальных меньшинств. Таким образом, по мысли Н.С. Державина, “чистый академизм” теоретической науки должен был уступить место “живым проблемам современности”¹⁹. Из этих практических задач и исходил Институт славяноведения при планировании своей работы, хотя круг изучаемых проблем явно выходил за их рамки.

Институт славяноведения (Инслав) был создан в Ленинграде на основании решения Общего собрания АН СССР (3 марта 1931 г.) и постановления ЦИК СССР (июнь 1931 г.) и начал свою деятельность в сентябре 1931 г. По свидетельству Н.С. Державина, в его создании “активное участие принимали наши полномочные представители в Польше и Чехословакии, а также М.Н. Покровский и А.В. Луначарский”²⁰ (ряд высказываний М.Н. Покровского показывает его отрицательное отношение к различным аспектам “славянского вопроса”, однако его подход к славяноведению в это время отличался большей терпимостью, чем прежде, что нашло отражение в его отчете (19 марта 1930 г.) о работе Общества историков-марксистов²¹).

16 ноября 1931 г. состоялось торжественное заседание, посвященное открытию Института. С приветствиями выступили академик Б.М. Ляпунов, А.Л. Липовский, М.В. Джервис, представители славянских и балканских национальностей. М.В. Джервис в своем выступлении подчеркнул, что Институт должен обратить особое внимание “на борьбу с фашистской идеологией в современном славяноведении”. Б.М. Ляпунов напомнил о необходимости “считаться и с прежними достижениями науки славяноведения”. В докладах А.Т. Арского (Радзишевского) и Д.Д. Димитрова (прочитанных на польском и болгарском языках) говорилось о решающем значении Октябрьской революции в жизни славянских народов²². К церемонии открытия Института был приурочен программный доклад Н.С. Державина “От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии в славяноведении”. Докладчик высказывал убеждение, что если наука, призванная играть роль “активного идеологического фактора”, “в эпоху диктатуры пролетариата продолжала бы оставаться на методологических позициях буржуазной науки”, ее можно было бы считать не только “бесплодной”, но и “вредной”. По заверениям академика, “филологическому формализму и метафизике”, присущим дореволюционному русскому и современному западному славяноведению, новый институт противопоставит марксистскую диалектику, что даст возможность “поставить нашу науку на службу интересам социалистического строительства” во всех областях жизни. В целом при определении задач Института в докладе преобладало фразерство, использование идеологически выверенной, политически безошибочной терминологии²³.

Структура Института славяноведения, закрепленная в “Положении” о нем, включала пять секторов: 1) историографии и библиографии славяноведения; 2) текстологический; 3) истории литературы и языков;

4) этнографии и фольклора; 5) истории и экономики. По проекту Державина, их должны были возглавить соответственно академики Н.С. Державин, Н.К. Никольский, В.Н. Перетц, Е.Ф. Карский и М.С. Грушевский²⁴. Как видно из перечисления секторов, изучение славянства предполагалось вести в различных аспектах, используя широкий комплекс славяно-ведческих дисциплин.

В “Положении” определялись и основные формы научно-исследовательской деятельности Института: 1) коллективные и индивидуальные исследования; 2) доклады и сообщения; 3) экспедиционная работа, научные командировки; 4) подготовка и издание трудов, популярной и учебной литературы; 5) публичные доклады и лекции, участие в выставках и пр. При Институте должна была существовать библиотека с книгами по славяноведению на всех языках. В дальнейшем намечалось создание постоянной выставки, демонстрирующей развитие хозяйства, культуры и техники, рассказывающей о национально-освободительном движении и классовой борьбе изучаемых в Институте народов, а также о хозяйственном и культурном строительстве соответствующих национальностей в СССР. Предполагалось, что Институт будет работать в тесном контакте с Яфетическим институтом, Институтом востоковедения, Институтом по изучению народов СССР, Музеем антропологии и этнографии, Институтом новой русской литературы и др.²⁵ Кроме того, намечалось установить связь с учреждениями Украинской и Белорусской академий наук.

В 1930 г. была упразднена Византийская комиссия и ее функции были переданы Инславу; в его ведение поступила и Комиссия по изучению украинской истории.

Однако реальная ситуация была такова, что многие пункты “Положения” остались лишь на бумаге. Институт создавался как бы “на вырост”, с перспективой на будущее. Он начал свою работу, имея в штате семь сотрудников: директор — академик Н.С. Державин, ученый секретарь Д.Д. Димитров (болгарист), старший ученый хранитель К.А. Пушкиевич (богемист), научные сотрудники I разряда В.Н. Кораблев (славист широкого профиля), В.Г. Чернобаев (полонист), научный сотрудник II разряда И.И. Соколов (неоэллинист и византолог), научно-технический сотрудник В.В. Дроздовский (украиновед)²⁶. Ученым секретарем после Димитрова был назначен Кораблев (5 марта 1933 г.), а затем У.А. Шустер (22 апреля 1934 г.), зачисленный в штат в конце 1933 г. после окончания аспирантуры²⁷. Предполагалось постепенное увеличение штата (до 15 человек в 1933 г., до 33 — в 1937 г.),

хотя и явно недостаточное для выполнения намеченных планов. На деле штат не превышал десяти человек. В начале 1934 г. были зачислены полонисты Л.Т. Полянская и М.В. Джервис²⁸.

Понятно, что ни о каком распределении по секторам вначале не могло быть и речи. Да и планы приходилось составлять так, чтобы, с одной стороны, они отвечали общественному заказу и общеполитической установке, а с другой — учитывали специализацию, творческие возможности и индивидуальные интересы сотрудников. Определенный выход из создавшегося положения виделся в привлечении внештатных научных работников для выполнения конкретных заданий и обмена результатами научных исследований. На заседаниях в Институте выступали с докладами такие ученые, как А.Т. Арский (Радзишевский), Н.Н. Бахтин, П.Н. Берков, Е.З. Волков, К.Н. Державин, Б.М. Ляпунов и многие другие. На научные встречи, как правило, приглашались внеинститутские специалисты (их список включал более 50 фамилий). Форма научных докладов и сообщений была основной в деятельности Института; в ней в значительной мере реализовывался план исследований. Научная активность всего коллектива Инслава была достаточно высокой. Получив одобрение коллег, автор доклада подготавливал текст для публикации в "Трудах" Института, в научной периодике или отдельным изданием.

На первом же заседании сотрудников Института 27 сентября 1931 г. было решено организовать: 1) учет славистов Советского Союза, привлекая к работе тех, кто "порвал со старым славянофильством и перешел на позиции материалистической науки"; 2) работу по библиографии и историографии славяноведения; 3) библиотеку Института²⁹.

Производственный план Института на 1932 г. предполагал проведение: 1) научно-исследовательской работы по следующим проблемам: "История классовой борьбы", "Отражение классовой борьбы в художественной литературе, языке, народном творчестве", "Русский абсолютизм и славянство", "Славянские народы на территории СССР", "Экономическая проблема Балканского полуострова"; 2) научно-прикладной работы (подготовка к изданию славянских словарей, серии брошюр о славянских народах); 3) научно-просветительной работы (доклады о современной жизни славянских народов); 4) научно-педагогической работы (подготовка аспирантов). Отделением общественных наук АН СССР была отмечена "широта плана сравнительно-со штатом Института" и рекомендовано "сократить количество намеченных к разработке частных тем"³⁰. Кроме того, планировалась научно-вспомогательная деятельность, к которой наряду с регистрацией и описанием

материалов, подготовкой выставок, библиографической работой была отнесена и работа в области историографии, занявшей место в ряду научных исследований уже в плане на 1933 г.³¹ Библиографическую и историографическую работу в Институте возглавил В.Н. Кораблев. Само по себе выделение историографической проблематики весьма важно и знаменует собой новый шаг в развитии отечественного славяноведения (несмотря даже на идеологические установки, влиявшие на подход к разработке историографических тем).

Основные направления исследований, принятые в начальный период деятельности Института, сохранялись и в последующие годы; они были представлены и в пятилетнем плане на 1933 — 1937 гг. с некоторыми дополнениями и изменениями. (Учитывая намеченные Инславом к разработке темы, академик В.П. Волгин, перечисляя основные направления в области общественных наук во второй пятилетке, отметил и изучение истории эксплуатации и угнетения в славянских странах³².) Содержание каждой проблемы раскрывалось в плане перечислением конкретных тем, постановка которых была в большинстве случаев очень своевременной и связанной с внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами. Так, проблема "История классовой борьбы" включала в себя темы о коммунистическом движении в Болгарии, Югославии, о национальном и социальном движении в Польше, об исторических и экономических причинах порождения албанского, словацкого, бессарабского, белорусского "вопросов", но прежде всего предполагалось изучение македонского вопроса в прошлом и настоящем. Намечалось расширение экономической проблематики за счет изучения (в дополнение к балканскому региону) хозяйства современной Польши и промышленности Чехословакии (однако постановление от 19 июня 1933 г. Комиссии по рассмотрению планов учреждений Отделения общественных наук под председательством В.П. Волгина без объяснений предписывало снять из плана Инслава "темы, связанные с современной экономикой и политикой славянских стран")³³.

Планировалось продолжение изучения болгарской, чешской, сербской, греческой колонизации на территории СССР и путей "языкового строительства" у населения соответствующих областей страны. Была поставлена и новая проблема: "Славянство в общем этногенетическом процессе" (которая получила свое развитие лишь в конце 30-х годов). Институт делал только первые шаги в этом направлении, не имея еще достаточно разработанной программы исследований и останавливая выбор (в соответствии с кадровыми возможностями) на изучении воз-

никновения и развития письма у славян и критике теории “расовой обособленности и монолитности славянства” (явно с точки зрения “нового учения о языке”, вопреки очевидности выделения в этническом и языковом плане группы славянских народов). В связи с этой же проблемой была поставлена задача изучения высказываний классиков марксизма по славянскому вопросу (что нередко приводило к выборочному, цитатническому применению положений марксистской теории вместо глубокой и всесторонней проработки проблемы).

Весьма детально в плане была разработана филологическая проблема отражения классовой борьбы в художественной литературе, языке, массовом рабоче-крестьянском быту и в устном творчестве славянских и смежных с ними народов (преимущественно в эпоху капитализма) при особом внимании к “пролетарской” и “крестьянско-бедняцкой” литературе.

Среди основных исследовательских проблем в пятилетнем плане выделялось изучение истории отечественного славяноведения. Однако отношение в Институте к дореволюционному славяноведению трудно назвать объективным. По словам Н.С. Державина, эта наука отражала в прошлом классовую сущность и идеологию буржуазии, “нередко была опорой и прикрытием захватнической международной политики”; в славяноведении господствовали “филологический формализм, метафизика и идеализм”, славистические дисциплины изучались “механистически”, без “вязки” изучаемого материала с социальной средой и “классовыми установками”, что будто бы приводило к извращению действительности. Такое же состояние науки, по убеждению Н.С. Державина, характерно и для современной науки Западной Европы и Америки³⁴.

Критика славянофильства и панславизма, а также концепций западных славистов и ученых русского зарубежья, занимавшая особое место в плане критико-библиографических разработок, должна была, по мнению руководителя Института, неоднократно подчеркивавшего это в своих статьях, провести четкую грань между отечественным дореволюционным и современным западным “буржуазным” славяноведением, с одной стороны, и, с другой — “новым советским славяноведением, в основу которого положены принципы марксизма-ленинизма”. Таким образом, это давало возможность отмежеваться от всего непопулярного, что было связано в общественном мнении с некоторыми интерпретациями идеи славянской взаимности.

Делая уступки идеологическим требованиям того времени, Державин и другие ученые, вместе с тем, не вправе были игнорировать достижения западной науки и не могли не признать, что дореволюционное

отечественное славяноведение оставило богатейшее научное наследие, хотя бы в виде накопленных материалов, но в то же время ставили задачу, используя эти материалы, вскрыть “классовую роль” старого славяноведения, его “прислужничество” царизму и ввести в научный оборот материалы о хозяйственных и культурных связях славянских народов, которые “замалчивались” буржуазной наукой³⁵. Была намечена монографическая разработка (Н.С. Державиным, В.Н. Кораблевым, К.А. Пушкиревичем) истории русского славяноведения, включавшая исследования о П.И. Прейсе, О.М. Бодянском, В.И. Григоровиче, И.И. Срезневском, В.И. Ламанском, А.Ф. Гильфердинге, А.А. Кочубинском (которые причислялись без всякой дифференциации к славянофильскому и панславистскому направлениям, в чем чувствуется определенная идеологическая “установка” работы)³⁶. Тем не менее постановка этой проблемы способствовала развитию историко-научного и историографического аспекта славяноведения. Историко-славистические доклады довольно часто звучали на заседаниях Института.

Отчеты о деятельности Института славяноведения за 1931 — 1933 годы позволяют судить о том, как маленький коллектив научных работников выполнял взятые на себя обязательства. Графики заседаний поражают своей насыщенностью (еженедельно заслушивалось несколько докладов)³⁷. Интенсивное начало деятельности способствовало тому, что уже к концу 1931 г. из докладов, сообщений, информационных материалов удалось составить первый том “Трудов” Института (через год был подготовлен второй том, а к концу 1933 г. — третий, который не был опубликован в связи с закрытием Инслава; о составе материалов третьего тома дают примерное представление архивные документы)³⁸.

Коллективные формы исследований фактически не использовались, основным видом работы оставались индивидуальные разыскания, которые соответствовали личным творческим интересам сотрудников Института и являлись продолжением их традиционных исследований или же отвечали практическим потребностям дня. В научных докладах (Н.С. Кораблева, В.Н. Державина, Д.Д. Димитрова и др.), интересных по содержанию, основанных на изучении архивных материалов, все больше выступала на передний план идеологическая заданность, “классовый” подход. Проблематика этих докладов была чрезвычайно разнообразной. Они были посвящены отечественному славяноведению, зарубежным ученым и политическим деятелям, русско-ионославянским взаимоотношениям, славянскому возрождению и национально-освободительной борьбе славянских и балканских народов, отдельным эпизодам из исто-

рии или истории культуры славян и соседних народов. Особый интерес вызывали новый и новейший периоды истории. Большое внимание традиционно уделялось польской тематике, хотя и проблемы других славянских народов затрагивались в докладах и сообщениях³⁹. Ценность этих исследований в том, что они опирались на источники, в концепционном же отношении они имеют в основном историографический интерес. Однако доступ к источникам, особенно новейшего времени, был ограничен, что тормозило исследования в этой области (характер и тематика докладов и сообщений прекрасно отражены в единственном печатном издании Института — его "Трудах").

Характерной особенностью литературоведческих работ Инслава является обращение исследователей к творчеству того или иного писателя, к разбору определенного произведения (реже — к исследованию литературного жанра или направления)⁴⁰.

Ряд докладов был посвящен украиноведческой тематике, представленной в Институте довольно широко⁴¹. Белорусоведение из-за отсутствия специалистов разрабатывалось слабо⁴². Наряду со славянами изучались и соседние с ними народы — греки, албанцы, молдаване⁴³.

Выполнение поставленной Институтом задачи создания заново переосмыслинной истории славяноведения взял на себя В.Н. Кораблев, которому в основном и принадлежит разработка данного исследовательского направления. Просмотрев большое количество архивных материалов, относящихся к деятельности русских славистов XIX — начала XX вв., ученый имел возможность составить общее представление о характере и линиях развития отечественного славяноведения в этот период. "Новый подход" к истории науки заключался в признании Кораблевым того, что отечественное славяноведение находилось на службе у царского правительства (доклады "В. Богишич и академик Ламанский", "Славяноведение на службе самодержавия: политическая деятельность В.И. Ламанского за период с 1860 г. по 1867 г." и др.)⁴⁴. Г.А. Ильинский в это время отзывался о Кораблеве следующим образом: "В успехи занятий Кораблева славистикой я не верю. Человек, который еще недавно состоял секретарем ультра-монархического Славянского благотворительного общества, а также помощником главного редактора Правительственного вестника, человек, воевавший даже с неославизмом, как со слишком либеральным движением, объявляет теперь себя чуть [ли не] стопроцентным марксистом и собирается в этом диаметрально противоположном своим прежним убеждениям направлении разрабатывать вопросы славистики!! Мне кажется, что с таким про-

шлым и с такой психологией можно только насиливать науку, а вовсе не двигать ее вперед!!”⁴⁵ Однако, несмотря на односторонность и тенденциозность оценок Кораблева, его исследования в области истории славяноведения в России стали важным начальным этапом разработки этой проблематики в советской славистике. Кроме того, его работы, базировавшиеся на множестве документальных источников, давали немало ценного фактического материала.

Значительная часть докладов и сообщений была посвящена зарубежным ученым-славистам и славистическим научным центрам, но они носили в основном информационный, юбилейный или некрологический характер⁴⁶. Итогом индивидуальной работы сотрудников были не только доклады и статьи в “Трудах” Института, но и завершенные исследования монографического характера Н.С. Державина (“Албанские иммигранты в СССР”, “Болгарский поэт-революционер Христо Ботев”, “Алеко Константинов”, “Иван Вазов”), В.Н. Кораблева (“Первый русский славист П.И. Прейс”, “Неизданные письма Копитара”, “Русское славяноведение в Варшавском университете в 60-е гг. XIX ст.”, “Академик В.И. Ламанский и созданная им школа славяноведения”), В.Г. Чернобаева (“Очерк польской сатирической литературы XVIII в.”, “Польские романтики в русской литературе”), К.А. Пушкаревича (“Чехи в России”, “Светозар Маркович”), В.В. Дроздовского (“Украинские писатели В. Вареник и Л. Якубович”), И.И. Соколова (“Греки в Крыму в Византийскую эпоху”, “Новый источник для истории греческой колонии в Нежине”)⁴⁷ (часть исследований осталась в рукописи, другая часть опубликована в более поздние годы).

Наряду с научной работой большое место в первый период занимали организационные вопросы. Кроме производственных планов были разработаны планы изданий “Трудов” и “Вестника” Института (периодичность их выхода не оговорена, а объем планировался для “Трудов” — 60 п.л., для “Вестника” — 20 п.л.)⁴⁸, а также “Византийского временника” (20 п.л.) в качестве наследия ликвидированной Византийской комиссии⁴⁹. Последние два издания не были реализованы (возобновление издания “Византийского временника” произошло в послевоенные годы). Было намечено издание научно-популярной библиотеки Инслава по вопросам современной жизни славянских народов⁵⁰ (оставшееся, к сожалению, лишь благим намерением). Был произведен учет славяноведов СССР (работа по составлению библиографической картотеки славистов была, видимо, связана с задачами по учету научных кадров в масштабах страны и с планировавшимся в будущем

изданием справочника по научным работникам СССР⁵¹. Осуществить идею биобиблиографического издания, специально посвященного советским славистам, в то время вряд ли представлялось возможным, да и число славистов было невелико; реализация этого начинания относится уже к нашему времени⁵²). Параллельно велась работа по учету заграничных славистических обществ и организаций⁵³. Проводилась библиографическая и биобиблиографическая работа, сортирование и систематизация литературных и архивных материалов по славянской колонизации на территории СССР, по русско-славянским и русско-греческим отношениям⁵⁴. Сотрудники Института предлагали редакции Большой Советской Энциклопедии свое участие в написании, редактировании и обсуждении славяноведческих и balkanistических статей, однако это сотрудничество не состоялось⁵⁵.

Для организации в Институте библиотеки и архива были сделаны запросы о выделении специальной славистической литературы Библиотеки Академии наук, о передаче книг из библиотеки бывшей Византийской комиссии и библиотеки казанских славистов М.П. и Н.М. Петровских, а также архива Византийской комиссии. В дальнейшем библиотека Инслава пополнилась книгами, переданными ей Н.М. Гальковским и академиками В.Н. Перетцом, Н.С. Державиным и М.Н. Спенранским. Постоянная потребность в специальной литературе заставила руководство Института обратиться в Президиум АН с просьбой разрешить организовать в Библиотеке Академии наук кабинет славяноведения, где была бы возможность следить за новыми иностранными книгами и периодическими изданиями по славяноведению (хотя они поступали очень нерегулярно). Рукописное собрание Института обогатилось материалами по организации в 1909 г. съезда славянских обществ и другими документами, переданными В.Н. Кораблевым, а также материалами В.И. Ламанского, А.Ф. Гильфердинга, О.Ф. Миллера, И.С. Аксакова, Л.Н. Майкова и др.⁵⁶

Весной 1933 г. для размещения библиотеки Инслава было выделено помещение в здании БАН и там же Институту были предоставлены две смежные комнаты⁵⁷.

С первых же дней своего существования Институт приступил к подготовке молодых научных кадров. Намечалось готовить историков, литературоведов, этнографов, фольклористов. Предполагалось, что вначале число аспирантов должно быть не менее шести (учитывая разработку не только славянских, но и balkанских проблем, а также вопросы славянской колонизации в СССР), а затем довести их число до девяти

(пять — по истории, четыре — по литературе). Однако реально подготовку в аспирантуре проходили только два аспиранта (У.А. Шустер и В.Н. Кондратьева), позже был принят аспирант (Кокозов), специализировавшийся по новой истории Греции. Летом 1932 г. в Институте проходили практику пять студентов Ленинградского историко-лингвистического института⁵⁸. В том же году был признан неприемлемым узко страноведческий подход к научной специализации аспирантов и решено готовить специалистов-комплексников с определенными “уклонами”, которые должны найти отражение в индивидуальных планах. Предполагалось включить в систему подготовки изучение историографии, источников, взглядов классиков марксизма-ленинизма⁵⁹.

В июне 1933 г. состоялась успешная защита У.А. Шустером диссертации на тему “Экономическое развитие Польши во второй половине XIX в. и теория Розы Люксембург по национальному вопросу”. В.Н. Кондратьева работала над диссертацией “Польское восстание 1863 г. и оценка его у Маркса и Энгельса”. Руководство работой этих аспирантов осуществлял Н.С. Державин. Аспирант Кокозов (руководитель — И.И. Соколов) занимался изучением социально-экономического положения греческих общин в Турции⁶⁰.

Н.С. Державин справедливо считал, что Институт может плодотворно работать только “при условии постоянного и непосредственного контакта с текущей жизнью и наукой народов, подведомственных его изучению”⁶¹, для чего нужны были связи с коллегами, обмен литературой, командировки в славянские страны. Однако валюты на покупку книг и зарубежные поездки было очень мало, и даже скромные запросы Института не всегда можно было удовлетворить: единственная заявка на командировку на Балканский полуостров в 1933 г. не была выполнена. Так что международные связи Института носили эпизодический характер⁶².

Несмотря на большие планы Института, далеко не все из них удалось реализовать, что самокритично отмечалось и некоторыми его сотрудниками⁶³. Отчасти из-за нехватки кадров, отчасти по другим причинам в Институте не осуществлялись коллективные формы работы, не получили развития работы в области фольклора и этнографии, практически не разрабатывались лингвистические вопросы. Только в конце 1933 г. Институту была дополнительно выделена ставка “старшего научного специалиста”, предназначенная для члена-корреспондента АН СССР А.М. Селищева (в 1931 г. Инслав решил воздержаться от сотрудничества с Г.А. Ильинским и А.М. Селищевым из-за того, что ученые не стояли на марристских позициях⁶⁴, но, видимо, найти слависта-линг-

виста такого уровня среди приверженцев “нового учения о языке” не удалось). Однако Селищев фактически не приступал к работе в связи с последовавшим вскоре арестом⁶⁵.

Анализируя итоги первого года деятельности Инслава, Н.С. Державин объяснял, что, не желая опираться на “отрицательный опыт” довоенного славяноведения, Институту “пришлось заново строить свою работу”⁶⁶.

Однако Институту славяноведения не суждено было развернуть свою деятельность. В 1933 — 1934 гг., поистине драматических для советского славяноведения, стали сгущаться тучи и над Инславом. По “делу славистов” и по другим “делам” были арестованы сотрудники Института Д.Д. Димитров, В.Н. Кораблев, В.В. Дроздовский и только что зачисленный А.М. Селищев. Под подозрением находился и сам Н.С. Державин. В конце 1933 г. он жаловался коллегам по Институту на то, что в официальном органе Академии наук — газете “За социалистическую науку” — “систематически замалчивается Инслав и его деятельность”⁶⁷.

На заседании Отделения общественных наук 25 апреля 1934 г. (уже после вынесения приговоров по “делу славистов”) был заслушан отчет Н.С. Державина о работе Института славяноведения. Директор подчеркнул, что за два с половиной года Институтом заложены основы нового советского славяноведения⁶⁸. Несмотря на это, руководство АН намеревалось закрыть Инслав. В докладной записке Непременному секретарю АН академику В.П. Волгину Н.С. Державин писал, что считает “несвоевременным, недостаточно всесторонне взвешенным и обдуманным предложение о немедленной ликвидации Института”, обращал внимание на то, что закрытие Инслава будет “с восторгом” встречено “белоэмигрантами”, которые предрекали его скорую ликвидацию. Международное значение деятельности Института и его влияние на науку и политику славянских стран он ставил так высоко, что не исключал возможности международного политического скандала после прекращения существования Института. Вместе с тем, Державин вынужден был признать, что приходилось использовать в работе Инслава “старые кадры”, которые “небезуказненны” в методологическом отношении (но это, отмечал он, “беда” многих институтов). Державин предлагал двоякое решение вопроса. По одному подготовленному им проекту, Институт славяноведения сохранялся в АН как самостоятельное учреждение — единственная в своей области научная организация в СССР, но при этом должно усилиться методологическое руководство деятельностью Института, содействие подготовке новых кадров славяноведов. В другом

варианте Державин, предусматривая ликвидацию Института, просил сохранить временно в составе АН хотя бы кабинет славяноведения, чтобы продолжать изучение славянских народов, используя библиотеку Инслава и небольшой штат специалистов⁶⁹.

10 июня 1934 г. по докладу Отделения общественных наук о постановке в АН дела по изучению славянских стран, было принято постановление об усилении работы всех обществоведческих учреждений АН в области славяноведения, содержащее следующие пункты: предложить 1) Институту языка и мышления усилить группу по изучению славянских языков; 2) Исторической комиссии обратить особое внимание на разработку проблем по истории славянства; 3) Издательству АН учесть в своих планах необходимость издания исторических документов, касающихся славянских стран; 4) Институту русской литературы обратить внимание на изучение взаимосвязей русской и славянских литератур. Этим же постановлением Институт славяноведения “как самостоятельная единица, недостаточно мощная для выполнения вышеозначенных задач”, ликвидировался (на декабрьской 1934 г. сессии АН это решение было подтверждено⁷⁰). Вместе с тем предполагалось сохранить издание комплексного сборника по языкам, литературам и истории славянских народов (видимо, в качестве преемника “Трудов” Инслава); кроме того, в составе Библиотеки Академии наук должен был функционировать специальный кабинет славяноведения. В отношении сотрудников Института было принято следующее решение: академику Державину выразить “благодарность от имени Президиума АН за труды, понесенные им при организации и по руководству Инславом”; предоставить сотрудникам Института работу, по возможности, в Академии наук, в частности в кабинете славяноведения БАН⁷¹.

Подобное решение нарушало комплексность подхода к изучению славянских народов. Однако это постановление не было реализовано даже в таком виде; многие его пункты в значительной мере остались на бумаге.

Потерявший свою репутацию Институт славяноведения после “дела славистов”, ставшего основной причиной его закрытия, не мог рассчитывать на скорое восстановление в каком-либо виде, хотя направление его деятельности не вызывало открытых нареканий. Руководство АН оригинально решило задачу усиления научной и материальной базы славяноведения, расширения и обновления его кадров — путем распыления славистических исследований по разным учреждениям.

Институт славяноведения просуществовал менее трех лет. Результаты его деятельности отражены не только в архивных материалах — они имеют реальное выражение в двух томах “Трудов” Института.

Выход “Трудов” Инслава вызвал разноречивые отклики в научном мире. Профессор Мюнстерского университета К. Мейер, по свидетельству документов из архива Института, дал первому тому положительную оценку⁷². Были и резко отрицательные отзывы, высказанные как в печати (рецензия Я. Славика)⁷³, так и в частной переписке. Так, по поводу первого тома Г.А. Ильинский писал М.Г. Попруженко: “Сборник производит странное впечатление: рядом с вполне научными и вполне приличными статьями (Сперанского, Грушевского и некоторых других) там помещены и такие, которым бы скорее надлежало появиться в разных газетных листках, чем в органе высшего научного учреждения. В общем сборник представляет концерт статей, в котором какофонические тоны преобладают. Да и как же иначе, когда палочка дирижера безжалостно фальшивит на каждом шагу?”⁷⁴ Ожидая выхода второго тома, о содержании которого он, вероятно, знал, Ильинский писал тому же корреспонденту, что “статьи публицистического характера (и при том ои generis) в нем будут, кажется, еще более преобладать над старой наукой, чем в первом томе”⁷⁵.

Тем не менее, несмотря на большое количество материалов “публицистического характера”, два изданных тома “Трудов”, несомненно, играли и положительную роль в развитии славяноведения и являлись первым советским специальным славистическим изданием. В связи с этим стоит подробнее остановиться на их составе и содержании.

Все публикации как в первом, так и во втором томе распределялись по следующим разделам: “Статьи и исследования”, “Заметки и материалы”, “Материалы по истории науки”, “Критика и библиография”, “Хроника”. Обращает на себя внимание неупорядоченное расположение материалов первого раздела, где статьи на современные темы с политической окраской перемежаются с научными статьями, свободными от идеологического подтекста, посвященными отдаленному прошлому; при этом перемешаны исторические и филологические статьи.

Первый том (Л., 1932) открывается программной статьей Н.С. Державина “Наши задачи в области славяноведения” (с. 1–14). В ней, как и в других его статьях тех лет на эту тему, он подчеркивал, что советская наука, являющаяся “орудием в классовой борьбе”, не должна оставаться “на методологических позициях буржуазной науки”. Задачи советского славяноведения нужно ставить, исходя из потребностей социалистиче-

ского строительства и культурной революции в СССР. Весьма характерно, что цели фундаментальной науки как бы низводятся до практических функций прикладной науки, поскольку в это время велась борьба с “чистой”, теоретической, академической наукой, за подчинение ее потребностям индустриализации и коллективизации.

Определив характер дореволюционной отечественной и современной западной славистики, обозначив “коренное” отличие от них советского славяноведения, Державин подчеркнул, что применение марксистско-ленинской методологии в области славистики он понимает прежде всего как использование всех достижений яфетической теории Н.Я. Марра. Повторяя основные положения этой теории о языке и литературе “как идеологии надстроичного порядка”, подчеркивая, что язык и литература тесно “увязаны с экономикой и производством”, с процессом “развития производственных отношений”, Державин ставил перед славяноведением задачу определения “социально-классовой природы всех явлений культуры”. Именно под этим углом зрения даны многие материалы в “Трудах” Института.

Наряду с подобным парадоксальным подходом к определению сферы изучения науки о славянах, в статье Державина содержалась и весьма ценная постановка вопроса о славяноведении как области науки, включающей в себя комплекс дисциплин славистического профиля и изучающей славянский мир как органическую часть единого культурно-исторического процесса (но со своей спецификой). Особое внимание обращалось на включение в славяноведение новой, нетрадиционной проблематики, основанной на изучении современной эпохи.

Завершая статью, Державин высказывал смелую (но мало реальную) надежду на то, что перестройка славяноведения в СССР послужит пересмотру “старых научных позиций и в широких славянских кругах на Западе во имя интересов живой науки, живой современности и подлинных интересов классовой солидарности трудящихся во всем мире”.

Зачастую установки на развитие принципиально нового славяноведения находили выражение в идеологических “привязках” к той или иной статье, а не в ее основном содержании. Так, сам Державин, опубликовавший большой очерк, посвященный болгарскому поэту-сатирику Стояну Михайловскому (с. 15–95), анализируя его стихотворения, признавал большое сатирическое дарование выдающегося мастера художественного слова, приводя многочисленные отрывки из его произведений. Но в заключении автор статьи подчеркивал “узкоклассовую сущность” всего творчества поэта.

Ничего подобного не было в статьях В.Н. Перетца (об украинском переводе XVII в. жития князя Вячеслава, с. 97–104), М.Н. Сперанского (“Неизвестный византийский флорилегий в старом славянском переводе”, с. 105–116), Е.Ю. Перфецкого* (“Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания”, с. 207–238). Эта статья предназначалась для издания в трудах Славянской комиссии, а после ее закрытия, видимо, попала в портфель “Трудов” Инслава⁷⁶). Эти авторы проводят сравнительный анализ различных рукописей по всем срезам, возможным для сопоставления, и приходят к выводам, основанным на чисто научных данных, не прибегая к “политической актуализации” материала. К вышеназванным статьям примыкает и публикация отрывка из четвертого тома “Истории украинской литературы” М.С. Грушевского о важном историко-литературном памятнике “козацкой эпохи” (середина XVII в.) “Летописи Самовидца” (с. 157–192).

В исследовании У.А. Шустера рассматривалось отражение в польской мемуаристике вопроса о независимости Польши (с. 193–206). Не прибегая к излишней “лозунговости” или модной политической фразеологии, автор подчеркивал, что некоторые мемуаристы игнорируют роль Октябрьской революции, принесшей независимость Польше.

В статье Д. Димитрова о Любене Каравелове (с. 117–140) последний предстает как талантливый писатель-публицист, ученый-этнограф, пропагандист идей русской революционной демократии, идеолог и вождь болгарского национально-освободительного движения. Автор приводит отрывки из статей Каравелова, дающие представление о его политическом кредо. Важную часть статьи составляет публикация архивных материалов, найденных Димитровым в Одесском краевом историческом архиве, об агентурной слежке за Каравеловым в Одессе в 1869 г.

Актуальной проблемой касалась статья В.Н. Кораблева о Стояне Радиче, основанная на личных воспоминаниях автора (с. 141–156). В ней рассматривался сербо-хорватский вопрос. Определяя позиции сербских и хорватских лидеров, Кораблев отмечал, что идея славянского единства постоянно наталкивается на стремление одной из сторон занять лидирующее положение в югославянском объединении. Он резко критиковал политические проекты как “Великой Сербии”, так и

* Тем не менее, публикация статьи ученого-эмигранта удивляет, если учитывать принятие в то время отношение к жившим за границей ученым-соотечественникам.

“Великой Хорватии”. Вывод Кораблева о разрешении сербо-хорватского вопроса звучал вполне в духе времени. Выход он видел в революционной перестройке “фашистской Югославии” в “Югославянскую социалистическую федеративную советскую республику”, которая войдет “в Балканский союз социалистических федеративных советских республик”.

В соответствии с направлениями научных исследований Института первый том “Трудов” содержал не только собственно “славянские” материалы, но и публикации о славянском “окружении”. Таковы статьи К.Н. Державина о литературном строительстве в Молдавии (с. 239–296), где, по словам автора, шел процесс превращения национальной литературы в “колхозно-социалистическую” и “пролетарскую”, и И.И. Соколова — о древней колонии греков в Крыму (с. 297–317), сохранивших свой язык и культуру и развивающих их в новых условиях в СССР.

Второй раздел тома — “Заметки и материалы” — ценен публикациями документов из советских архивов, имеющих отношение к событиям славянской истории, к деятелям славянского национально-освободительного движения и их пребыванию в России (публикации В.В. Дроздовского и К.А. Пушкаревича). В этом же разделе нашла отражение организация славистических исследований в других славянских странах: В.Г. Чернобаев познакомил читателей с малоизвестными даже в кругах специалистов Славянским институтом в Кракове и львовской Bibliotece Sławistycznej (с. 333–336), В.Н. Кораблев дал обзор деятельности Славянского института в Праге (с. 325–331), подробно остановившись на его задачах, структуре, составе фондов его библиотеки и находящихся в орбите его деятельности русских эмигрантских архивах. Среди перечисленных в статье трудов, изданных институтом, упомянуты и монографические исследования ученых-эмигрантов. Большое внимание Кораблев уделил связям Славянского института с русскими заграничными научными учреждениями (интересно отметить, что в 1931 г., когда формировался первый том “Трудов” Инслава, еще можно было свободно писать об организациях и представителях отечественной науки за рубежом, приводя лишь факты, даже не приправляя их при этом политическими и идеологическими оценками, уже внедренными и внедряемыми в те годы в массовое общественное сознание в стране советов). Автор подчеркивал, что членами-корреспондентами Славянского института “значатся все сколько-нибудь видные русские и украинские эмигранты”, преподающие в “заграничных русских и украинских высших учебных заведениях”. Однако идеально-научная концепция, поставленная во главу угла Славянским институтом, вызвала недоумение у

советского слависта*. Его возражения отразили традиционные для тех лет представления советских славяноведов о славянском мире, идее славянского единства и т.д.

Третий раздел тома предназначался для публикации материалов по истории славяноведения, но по сути дела он представляет собой некрологи известных советских и зарубежных ученых, оставивших свой след в славистике. На оценке их общественно-политических взглядов и вклада в науку нередко отражаются личные позиции авторов статей. Характеризуя научную деятельность сербского филолога Л. Стояновича (с. 386–391), В.Н. Кораблев (как приверженец новой идеологической базы науки) акцентировал внимание на принадлежности ученого в научном плане к критикуемой марксистскими учеными “формальной школе” языковедов, а в политическом плане — к “националистической партии радикалов”, что сказалось на его “великодержавном отношении” к хорватам и смычке с “реакционнейшей частью сербской интеллигенции, вступившей на путь неприкрытого фашизма”. Хотя с точки зрения человеческих качеств, лично знакомый с Л. Стояновичем Кораблев не мог не отметить его доброты, простоты, отзывчивости, внимательности и радушия.

В отзыве Б.М. Ляпунова (с. 377–386), ученого старой формации, чешский академик Й. Зубатый предстает как крупнейший среди западного славянства представитель школы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Не разделявший увлечения марризмом, Ляпунов тем не менее вынужден был сделать определенный “реверанс” в сторону этого модного учения, но при этом не умаляя достоинств покойного западного коллеги. Детальный и реальный разбор чешским ученым языковых явлений, писал Ляпунов, “далек от сухого формализма и представляет, наоборот, необходимую базу для чисто материалистического изучения языка, как одного из сопутствующих звеньев материальной культуры”.

Раздел “Критика и библиография” (с. 429–527) содержит около 30 заметок о славистических изданиях, в основном зарубежных, в том числе и о работах представителей российского зарубежья (В.А. Мошина, Д.Н. Анастасевича, Н.Л. Окунева и др.); о последних говорится в спокойном научном тоне, а порой отзывы о них содержат и положительные оценки.

* В.Н. Кораблев отмечал, что Славянский институт идею “славянского психизма” противопоставил рационализму и эмпиризму и рассматривает славянство как особое и единое целое, не похожее на остальной мир и идущее своим путем. Подобную позицию института автор назвал “неопанславизмом”, очень похожим на старый “панславизм”.

В разделе “Хроника” помещены небольшие сообщения о научной жизни других стран, о деятельности научных учреждений и высших учебных заведений славянских стран, причем отмечен факт преподавания на многих кафедрах эмигрантов из России. Говорится также об увлечении бывших соотечественников Ф.М. Достоевским. Подчеркнуто, что исследования в основном касаются психологических, религиозных и философских аспектов его творчества. Увлечение русской эмиграции Достоевским в “Трудах” Инслава объясняется тем, что она “оторвалась от родины, не понимает и не может понять ее перерождения, переживает, по-видимому, период полного морального и политического разложения и для нее, конечно, Достоевский может служить своего рода идеологом и идеяным руководителем”. Но пристрастие чешской интеллигенции к этому русскому писателю объяснить с эстетических и идеологических позиций советского марксистского литературоведения было очень трудно; вследствие этого возникало недоумение, почему чешские поклонники таланта Достоевского не разобрались, «каким “тлетворным духом” веет от всего этого упадочного увлечения русской эмиграции Достоевским» (с. 532).

Таким образом, не опускаясь до злобной политической травли русских коллег за рубежом, различные материалы первого тома “Трудов” Инслава все же зафиксировали требуемое отношение к эмиграции, хотя в этом томе было немало публикаций, объективно значительно расширяющих представления об эмигрантской науке.

Второй том “Трудов” (М.—Л., 1934) несколько отличается по составу и содержанию материалов от первого. В нем была напечатана лишь одна заметка эмигранта Е.Ю. Перфецкого, да и то потому, видимо, что она касалась 40-летия литературной деятельности М. Горького в отражении чехословацкой периодики (с. 353–364). В хронике научной жизни за рубежом русская эмиграция уже не упоминалась. Лишь в заметке К.А. Пушкаревича «Балканские славяне и русские “освободители”» (с. 189–229) упоминался сборник, выпущенный в Праге русскими историками в честь 50-летия русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.⁷⁷ Автор с иронией высказывался об “объективности” сборника, где было показано, что симпатии к угнетенным славянам вызвали “движение масс русского крестьянства”, которое “не было продиктовано никакой инстанцией и не было организовано в славянофильском лагере” (в то время как советские историки стояли на противоположной точке зрения). Более всего Пушкаревича возмутил призыв русских историков-эмигрантов к славянам обратить внимание на то, что «роли переменились, и настало время славянам проявить симпатии к “русскому мужику”».

По сравнению с первым томом во втором резко сократился объем главного раздела — “Статьи и исследования”. В нем опубликовано всего пять статей, причем только одна из них — Д.Е. Кравцова “Отголоски разинщины на Украине” (с. 77–99) рассматривает исторические события, остальные статьи затрагивают филологические сюжеты. Это статьи В.Г. Чернобаева о польском писателе В. Реймонте (с. 9–25), М.Н. Сперанского — о русском влиянии в сербской литературе XVIII в. (с. 27–33); статьи В.В. Дроздовского (с. 35–49) и В.Н. Перетца (с. 51–75) касаются некоторых аспектов изучения украинской литературы и периодической печати. Приходится констатировать, что первый раздел второго тома “Трудов” выглядит беднее и бледнее аналогичного раздела первого тома.

Во втором разделе второго тома представлено немало архивных материалов, безусловно ценных для изучения славянских народов, их истории и культуры. В.Н. Кораблев опубликовал письма к нему Ст. Радича и К. Кадлеца (с. 231–237), а также письма Л. Каравелова и В. Богишича В.И. Ламанскому* (с. 115–120; 163–187), К.А. Пушкиревич — документы об учебе Д. Благоева в Петербурге (с. 121–125) и автобиографическую записку В. Караджича (с. 149–158), М.Н. Сперанский — письмо В. Караджича Н.И. Надеждину (с. 159–162).

Наряду с материалами архивов в разделе опубликованы заметки В.В. Данилова о социальных основах поэзии Т.Г. Шевченко (с. 103–113), Д. Димитрова — о народном песенном творчестве болгар Приазовья (с. 127–148) и др. (таким образом, не были забыты и восточные славяне, и южнославянское население СССР).

Несколько публикаций следующего раздела посвящены памяти лужицкого слависта Э.Ю. Муки, внесшего, по оценке Б.М. Ляпунова, крупный вклад в сравнительное изучение славянских языков (с. 261–270). В.Н. Кораблев опубликовал письма лужицкого ученого к русским коллегам (с. 271–291). Один из аспектов деятельности Сербо-Лужицкой Матицы нашел отражение в публикации, подготовленной К.А. Пушкиревичем (с. 293–309).

* Из ряда опубликованных им писем В.Н. Кораблев сделал вывод, что славяноведение в 1840-х годах “было на службе у царского правительства и что видные русские и славянские ученые как в самой России, так и за границей — у западных и южных славян, являлись по существу агентами этого правительства” (с. 187). Этот тезис Кораблев повторял неоднократно. В статье о Л. Гае (с. 247–260), например, говорилось, что русское правительство поддерживало его “в расчете на возможную с его стороны помочь в проведении среди славян своих панславистских планов”.

Десятой годовщине со дня смерти И.В. Ягича посвящена большая статья В.Н. Кораблева (с. 311–351). Отмечая необычайную эрудицию филолога и его огромные научные заслуги, автор вместе с тем пытался доказать политическую детерминированность его научной деятельности, хотя, по его признанию, сам Ягич всегда отстаивал “чистую науку”, без примеси политики, “не понимая, что наука всегда носит классовый характер и всегда служит интересам господствующего в данную историческую эпоху класса”. Кораблев признавался, что в современном ему советском славяноведении происходит “переоценка ценностей”, старые авторитеты “блекнут”, теряют “прежний колорит”, в их научной, общественной деятельности и личных качествах выявляются те черты, которые представляют определенный интерес с точки зрения марксистски ориентированной науки.

Н.С. Державин и Е.З. Волков поместили небольшие заметки о болгарском революционере Ст. Заимове (с. 365–366; 367–375), В.Г. Чернобаев — о С. Добжицком, польском ученом, специалисте в области славянских литератур (с. 383–393). Памяти чешского филолога-слависта, фольклориста Ю. Поливки посвящена заметка М.К. Азадовского (с. 377–382). Приведенные в ней данные позволяют судить о том, что чешский ученый, доброжелательно относившийся к советским коллегам-фольклористам, тем не менее не раз выступал против их “увлечений” марксистским подходом к науке и считал “натяжкой” и “данью времени” их стремление положить в основу всех исследований анализ классовой борьбы и перестроить фольклор и историю литературы на основе диалектического материализма.

Критико-библиографические материалы знакомят с некоторыми изданиями, вышедшими в славянских странах. При этом новый труд эмигранта Ю.А. Яворского, изучавшего карпато-русскую письменность, в оценке В.Н. Перетца представлен объективно, с должным уважением к проделанной работе (с. 461–462). В то же время П. Берков, характеризуя выходивший в Праге квартальник *“Germanoslavica”* (с. 443–448), акцентировал внимание на том, что идеологические позиции журнала “далеки от установившихся в советском славяноведении взглядов” (которые, по мнению определенной части советских ученых, являлись самыми правильными и должны были служить образцом для славистов других стран). Несоответствие позиций советских и зарубежных ученых, как полагал автор, свидетельствовало “о затяжном кризисе, переживаемом западной славистикой”.

В хронике научной жизни Н.С. Державин дал довольно подробный отчет об участии советской делегации в работе VII Международного

конгресса исторических наук в Варшаве (с. 467–490), повторяя в основном сведения, приводимые им и в других статьях на эту тему.

В целом второй том производит гораздо более скромное впечатление, чем первый. Вместо серьезных концептуальных исследовательских статей здесь преобладают небольшие заметки, посвященные узким темам, и документальные публикации, носящие в основном частный характер. Даже руководитель Института академик Н.С. Державин не представил ни одной сколько-нибудь крупной работы в этом volume. Полностью отсутствуют в нем и языковедческие статьи. На страницах “Трудов” предполагалось давать обозрения русских и иностранных (в первую очередь славянских) славистических журналов⁷⁸, но это намерение не было осуществлено.

Несмотря на отмеченные существенные недостатки, два тома “Трудов” Института славяноведения отличаются разнообразием тематики; на их страницах введено в научный оборот много новых архивных документов. “Труды” выходили в те годы, когда не было никаких других славистических изданий.

Деятельность Института пришла на один из самых сложных периодов в истории отечественного славяноведения, что и определило краткий период его работы, имевшей драматический финал. Тем не менее, существование в Ленинграде этого института — важный этап в развитии отечественной науки о славянах.

Институт славяноведения Академии наук СССР был в 30-е годы единственным специализированным научным учреждением, занимавшимся разработкой широкого круга вопросов истории и культуры славянских народов. Концепция организационного оформления славяноведения как особой самостоятельной отрасли науки включала в себя более широкое, чем прежде, понимание комплексного характера славяноведения. Хотя центр тяжести в исследованиях находился на зарубежных славян, потребности науки подводили к целостному исследованию славянства, включая и восточное, которое присутствовало в работах Института более скромно. В сфере внимания Института находился регион Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и потому проблемы не только славяноведения, но и балканстики были неотъемлемой частью его научной программы.

Не все дисциплины славистического цикла получили развитие в Институте, предполагавшаяся комплексность исследований не была достигнута, не произошло интеграции накопленных знаний. Довольно ощутимой была неравномерность в изучении отдельных славянских

народов. Институт проводил в жизнь линию переориентации славяноведения на марксистскую методологию и решительный разрыв с теоретическими основами дореволюционной науки. На основе провозглашенного нового подхода делались попытки переосмысления (в основном — односторонние) достижений отечественной славистики, в то же время в работе Института объективно сохранялась преемственность традиций старой науки. Новые веяния в славяноведении, связанные с общим процессом идеологизации и политизации науки, с утверждением в ней марксизма, проявились, в первую очередь, в “социологическом” подходе к вопросам языка и литературы, вульгаризированном понимании исторических процессов, упрощенном, схематизированном взгляде на историю науки о славянах, стремлении ставить на первое место идеально-политические позиции, а не научные концепции ученых-славистов прошлого и настоящего.

Подходы к решению ряда проблем, основанные на использовании марровской теории, были по сути своей антинаучны, но исследования сотрудников Инслава содержали много ценного фактического материала и объективно способствовали расширению знаний о славянах и углублению их изучения. Излишняя политическая ориентированность и односторонняя идеологическая направленность также снижали собственно научную ценность достигнутых результатов. Вместе с тем, несмотря на декларирование разрыва со старой наукой, труды Института во многом продолжали разработку проблем, начатых дореволюционной славистикой, развивали их в новом направлении (хотя и не всегда удачно), помогли избежать перерыва в славистических исследованиях в трудное для славяноведения время, показывали необходимость изучения славянских народов и, в конечном счете, были той базой, на которую опирались последующие работы в этой области.

Наряду с традиционной тематикой в исследованиях Института заметное место заняли новые проблемы и темы, затрагивающие вопросы социально-экономического развития, классовой борьбы, национальных противоречий, значения Октябрьской революции в России для борьбы славянских народов за независимость и др. Параллельно с тематикой расширялась и хронология исследований, основным изучаемым периодом стало новое и новейшее время. За счет этих факторов происходила актуализация исследований. Одним из новых направлений в Институте стало изучение славянских и смежных с ними национальных групп, проживающих на территории СССР. Благодаря архивным разысканиям сотрудники Института ввели в научный оборот немало документальных

материалов, содержащих новые ценные сведения. Работа Института, как и всей АН, велась в рамках текущего и перспективного планирования (имевшего свои плюсы и минусы). Однако в полном объеме эти планы невозможно было выполнить из-за смехотворно малого штата научных сотрудников. Институту не удалось наладить широкую подготовку специалистов через свою аспирантуру.

Институт, призванный осуществлять координацию работ в области славяноведения, сделал в этом направлении лишь первые шаги. Причины материального, политического и идеологического характера не позволили установить прочные связи с коллегами за границей. Недоступность необходимых материалов, информационный "голод" и, как следствие, узость источниковой базы оказались на разработке вопросов, которыми занимался Институт, приводили к отказу от изучения некоторых тем.

Научное наследие Инслава менее чем за три года работы составляют, наряду с двумя томами "Трудов", статьи, опубликованные в периодике, и ряд подготовленных, но изданных в более поздние годы монографий. Они дают представление об уровне научных исследований Института, разрозненных по тематике, отражающих интересы и возможности сотрудников. Не удалось создать новый тип научной продукции — обобщающие коллективные труды: не хватало кадров и накопленного конкретного материала.

Задачи, поставленные перед Институтом, значительно превышали его возможности, обнажая несоответствие между широким охватом проблематики исследований и мизерным штатом, слабой материальной базой и другими причинами, затрудняющими нормальное развитие науки. Это приводило к тому, что грандиозные замыслы находили выход в довольно узких темах. Как ни старались сотрудники Инслава популяризировать свою деятельность (статьи в прессе, публичные выступления с лекциями и докладами и пр.), им не удалось противостоять антиславистическим тенденциям, распространявшимся в обществе, и отстоять существование самостоятельного направления в науке, всесторонне изучающего славянские народы.

Судьба Инслава показательна. Она характерна для положения гуманитарных наук вообще в начале 30-х годов и демонстрирует недальновидное отношение руководства Академии к потребностям науки, стремление властей подчинить науку своему диктату, заключить ее в рамки искусственного планирования и идеологических догм. Тем не менее, за краткий период существования Институту удалось заложить основы советского славяноведения (со всеми особенностями, присущими науке того времени), получившие развитие в послевоенный период.

Примечания

- ¹ Покровский М.Н. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. 26 июня; см. также: Горянинов А.Н. Советская славистика 1920 — 1930-х годов // Исследования по историографии славяноведения и балканстики. М., 1981. С. 6.
- ² Логачев К.И. Советское славяноведение до середины 1930-х годов // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 95—99.
- ³ Подробнее см.: Дьяков В.А. О некоторых аспектах развития славистики в 1918 — 1939 годах // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 78—92.
- ⁴ Державин Н., Кораблев В. Институт славяноведения (ИНСЛАВ) // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 1. Стлб. 37—38.
- ⁵ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 2. С. 366.
- ⁶ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 20. Л. 39—40; Д. 54. Л. 56—57.
- ⁷ Державин Н., Кораблев В. Институт славяноведения... Стлб. 39.
- ⁸ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 37. Л. 4, 8—11, 14.
- ⁹ Державин Н., Кораблев В. Институт славяноведения... Стлб. 40.
- ¹⁰ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 2, 4.
- ¹¹ Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стлб. 41—42.
- ¹² Там же. Стлб. 42; Державин Н.С. Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. I. С. 12; ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ¹³ Подробнее см.: Аллатов В. История одного мифа // Знание — сила. 1990. № 11. С. 64—69; № 12. С. 67—70.
- ¹⁴ Державин Н.С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии // Ученые записки МГУ. Вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. М., 1946. Т. III. Кн. 2. С. 16.
- ¹⁵ Державин Н.С. От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стлб. 42.
- ¹⁶ Там же. См. также: Дьяков В.А. О некоторых аспектах... С. 89.
- ¹⁷ Димитров Д. Славянская филология на путях фашизации (К характеристике ее состояния на Западе) // Язык и мышление. 1935. № 5. С. 126—127.
- ¹⁸ Державин Н.С. От филологического формализма ... Стлб. 43—44.
- ¹⁹ Там же. Стлб. 44; ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 1. Д. 3. Л. 2—5, 7.
- ²⁰ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
- ²¹ Горянинов А.Н. Трактовка славянской взаимности и славяноведения советскими учеными (1920 — 1930-е годы) // Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики. Roma, 1994. С. 84.
- ²² ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 14, 16; Логачев К.И. Первый этап развития советского славяноведения (Славистические учреждения Академии наук в 1917 — 1934 гг). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 60, 102.

- ²³ Доклад опубликован в виде статьи: Вестник Академии наук СССР. 1931. № 10. Стлб. 37–44.
- ²⁴ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Ф. 827. Оп. 3. Д. 37. Л. 37.
- ²⁵ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5.
- ²⁶ Там же. Д. 5. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Д. 29. Л. 15; Д. 12. Л. 100.
- ²⁸ Там же. Д. 26. Л. 2 и др.; Д. 29. Л. 57; Д. 33. Л. 10.
- ²⁹ Там же. Д. 7. Л. 1–1 об.
- ³⁰ Логачев К.И. Первый этап... С. 103.
- ³¹ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 21. Л. 9.
- ³² Фронт науки и техники. 1932. № 11–12. С. 28.
- ³³ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 34. Л. 11–12.
- ³⁴ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3.
- ³⁵ Там же. Л. 11–12.
- ³⁶ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 22. Л. 9, 26–27.
- ³⁷ Там же. Д. 5. Л. 2–3; Д. 15. Л. 2; Д. 4. Л. 6, 8.
- ³⁸ Там же. Д. 7. Л. 25 об.; Д. 12. Л. 6, 8; Д. 24. Л. 6.
- ³⁹ Подробнее о тематике докладов см.: Логачев К.И. Первый этап ... С. 96–166.
- ⁴⁰ См.: ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; Д. 15. Л. 1, 2, 4, 35, 40, 41, 46, 87, 89, 90, 104, 105; Д. 29. Л. 51, 64.
- ⁴¹ Там же. Д. 7. Л. 6, 8, 17, 20, 24, 25; Д. 15. Л. 22, 24, 28, 35, 47, 52, 53, 77, 87; Д. 24. Л. 2; Д. 29. Л. 10, 11, 18, 21, 24, 27, 30.
- ⁴² Там же. Д. 7. Л. 17, 26; Д. 15. Л. 38, 47.
- ⁴³ Там же. Д. 7. Л. 7, 17–18; Д. 15. Л. 1–2, 4, 27, 35, 44, 45, 87; Д. 29. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Д. 15. Л. 42, 64, 68; Д. 25. Л. 2–5; Д. 29. Л. 14, 54; Д. 7. Л. 20.
- ⁴⁵ Цит. по: Робинсон М.А. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г.А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 89.
- ⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 9, 24; Д. 12. Л. 1; Д. 15. Л. 27, 30 — 31, 84, 100, 101; Д. 29. Л. 12, 23.
- ⁴⁷ Там же. Д. 12. Л. 6–8; Д. 24. Л. 7; Д. 32. Л. 12 об.–13.
- ⁴⁸ Там же. Д. 7. Л. 4.
- ⁴⁹ Там же. Д. 12. Л. 5.
- ⁵⁰ Там же. Д. 15. Л. 19.
- ⁵¹ См.: Ольденбург С.Ф. Учет научных работников СССР // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 5. Стлб. 15–24. В рамках намеченной программы Комитет учета и изучения научных сил СССР подготовил и издал справочник "Научные работники Ленинграда" (Л., 1934); аналогичные справочники по

другим городам издавались и раньше, но объединенный справочник “Научные работники СССР” так и не был создан.

⁵² Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. New York, 1993.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Д. 5. Л. 1, 5.

⁵⁴ Там же. Д. 5. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Д. 15. Л. 18, 27, 34, 36, 38, 39, 47, 54, 55, 60, 66, 95, 101, 104; Д. 29. Л. 16.

⁵⁶ Там же. Д. 7. Л. 1 об., 6, 8, 9, 10 об.; Д. 15. Л. 33, 47; Д. 29. Л. 13, 54–54 об.; Д. 24. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 29. Л. 18.

⁵⁸ Логачев К.И. Славистика в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С. 68.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 15. Л. 42; Д. 10. Л. 23.

⁶⁰ Там же. Д. 29. Л. 10, 40, 57.

⁶¹ Там же. Ф. 827. Оп. 3. Д. 249. Л. 135 об.

⁶² Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 15. Л. 18, 46, 48, 57, 95 (см. также очерк “Международные связи советских славистов”).

⁶³ Там же. Л. 62.

⁶⁴ Там же. Д. 7. Л. 17–17 об.

⁶⁵ Там же. Д. 29. Л. 32.

⁶⁶ Там же. Д. 15. Л. 62–63.

⁶⁷ Там же. Д. 29. Л. 57.

⁶⁸ Там же. Ф. 827. Оп. 3. Д. 37. Л. 75.

⁶⁹ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–4.

⁷⁰ Фронт науки и техники. 1935. № 2. С. 128.

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 37. Л. 67, 69.

⁷² Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 15. Л. 84, 100.

⁷³ Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе // Славяноведение. 1993. № 4. С. 52.

⁷⁴ Българо-руски научни връзки XIX — XX век. Документи. София, 1968. С. 175.

⁷⁵ Там же. С. 186.

⁷⁶ См.: Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты... С. 52.

⁷⁷ Rusko v boji za osvobození balkanských slovanů roku 1877–78. Praha, 1927.

⁷⁸ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 15. Л. 62, 105.

О ч е р к 5

Кабинет славяноведения Библиотеки Академии наук СССР

По постановлению Президиума АН СССР от 10 июня 1934 г. одним из преемников Института славяноведения должен был стать кабинет славяноведения Библиотеки Академии наук СССР (БАН), в котором предполагалось в основном трудоустроить сотрудников бывшего Института. Однако реализация этого пункта постановления была неполной.

Что же предшествовало созданию кабинета? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к истории славянского книжного собрания в фондах БАН.

Для успешной работы славистов необходима обширная специальная литература. Хорошая укомплектованность библиотек литературой по славяноведению приобрела особое значение после революции ввиду сокращения источников базы исследований в связи с ограничением командировок советских ученых в зарубежные страны. К 1917 г. славянский книжный фонд БАН насчитывал 112 тыс. томов¹. Славянское отделение Библиотеки продолжало существовать и в 20-е годы. После революции в БАН поступили библиотека Славянского благотворительного общества, ценная коллекция книг по славяноведению профессора Д.Н. Вергуна. В.В. Водовозов предоставил свои книги в пользование Славянскому отделению. В.И. Срезневский отмечал, что Славянское отделение БАН представляет "самый богатый в России подбор книг на славянских языках и единственную в России обособленную славянскую библиотеку"².

Однако в советские годы комплектование отделения ухудшилось из-за прекращения поступления многих польских, белорусских, украинских изданий. Пополнение фондов шло благодаря обязательным экземплярам, книгообмену, покупке и пожертвованиям. По мере стабилизации внешнеполитической ситуации начал налаживаться книгообмен с зарубежными странами. Больше всего изданий поступало из Чехословакии.

До реорганизации Библиотеки в Славянском отделении работали такие специалисты, как В.П. Адрианова-Перетц, В.Ф. Боценовский, Д.И. Лебедев, С.П. Розанов, П.П. Смердынский, Б.В. Лавров, Л.В. Разумовская и др.³ (впоследствии большинство из них были уволены или арестованы). (Наряду с БАН попытка создания Славянского отделения была предпринята и в ленинградской Государственной публичной библиотеке. Ее тогдашний директор, Н.Я. Марр, привлек к работе в ГПБ Н.С. Державина, по инициативе которого начало организовываться Славянское отделение, которое, однако, вскоре, в 1930 г., было закрыто, а Державин прекратил работу в библиотеке⁴.)

В период кардинальной перестройки работы Академии наук в БАН также были пересмотрены подходы к организации библиотечной службы. В 1930 г. в Библиотеке произошли структурные изменения, в результате которых были созданы функциональные отделы, и Славянское отделение перестало быть самостоятельной единицей⁵. Это обстоятельство обеспокоило славяноведов, поскольку возникла реальная опасность распыления и утраты фонда. Книги Славянского отделения были включены в общий книжный фонд. Специальные картотеки славянских изданий вливались в общие каталоги. При этом происходили досадные потери. По свидетельству Н.С. Державина, сотрудники Института славяноведения не могли пользоваться сочинениями И.В. Ягича, поскольку в каталоге они не нашли отражения, не было в нем и периодических изданий, выходивших после 1914 г.⁶

После образования Института славяноведения была достигнута договоренность о передаче ему во временное пользование книг по славяноведению на славянских и неславянских языках. Однако, как отмечал в 1932 г. Н.С. Державин, в Инслав передавались только книги, приобретенные на валюту по заявкам Института, все остальные поступления в результате обмена и дарения "консервируются в БАН без возможности их использования по специальности". Державин обращал внимание руководства Академии на то, что при неналаженности культурных связей со славянскими странами, при нехватке валюты, отпускаемой на научные цели, для успешной исследовательской работы единственного в Союзе Института славяноведения необходимо максимальное содействие со стороны БАН. В связи с этим он обратился от имени сотрудников Института в Президиум АН СССР с ходатайством о сохранении Славянского отделения в качестве самостоятельного собрания и предоставлении сотрудникам Инслава права беспрепятственного пользования им (тем более, что они находились в одном здании), о сохранении и пополнении каталога этого книжного фонда, об организации в БАН специаль-

ногого кабинета славяноведения, куда должны поступать все новые книги и периодика на славянских и других языках по данной специальности. По мнению Державина, в этом кабинете должна быть сосредоточена и литература о греках, албанцах, венграх, румынах, молдаванах, изучение которых входило в задачи Института. Первые два предложения руководство БАН не приняло. Что касается последнего, то решено было открыть в небольшом помещении кабинет, обслуживание которого производилось бы "силами и на средства Инслава"⁷.

Кабинет начал функционировать с 1 июня 1932 г. по три часа в день. 16 июня БАН сообщила директору Инслава о том, что передача в кабинет славянских изданий, выписываемых за счет средств Института и получаемых по обмену, будет происходить в дальнейшем регулярно, как и книг по Румынии, Венгрии, Албании, Греции. Предполагалось также передать в кабинет дублетные справочные славянские издания⁸. Оставаясь в структуре БАН, кабинет как бы находился при Инславе. Получив из Москвы библиотеку казанских славистов М.П. и Н.М. Петровских и проведя работу по ее упорядочению, Инслав поместил это книжное собрание на хранение в славянский кабинет БАН.

После закрытия Института славяноведения сохранение кабинета приобрело особое значение для ленинградских ученых. С ним связывались надежды на рабочие места для сотрудников ликвидированного института и на продолжение работ в области славистики. Постановление Президиума АН СССР, решившее судьбу Инслава, предусматривало наличие такого кабинета в составе Библиотеки Академии наук. Он создавался как бы заново.

Кабинет славяноведения БАН учреждался с 1 июля 1934 г. Проект положения о нем был написан Н.С. Державиным в ноябре того же года. В этом документе определялся статус кабинета как вспомогательного научно-исследовательского учреждения, обслуживающего организации АН и отдельных ученых, занимающихся разработкой вопросов славянского языкознания, литературоведения, истории, этнографии и фольклора. Предусматривалась работа по комплектованию кабинета литературой, организации выставок, составлению аннотированных библиографических указателей, подготовке тематических обзорных докладов по новейшей библиографии, выявлению и описанию неопубликованных материалов в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда и т.д. Таким образом, задачи кабинета не сводились только к библиотечным функциям, но включали и архивно-поисковую, и, отчасти, исследовательскую работу. Предполагалось, что работа кабинета будет проходить "в тесном контакте с общим руководством БАН", а это свидетельствовало о зало-

женной в документе относительной самостоятельности кабинета, тем более, что его руководителя, по проекту, должен был назначать Президиум АН. В штате предусматривались также еще два научно-технических работника. На деле было несколько иначе. В должности заведующего был утвержден К.А. Пушкиревич, который оставался единственным штатным сотрудником кабинета. Составленный им план работы на 1935 г. поражает своей насыщенностью, учитывая необеспеченность кабинета кадрами⁹ (видимо, в расчете на их пополнение).

В состав кабинета вошли следующие книжные комплексы: обширная библиотека Петровских, часть библиотеки Русского Археологического института в Константинополе (книги по истории Византии, связанные с историей и историей культуры южных славян, по славянским древностям), книги, пожертвованные учеными (В.Н. Перетцом, Н.М. Гальковским, М.Н. Сперанским и др.), и часть личной библиотеки Н.С. Державина. Таким образом, в кабинет было передано прежде всего книжное собрание бывшего Инслава¹⁰.

Некоторые исследователи полагают, что создание кабинета славяноведения (как и других кабинетов) было искусственным мероприятием; к тому же не хватало штатов для их обслуживания. Поэтому вскоре все они прекратили существование¹¹. Н.С. Державин склонен был видеть в закрытии кабинета в 1936 г. иные причины: продолжение "похода" против славяноведения и действия "врагов народа". По словам академика, до этого времени (два года) кабинет оставался "единственным в Союзе маленьким центром славяноведных изучений"^{*} с достаточно широким охватом славяноведческих дисциплин¹².

Каковы бы ни были истинные причины закрытия кабинета славяноведения БАН, дальнейшая судьба его книг печальна. "В настоящее время, — писал Н.С. Державин в 1938 г., — от кабинета славяноведения в Библиотеке АН не осталось и следа: помещение занято другим учреждением, а богатейший книжный фонд его вынесен на коридор и в беспорядке свален здесь в книжные шкатулки". Все собрание бывшего Славянского отделения утратило свое научное значение. Новые поступления включались в общий фонд по отраслевому принципу. Фонд Славянского отделения не отражен в систематическом каталоге БАН. Ученые-слависты лишились книжной базы¹³.

В начале 1938 г. руководство Академии решило передать книжное собрание кабинета славяноведения БАН в кабинет славянских

* Кроме него существовал кабинет славянских языков Института языка и мышления, в котором славистике почти не уделялось внимания.

языков Института языка и мышления. Осуществление этого решения, возможно, позволило бы сохранить славистическую литературу в виде компактного комплекса и организовать использование ее специалистами (хотя штатных сотрудников для обслуживания такого книжного фонда в ИЯМ не было). Но передаче книг в ИЯМ воспротивился сам инициатор создания кабинета славяноведения — Н.С. Державин. В докладной записке в Президиум АН он обращал внимание на то, что книжное собрание по славяноведению состоит в основном из трудов “литературоведческого и исторического характера”, в то время как книг по языкоznанию совсем немного. Поэтому, пояснял Державин, библиотека не представляет интереса для Института языка и мышления (исключая отдельных славистов, например В.Г. Чернобаева, литературоведа по специальности). Державин просил Президиум АН в случае решения о том, что кабинет славяноведения не может находиться в БАН, передать его книжные фонды в ведение Института литературы, где они могли бы составить “ценную органическую и подлинно рабочую, а не декоративную часть основной библиотеки”. По всей вероятности, на этот раз руководство Академии прислушалось к мнению Державина и оставило книги по славистике на прежнем месте¹⁴.

Кабинет славяноведения БАН просуществовал очень недолго. Попытка сохранить данную славяноведческую структуру в системе АН потерпела крах. Не осуществилось и стремление превратить этот кабинет в научно-исследовательское подразделение. Не удалось объединить вокруг него славистов бывшего Института славяноведения. Среди причин ликвидации кабинета, о которых уже говорилось, видимо, стоит упомянуть еще об одной: специализированному кабинету, обслуживающему определенную науку, нужна, как минимум, эта наука. Кабинет славяноведения в середине 30-х годов был лишен своей научной базы; при отсутствии славяноведения его существование становилось беспредметным и ненужным. И все же в такое трудное для славяноведения время существование особого кабинета в БАН представлялось шагом к спасению науки, к сохранению традиций славистических изучений. И оставшиеся ученые-слависты не могли не попытаться использовать эту возможность.

Примечания

¹ Комарова В.П. Чешские книги в Славянском фонде Библиотеки Академии наук СССР // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 324.

² История Библиотеки Академии наук СССР, 1714 — 1964. М. — Л., 1964. С. 308—310, 312—314, 322, 353.

- ³ Комарова В.П. Чешские книги... С. 325–326; История Библиотеки Академии наук СССР... С. 322–323, 327–328.
- ⁴ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 2. Д. 54. Л. 47, 49.
- ⁵ Комарова В.П. Чешские книги... С. 385–386.
- ⁶ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 43. Л. 2–3.
- ⁷ Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 89.
- ⁸ Там же. С. 90.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 90–91.
- ¹¹ История Библиотеки Академии наук СССР... С. 418.
- ¹² Аксенова Е.П. Из истории... С. 91.
- ¹³ Там же; Комарова В.П. Чешские книги... С. 236.
- ¹⁴ Аксенова Е.П. Из истории... С. 91.

О ч е р к 6

Организация исследований в области славянского языкознания

Судьба славянского языкознания в 30-е годы теснейшим образом связана со всепроникающим влиянием марризма в область гуманитарных наук, и в первую очередь — лингвистики. В последнее время немало работ было посвящено анализу и критике теорий Н.Я. Марра¹. Эти исследования дают возможность объективно оценить как влияние марровского учения на развитие науки, так и состояние лингвистической науки в 30-е годы.

Не останавливаясь подробно на характерных особенностях “нового учения о языке” Н.Я. Марра, отметим лишь основные положения яфетидологии. Язык является частью идеологической надстройки и отображением человеческого мышления и общественно-экономического строя. Все языки проходят одни и те же типологические стадии, соответствующие различным ступеням социально-экономического развития общества (при их смене происходят скачкообразные изменения и образование новых языков). В связи с этим — отрицание праязыков (в том числе индоевропейского) и прародин этносов. Яфетические языки — особая стадия в развитии всех языков. Многие языки Евразии возникли из яфетических языков как следствие перехода на новую глоттогенетическую стадию в результате возникновения определенных социально-экономических условий. Существенной частью этого учения была “теория скрещений” (скрещиваний) различных языков и элементный анализ. Марр не признавал генетическое родство языков и сравнительно-исторический метод их изучения. Зависимость между языком и мышлением, языком и обществом объяснялась весьма прямолинейно, но сама постановка вопроса об этих связях, их выявление и попытка объяснения причин имели большое значение для лингвистики² (поскольку споры по этим проблемам активно велись в мировой и отечественной науке).

Причины и способы распространения марризма, его господства в советском языкоznании и заметного влияния на другие гуманитарные науки проанализированы В.М. Аллатовым³. Заметим лишь, что упрочению положения этого учения способствовало созданное марристами впечатление о нем как о “единственно революционной марксистской теории” в гуманитарной сфере. На самом деле марризм представлял собой эксплуатацию и профанацию положений диалектического материализма и марксистского учения; это явление свидетельствовало о слиянии науки и идеологии в советском государстве⁴.

Связь марризма и марксизма подчеркивали все соратники и последователи Марра. Характерно в этом отношении и замечание его ученика И.И. Мещанинова о том, что к отрицанию индоевропейской семьи языков и праязыков “Н.Я. Марр пришел, несомненно, под непосредственным влиянием ознакомления с ведущими трудами классиков марксизма-ленинизма”. Он отмечал также, что его учитель “упорно и последовательно шаг за шагом переводил основные языковедческие концепции на позиции диалектического и исторического материализма”⁵.

На протяжении всего рассматриваемого десятилетия Марр считался непрекаемым авторитетом в лингвистике, во всяком случае формально, так как далеко не все ученые были согласны с его концепциями (в 1932 г. П.С. Кузнецов опубликовал брошюру “Яфетическая теория”, в которой выступил с опровержением идей Марра; с критикой марровского учения выступил Е.Д. Поливанов и группа “языкофронт”⁶), а к концу 1930-х годов начали все больше отходить от них в своей практической работе. Если в начале 30-х годов все научные направления, опиравшиеся на дореволюционную традицию (сравнительное языкоzнание, индоевропеистика, теория праязыка), объявлялись “формалистическими”, “буржуазными”, неприемлемыми для социалистического общества (и в связи с этим — достойными самой непримиримой борьбы⁷), то к концу десятилетия отношение к ценности выработанного прежней наукой опыта стало меняться. Тот же И.И. Мещанинов в 1940 г. , стараясь смягчить жесткую конфронтацию марризма с другими школами, отмечал: “Борьба шла за внедрение диалектического метода, но не за уничтожение всех достижений старых языковедческих школ ... оставивших после себя богатое наследие, в первую очередь накопленного материала и его классификаций”⁸.

“Новое учение о языке” не признавало генетического родства славянских языков. Исходя из марровских представлений о происхождении языков, ученик и последователь Н.Я. Марра Ф.П. Филин объяснял род-

ство современных славянских языков «вовсе не тем, что все эти языки происходят от одного “праязыка”, который является продуктом ложной гипотезы, а не реальной действительностью; родство это создалось в результате исторического схождения раньше разъединенных племенных языков»⁹.

В пору расцвета марровской яфетидологии в стране, где власти вмешивались в научный процесс, славянское языкознание могло идти только к закату. В академической системе эта научная дисциплина должна была изучаться в ленинградском Институте языка и мышления (ИЯМ). Этот институт, называвшийся первоначально Яфетическим (ИЯМ — с 1931 г.), был создан Н.Я. Марром и с 1933 г. стал носить его имя. Печатным органом института был сборник “Язык и мышление”. В конце 20-х годов в институте предполагалось иметь кабинет по изучению “живых” славянских языков. Однако в 1930 — 1931 гг. в структуре института был только кабинет русского и украинского языков. В пятилетнем плане, составленном до 1934 г., работы по языкам зарубежных славян не предусматривались, хотя предполагалось увеличение штата специалистов в области славянских языков¹⁰. Институту как бы передавалась лингвистическая часть исследований, не вошедших в сферу деятельности Института славяноведения, но практически они не осуществлялись.

Исследования в области славянской лингвистики должны были развернуться в Институте языка и мышления позже, согласно постановлению Президиума АН СССР от 10 июня 1934 г., предписывавшему усиление изучения славянских языков в ИЯМ и создание с этой целью соответствующего кабинета. Еще при жизни Н.Я. Марра на должность заведующего кабинетом был приглашен академик Б.М. Ляпунов, который не являлся сторонником марризма и придерживался, по его собственным словам, “эволюционных взглядов на языки”¹¹. В деле разработки своих идей Н.Я. Марр возлагал большие надежды “на энергию привлекавшихся им старых специалистов, в частности академиков”. Ему казалось, что яфетическая теория должна была “заразить” их творческим энтузиазмом. Но его надежды не оправдались: “в разгоревшейся борьбе с индоевропеистикой далеко не все из них стали на сторону нового учения о языке”¹². В работе кабинета принимали также участие С.П. Обнорский, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, С.Г. Бархударов, Д.Д. Димитров, С.С. Советов, В.Г. Чернобаев, Ф.П. Филин, И.К. Зборовский, А.С. Никулин и др. С кабинетом славянских языков был связан и Н.С. Державин, являясь председателем Комиссии по составлению грамматики русского языка, в которую входили и некоторые сотрудники кабинета¹³.

Свойственное марризму вульгарно-социологическое понимание связи языка и общественной жизни приводило, в частности, к тому, что

даже теоретические вопросы языкоznания должны были тесно увязываться с политической практикой и потребностями дня. В производственном плане ИЯМ на 1930 — 1931 гг. выделялась, например, разработка темы “Язык как орудие борьбы классов. Языковая политика в капиталистических странах”. После смерти Н.Я. Марра Институт возглавил И.И. Мещанинов, сохранив основные направления деятельности института. В 1935 г. кабинет славянских языков наряду с темами “Н.Я. Марр и славянские языки”, “Принципы классификации языков и грамматика отдельных языков” запланировал также работу “Критика фашизма в языкоznании и буржуазное наследство”. Намеченные в связи с этим доклады должны были затронуть зарубежную славистическую историографию¹⁴. В 1936 г. последняя тема была закреплена за одним Д.Д. Димитровым, выступившим ранее с соответствующим докладом и опубликовавшим статью¹⁵.

Характерной чертой деятельности кабинета славянских языков являлось изучение не столько южно- и западно-, сколько восточнославянских языков. Русское языкоznание безусловно преобладало в работах кабинета, который одно время назывался кабинетом русского и других славянских языков. Такое положение объяснялось, с одной стороны, широким пониманием предмета славистических исследований, а с другой — отсутствием необходимых кадров лингвистов-славистов и политической ситуацией, которая привела к почти полному вытеснению славяноведения из научной и учебной сфер и заставила даже оставшихся специалистов по южным и западным славянским языкам сосредоточить свое внимание на иных проблемах. Большое место в планах кабинета занимала подготовка “Древнерусского слова” (под руководством Б.А. Ларина). Некоторые аспекты изучения южно- и западнославянских языков затрагивались в докладах по общеславянской проблематике и древнерусским сюжетам. В изучении отдельных языков имелись серьезные лакуны (так, в 1935 г. отмечалось, что “по польскому языку не ведется никакой работы”)¹⁶.

Важным направлением деятельности сотрудники кабинета славянских языков считали составление лингвистических атласов. В 1935 г. в кабинете была создана специальная группа диалектологического атласа русского языка (в 1939 г. преобразованная в кабинет русской диалектологии)¹⁷. На заседании кабинета обсуждались принципы и методы работы над атласами.

Приверженность учению Марра была в то время важным мерилом научной значимости и политической благонадежности ученого. В дея-

тельности кабинета славянских языков, особенно в работах молодых ученых, в их полемических выступлениях на заседаниях кабинета скандалось заметное влияние марризма, поддерживаемого руководством ИЯМ (хотя для ряда исследователей марризм являлся лишь щитом, под прикрытием которого можно было свободнее работать¹⁸). В докладе “Вокативные частицы в болгарском языке” (1935) Д.Д. Димитров исходил из “тезиса Н.Я. Марра о стадиальности речи”. На “новое учение о языке” он опирался и в работе “Числительные на -ма в славянских языках”. На заседаниях, посвященных юбилеям и памяти ученых — Н.М. Каринского, М.Г. Долобко, Н.К. Никольского, В.М. Истрина — звучали не только доклады (С.П. Обнорского, Л.В. Щербы), освещавшие вклад этих ученых в науку, но и выступления (Ф.П. Филина, Д.Д. Димитрова), в которых прежде всего обращалось внимание на их отношение к учению Н.Я. Марра¹⁹.

Наряду с исследовательской деятельностью кабинет славянских языков вел и научно-организационную работу. Так, в 1935 г. он взял на себя подготовку общеакадемического заседания, посвященного 100-летию со дня рождения А.А. Потебни (в это время на новой основе стали развиваться идеи ученого, опиравшиеся на стремление осмыслить не только формальные, но и содержательные категории языка²⁰). В программу заседания был включен, в частности, доклад Б.М. Ляпунова “Этимология и история звуков славянских языков в работах А.А. Потебни”. В рамках подготовки к юбилею Потебни Ф.Г. Филин был командирован на Украину для ознакомления с хранящимися там рукописями ученого. Была достигнута предварительная договоренность о совместном проведении на Украине юбилея Потебни Академиями наук СССР и УССР. Кабинет готов был возглавить работу по подготовке к изданию этимологического словаря А.А. Потебни²¹.

Командировки внутри страны сотрудники кабинета славянских языков использовали для сбора материалов и для установления связей со славистами других городов. Так, во время поездки в 1936 г. Б.М. Ляпунов знакомился в Киеве с глаголическими Киевскими листками, в Одессе изучал рукописи покойного профессора А.И. Томсона (в том числе исследование о древнейшей славянской письменности и возникновении славянских буквенных знаков). В Одесском университете он выступил перед коллегами с докладом о личных местоимениях в славянских языках, а также рассказал о работе руководимого им кабинета²².

В 1936 г. была проведена проверка работы кабинета славянских языков. Главные выводы комиссии носили критический характер. В

частности, указывалось на то, что в кабинете кроме русского “очень слабо представлены другие славянские языки”. Высказывалось пожелание усилить связь с украинскими и белорусскими институтами, чтобы передать им для разработки часть тематики. Особо подчеркивалось, что “молодые кадры кабинета в своей методологической борьбе со сторонниками индоевропеизма не получают помощи ни от других кабинетов, ни от института в целом”²³.

Критика в адрес кабинета за слабое изучение “других славянских языков” существенно не изменила положение. В плане на 1937 г. значились сообщение Б.М. Ляпунова “Лексика болгарского сборника 1348 г.” и несколько докладов и статей Д.Д. Димитрова (после ареста Димитрова они были вычеркнуты из плана, но в протоколах зафиксированы его выступления, в частности с докладом “Частица -ште в болгарском языке (из истории *Futurum'a* в славянских языках)”, в основе которого лежала марристская “точка зрения, идущая вразрез традиционной теории”)²⁴.

Слависты постоянно сталкивались с отсутствием или неполнотой информации об имеющейся славистической литературе в СССР и за рубежом. Сотрудники кабинета неоднократно указывали на необходимость наладить библиографическую работу, предлагали создать международный библиографический центр по славистике и организовать в ИЯМ критико-библиографический бюллетень²⁵.

Шпиономания, борьба с “врагами народа”, особенно усилившиеся в 1937 г., отразились и на деятельности ИЯМ. В этом отношении показательно не имевшее ничего общего с наукой обсуждение доклада одесского языковеда В.И. Бойко “Продуктивизация немецкого суффикса -ing в славянских языках” (текст не сохранился), растянувшееся почти на два месяца. Выступавшие в прениях дали ему резкую оценку, обвинив автора в необъективности, в показе “одностороннего влияния германцев на славян”. Изложенные автором соображения признавались “политически вредной” теорией. Ученые старшего поколения (Ляпунов, Обнорский), не склонные видеть в языкоznании политический фактор, старались смягчить удары, наносимые Бойко. Сотрудники младшего поколения, наоборот, усматривали в научных дискуссиях арену политической борьбы и вместо анализа и объективной критики предъявляли исследователю политические обвинения (которые в тогдашней обстановке могли иметь самые трагические последствия и в то же время не давали самим “критикам” гарантii от преследований, о чем свидетельствует судьба Димитрова). Д.Д. Димитров, Е.Г. Колесников, С.С. Советов, И.К. Зборовский подчеркивали, что работа Бойко “зашщает расовую теорию”, “льет воду на мельницу фа-

шизма и ничего общего не имеет с советским языкознанием”, которое не может быть “apolитичным”²⁶.

О выводах из обсуждения доклада В.И. Бойко было сообщено (без ведома Б.М. Ляпунова, который позже назвал это “доносом”) по месту работы автора — в Одесский пединститут, откуда ответили благодарностью за “сделанные указания” и заверили, что понимают “положение дел правильно”. Подобная “инициатива” некоторых сотрудников кабинета, поддержанная секретарем парткома института, привела Б.М. Ляпунова к решению оставить руководство кабинетом²⁷.

В 1938 г. кабинет славянских языков возглавил профессор В.Г. Чернobaев²⁸. С его приходом начали усиливаться полонистические исследования, в то время как проблемы южнославянских языков остались в стороне (после ареста специалиста в этой области — Д.Д. Дмитрова). “Польский уклон” был определен не только научной специализацией нового руководителя кабинета, но в значительной степени заданием СНК СССР — “исследовать полонизмы в украинском языке”. Конъюнктурность постановки этой темы очевидна. Отделение общественных наук АН СССР полагало, что эту тему можно расширить “в тему о сравнительно-историческом изучении русского и украинского языков или о взаимоотношениях этих языков в их истории”. Для выполнения этого задания в сентябре 1938 г. на базе кабинета была создана специальная группа во главе с Чернobaевым (в нее также входили Советов, Зборовский, Щерба, Ларин). В плане на 1939 г. тема была уточнена: “Полонизмы в украинском и белорусском языках и борьба с ними”. При ее разработке имелось в виду “подчеркнуть необходимость очищения украинского и белорусского языков от тех наносных элементов, с помощью которых буржуазные националисты долгое время стремились их всячески отдалить от русского языка”. Таким образом, в центр внимания ставилась не исследовательская проблема, а “борьба с полонизмами”, т. е., в известном смысле, насилие над естественными языковыми процессами на политico-идеологическом фоне. Вместе с тем, постановка данной проблемы выглядела объективно необходимой, так как языко-творчество на Украине и в Белоруссии порой имело искусственный, националистически окрашенный характер (еще в 1934 г. Н.Н. Дурново отмечал, что “больно было видеть, как творцы украинского и белорусского литературных языков часто заботились не столько о том, чтобы они были действительно украинским и белорусским, сколько о том, чтобы они не были похожи на русский и наводняли их полонизмами, чехизмами и даже германизмами, неизвестными живому языку”²⁹). Заметим,

однако, что против чехизмов, германизмов и иных влияний “борьба” не велась). Результаты работы группы должны были найти отражение в сборнике, к подготовке которого были привлечены также Б.В. Лавров, Л.В. Исаева, И.О. Кузьмин, Е.Г. Колесников³⁰.

В 1939 г. деятельность Института языка и мышления обсуждалась в Отделении литературы и языка АН СССР. В принятом постановлении констатировалось, что институт в основном стоит “на позиции нового учения о языке академика Н.Я. Марра”. Среди отмеченных недостатков, как и при проверке 1936 г., указывалось на слабое внимание к “изучению русского и вообще славянских языков”, в связи с чем предлагалось усилить разработки в этой области³¹.

Возможно в ответ на это постановление несколько активизировались славистические изучения в кабинете славянских языков. Б.М. Ляпунов написал статью о среднеболгарском языке, Е.Г. Колесников собирал материалы о терминах родства в славянских языках, В.Г. Чернобаев и Б.В. Лавров работали над темой “Чешский язык в докуститскую эпоху”, Л.П. Якубинский изучал славянские термины родовой организации. В 1939 — 1940 гг. на заседаниях кабинета обсуждались доклады о труде А.М. Селищева “Западно-славянские языки” (Б.М. Ляпунов), полонизмах в лексике П. Берынды (С.С. Советов), славяно-финских языковых отношениях (Д.В. Бубрих), началье славянской письменности (Л.П. Якубинский)³².

К концу десятилетия в ИЯМ был подготовлен первый том труда “Проблемы общего языкоznания”, закончен первый том “Словаря древнерусского языка”, сдан в печать первый том “Словаря современного русского литературного языка”, завершена работа над первой частью “Грамматики русского литературного языка” и первым выпуском “Диалектологического атласа северо-западных говоров”, начата подготовка “Малого толкового словаря русского литературного языка”³³. Однако среди этих трудов нет ни одной сколько-нибудь заметной работы, касающейся языков западных и южных славян, из чего можно сделать вывод, что существенного усиления разработки этой проблематики не произошло.

Печатная продукция кабинета славянских языков была невелика. Кроме публикации отдельных статей в различных периодических изданиях и сборниках, выпускалось серийное издание “Slavica” (первый номер вышел в 1936 г., второй — в 1937 г.); проблематика языков зарубежных славян в них не отражалась. У лингвистов была надежда, что кабинет будет издавать под редакцией Б.М. Ляпунова “Труды”, которые хотя бы отчасти заменят “Известия ОРЯС”³⁴. Но эти предположения не сбылись.

Группа сотрудников института выпустила сборник “Против буржуазной контрабанды в языкознании” (Л., 1932). В предисловии говорилось: “Марксисты-языковеды должны развернуть решительное и широкое наступление на индоевропейскую лингвистику по всем участкам своего фронта, беспощадно и последовательно вскрывая научную несостоятельность и органическую связь с реакционной политикой буржуазного языкознания”. Острие критики было направлено против группы “языкофронта” и “маскирующихся” под марксистов старых индоевропеистов. Участники сборника при этом сознавались, что «в отдельных случаях недостаточно четко представляют себе конкретное содержание марксистско-ленинского этапа в языкознании, а также расходятся в оценке “языкофронта”». Вместе с тем, они заявляли о своей неполной солидарности с яфетической теорией, отдавая ей должное, но и видя ее ошибки.

В названном сборнике Д.Д. Димитров опубликовал статью “Болгарский язык в освещении Данилова” (с. 74–80). Речь в ней идет о статье Г. Данилова о болгарском языке для “Литературной энциклопедии” (1929. Т. 1). Димитров упрекает автора в том, что его статья написана не с марксистской, а с индоевропейской точки зрения. В ней, по мнению Димитрова, неверно обрисованы границы распространения языка, а это, считал он, вопрос политический, так как на Балканах “национальноязыковая проблема всегда отличалась, отличается и сейчас, исключительной остротой”. Ярким примером служит македонский вопрос, политическое решение которого, по словам Димитрова, отняло у македонского народа даже имя (македонцев считают или сербами, или болгарами, или греками). Данилов не поднимает эту проблему, в то время как Коминтерн и балканские коммунистические партии выступают за свободу, независимость и равноправие Македонии. Позиция Данилова, по определению Димитрова, “бьет по этим требованиям”. Кроме того, автор энциклопедической статьи не указал на большие массы болгарского населения в Бессарабии, Банате, на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане. Говоря об истории болгарского языка, автор опирается на теорию праславянского языка. Димитров обвиняет его также в незнании исторических судеб балканских народов, хода и характера колонизации Балканского полуострова. Утверждая, что “все классы болгарского общества в эпоху турецкого владычества находились в одинаковом бесправном положении”, Данилов извращает историю Болгарии. Димитров находит в статье Данилова и фактические ошибки, указывает на отсутствие в библиографии важных работ, в том числе “основных работ индоевропеистов по болгарскому языку”. Наряду со справедливыми замеча-

ниями в адрес автора статьи в "Литературной энциклопедии", Димитров допускает и преувеличенно резкие оценки; главное же направление его удара — критика индоевропеизма, лишний повод для которой ему дала указанная статья в энциклопедии.

С 1933 г. ИЯМ начал выпускать теоретические сборники "Язык и мышление" (всего вышло 11 томов). Вышли также сборники статей "Советское языкознание" (три выпуска), "Языкознание и материализм" (два выпуска) и др. Статьи в них носили в основном лингво-социологический характер.

На протяжении 30-х годов кабинет славянских языков Института языка и мышления был основным подразделением в Академии наук, призванным заниматься славянским языкознанием. Само существование кабинета (в недрах института с общей направленностью в духе "нового учения о языке"), собравшего немалые по тем временам славистические силы, свидетельствует о том, что, несмотря на все чинимые препятствия, традиционное славянское языкознание (хоть и вынужденное прикрываться иногда "фигоным листком" марксизма или отступать в "тень" русистики) все же пробивало себе дорогу сквозь "тернии" непонимания и преследований в силу объективных потребностей и внутренних законов развития самой науки. Однако испытывая недостаток в специалистах и учитывая сложности вненаучного порядка, кабинет не мог наладить работу по широкому кругу лингвистических проблем и по всем славянским языкам. Исследования южно- и западнославянских языков оставались на втором плане и порой зависели от заданий директивных органов. В самом конце десятилетия исследовательская тематика кабинета несколько расширилась, хотя все же охватывала очень небольшую часть славянского языкоznания. Между молодыми учеными, сторонниками теории Марра, и учеными старшего поколения существовали методологические разногласия, в результате чего одни и те же проблемы рассматривались и оценивались ими по-разному. Атмосфера взаимного недоверия, обличительства вела к расстройству научной работы и подавляла стремление к разработке важных теоретических вопросов славянского языкоznания.

Кроме Института языка и мышления проблемы славянского языкоznания входили в круг исследовательских задач Института языка и письменности народов СССР (ИЯП), в 1936 г. реорганизованного из Научно-исследовательского института национальностей СССР, а в 1938 г. перешедшего в ведение Академии наук. В задачи института входили: 1) "научная разработка на основе учения марксизма-ленинизма"

вопросов развития языка и письменности народов СССР; 2) перевод на языки народов страны классиков марксизма-ленинизма и классиков художественной литературы; 3) разработка алфавитов, справочников, орфографических словарей для республик; 4) разработка научных вопросов полиграфии; 5) подготовка квалифицированных научных кадров и т. д. Институт находился в Москве и имел отделение в Ленинграде. Директором института был В.А. Петросян³⁵.

В ленинградское отделение ИЯП входил сектор славянских языков, которым руководил Л.В. Щерба. Среди сотрудников сектора были С.П. Обнорский, Б.А. Ларин, С.Г. Бархударов и др. (всего девять человек). Таким образом, в штат сектора входили ученые, работавшие одновременно и в кабинете славянских языков Института языка и мышления. Этим обстоятельством и схожестью тематики объясняется координация планов сектора и кабинета. Сектор славянских языков сосредоточил основное внимание на составлении грамматики современного русского литературного языка и исторической грамматики русского языка. Другие славянские языки (кроме русского) в планах сектора (несмотря на его название) не были представлены. Правда, отдельные исследования расширяли рамки плановых заданий. Так, в 1938 г. одно из заседаний сектора предполагалось посвятить сообщению Э.И. Коротаевой о синтаксисе польского языка. В том же году М.Я. Шульманом была завершена монография “Влияние славянских языков на еврейский”, посвященная вопросам языкового взаимодействия и содержащая в качестве приложения “Словарь позаимствований в идиш (sic! — Е.А.) из славянских языков”³⁶.

После передачи института в ведение Академии наук было решено слить его ленинградское отделение с ИЯМ, где и оказался сектор славянских языков. Таким образом ликвидировался определенный параллелизм в их деятельности. Однако в 1939 г. при проверке деятельности Института языка и письменности комиссией Отделения литературы и языка АН СССР было с сожалением отмечено, что “Институт не обратил должного внимания на изучение русского и славянских языков” и вследствие этого “вопросами славянского языка в Москве не будут заниматься”. Однотипность упреков, сделанных ленинградскому и московскому институтам, санкционирование аналогичной исследовательской деятельности в области славянского языкознания в ИЯМ и ИЯП свидетельствовали об изменении в “верхах” политики в отношении славяноведения; реагирование же на эти перемены было, как это часто случается, не продуманно-научным, а чиновниче-бюрократическим,

что создавало сложности в научно-организационном плане. В.А. Петросян объяснял, что Институт языка и письменности не имеет в своем составе славяноведов для организации “центра славянских языков”. По его мнению, такой славянский центр должен быть организован в ленинградском институте, “который имеет свои традиции, свои работы, свой план и все остальное”³⁷.

По итогам обследований Отделение литературы и языка выступило с предложением об объединении двух институтов, при котором ИЯП станет московским отделением ИЯМ, а в последнем будут расширены исследования по славянским языкам. Академик С.П. Обнорский приветствовал возможность подобного слияния, считая, что это придаст “необходимый размах нашим дальнейшим работам в области русского языка и славистики” с использованием сил московских лингвистов. Но Президиум АН 16 мая 1939 г. отклонил проект Отделения³⁸.

Оставаясь самостоятельным институтом, ИЯП организовал в сентябре 1939 г. сектор славянских языков, общее руководство которым было поручено Д.Н. Ушакову. Его заместителем и руководителем работ по лексикографии стал С.И. Ожегов, диалектологические исследования возглавил Р.И. Аванесов, исследования по орфоэпии — А.Б. Шапиро. Сектор занялся составлением словарика для русско-национальных словарей, начал разработку инструкции по собиранию диалектологических материалов. При создании сектора мыслилось, что в его планах будет изучение не только русского, но и других славянских языков, в сектор должны были войти слависты, прежде всего А.М. Селищев. Но эти намерения не осуществились. В 1943 г., оглядываясь назад, тогдашний руководитель сектора Г.О. Винокур признал упущением “отсутствие тем по славистике”. По его мнению, чтобы “стимулировать изучение русского языка, надо включить в поле зрения разработку вопросов из области других славянских языков. Но славистика, — подчеркивал Винокур, — была представлена в секторе темами случайного характера”³⁹. Из сказанного со всей очевидностью следует, что в планах сектора славистике отводилась подчиненная роль, но даже в таком аспекте исследования в области славянских языков способствовали бы развитию отечественного славяноведения.

Одним из немногих, посвященных славянской проблематике, был доклад С.Б. Бернштейна “Болгарские говоры Украины”, заслушанный на заседании сектора славянских языков 2 марта 1940 г.⁴⁰

Координация деятельности с ИЯМ на деле осуществлялась слабо. В 1939 г. московский и ленинградский академические лингвистические

центры поделили между собой обязанности по подготовкеialectологического атласа русского языка: каждый из них руководил соответственно работой по составлению атласа южно- и среднерусских говоров и северо-западных диалектов русского языка⁴¹.

Таким образом, подразделение Института языка и письменности, специально созданное для изучения славянских языков, ограничилось исследованием вопросов русского языка, причиной чему были организационные неурядицы и проблемы с кадрами. Ситуация несколько изменилась лишь в 1941 г. после начала войны (но развернуть славянские исследования в должной мере уже не удалось, поскольку в 1944 г. институт прекратил свое существование)⁴².

Институт языка и мышления и Институт языка и письменности представляли в рамках Академии наук научно-организационную базу исследований в области славянского языкознания, которые, тем не менее, велись слабо и оставались единичными среди других лингвистических работ. Разработка славистических проблем шла в 30-е годы скорее на индивидуальном уровне. Вспоминая этот период, С.Б. Бернштейн отмечает, что за все 30-е годы в СССР “не было опубликовано ни одной монографии, посвященной зарубежным славянским языкам, сравнительной грамматике славянских языков, старославянскому языку”⁴³. Это тем более печально, что в тот период работали известные слависты-лингвисты А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, М.Г. Долобко и др.

Г.А. Ильинскому удалось опубликовать на родине в 1930 — 1931 гг. всего пять работ, затем, вплоть до ареста — ни одной⁴⁴. Не была издана его “Праславянская грамматика”, рассыпан набор его “Сравнительной грамматики славянских языков”⁴⁵. Он занимался составлением славянского этимологического словаря. Увидела свет лишь библиография по кирилло-мефодиевскому вопросу, да и та была издана в Болгарии⁴⁶. В 1930 г. была опубликована небольшая работа М.Н. Сперанского “Из славянской эпиграфики”⁴⁷, затрагивавшая сложный вопрос о “начальной эпохе славянской письменности”. В следующие три года несколько статей ученого было напечатано за границей⁴⁸, затем ему пришлось хранить вынужденное молчание. Фундаментальный труд В.М. Истрина, в котором давалось сопоставление языка греческого оригинала и славянского перевода “Хроники Георгия Амартола”⁴⁹, подвергся уничтожающей критике за “мертвящий, схоластический дух”, которым якобы веет от книги⁵⁰. Работы А.М. Селищева, как и других лингвистов, мало издавались на родине, но широко публиковались в зарубежных изданиях. Так, его капитальное исследование “Славянское насе-

ление в Албании" (1931), в котором автор "всесторонне осветил историю славянских говоров в Албании и судьбу славянского этнического элемента в этой стране", и монография "Македонские кодики XVI — XVIII веков. Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии" (1933) вышли в Болгарии. В общей сложности в 1930 — 1934 гг. более 20 работ ученого по славистике были опубликованы в зарубежных изданиях⁵¹, в то время как на родине было издано одно исследование ("О языке современной деревни"⁵²) и две небольшие энциклопедические статьи-персоналии (о И.Д. Шишманове и В.Н. Щепкине)⁵³. Убежденный в необходимости готовить кадры славистов для того времени, когда славяноведение вновь будет признано одной из важнейших областей знания, Селищев занимался также подготовкой необходимой для этого литературы.

В 1938 г. Селищеву предложили опубликовать его книгу "Введение в изучение славянских языков", содержащую очерки истории языков зарубежных славян. Книга была написана еще в 1925 г.; не надеясь на ее выход в свет в России, автор предпринял попытки, закончившиеся неудачей, издать свой труд в Чехословакии или Болгарии. В конце 30-х годов ученый решил расширить и доработать монографию. Первая ее часть — "Западнославянские языки" — появилась в начале 1941 г., рукопись второй части — "Южно-славянские языки" — осталась незаконченной⁵⁴.

В основу исследования по западнославянским языкам ("Славянское языкоzнание". М., 1941. Т. 1), изданного в виде учебного пособия, легли лекции Селищева, которые он читал в Казани и Москве. В книге давались в сжатой форме сведения о западнославянских народах, памятниках их письменности, о формировании литературных языков, современном их состоянии; автор знакомил с историей языков и важнейшими диалектами. Отвергая марристский подход к изучению языков, Селищев основывал свой труд на широком сравнительно-историческом освещении языковых проблем⁵⁵.

А.М. Селищев работал также над учебником старославянского языка. Перед войной он сдал в издательство первую часть учебного пособия, содержащую введение и фонетику. В качестве второй части (в которую должны были входить морфология, синтаксис, лексика) были изданы подготовленные Селищевым тексты со словарем и краткими замечаниями. Публикация этого учебника стала возможной уже в послевоенные годы⁵⁶.

Одной из учениц М.Г. Долобко (отдавшего дань легкому увлечению "новым учением о языке" и разочаровавшегося в нем) —

Л.В. Матвеевой-Исаевой была опубликована монографическая работа “Закон Фортунатова — де Соссюра”⁵⁷, в которой она придерживалась принципов сравнительного языкознания. Вскоре исследовательница перешла к пропаганде взглядов Марра. Об этом свидетельствует ее статья “Различные отложения глottогонического процесса в славянской акцентологической системе”⁵⁸, в которой автор для суждений о славянских языках прибегает к данным китайского языка, а также статья “Польская орфография и требования, предъявляемые к правописанию наукой и практикой”⁵⁹.

Наиболее верным и, по определению В.М. Аллатова, “одним из самых дремучих марристов”⁶⁰ оставался академик Н.С. Державин. В 30-х годах он, как в предыдущие и последующие годы, отрицал достижения дореволюционной науки, был сторонником “элементного анализа” и учения о стадиальности, в то же время отрицая генетическое родство южнославянских языков с другими славянскими языками, внутренние законы их развития, а также возможность существования общего для всех славянских языков прайзыка. Применяя “элементный анализ”, Державин отошел от признания существования славянской колонизации Балканского полуострова⁶¹. Историю болгарского языка, по заключению С.Б. Бернштейна, он ставит с ног на голову, утверждая, что старославянский язык — это язык “высших командных классов македонской солунской славянской общественности, к которой принадлежали Кирилл и Мефодий по своему рождению, воспитанию и своей политической карьере”. Державин считал, что южнославянские языки представляют собой новую стадию в развитии автохтонных языков Балканского полуострова⁶².

Если в начале 30-х годов еще можно отметить некоторые публикации из области славянского языкознания, то в последующие годы ни специальные подразделения институтов, ни отдельные ученые не могли опубликовать подобные исследования после той травли, которой подверглись славистика и слависты (да и самих языковедов осталось очень мало). В этот период в основном велась разработка различных проблем русского языкознания. Однако для наиболее перспективно мыслящих славистов было очевидно, что славяноведение — весьма важная отрасль общественных наук; без знания языков, литератур, истории родственных славянских народов невозможно глубоко и всесторонне изучить прошлое русского народа и его культуру.

Под влиянием марризма в 30-е годы особенно сильно пострадало сравнительно-историческое языкознание; чуть не была утрачена методика исследований в этом направлении. Первые еле заметные признаки

положительных изменений в этой области отметил еще в 1932 г. Г.А. Ильинский: «Диктатура Марра ... на лингвистическом фронте начинает как будто ослабевать. Во всяком случае, и в средней и в высшей школе "историзм" в настоящее время находится на пути к реабилитации; но компаративизм, по-прежнему, находится в загоне»⁶³. Но к концу десятилетия положение стало меняться. На необходимость усиления славистических исследований обратила внимание Академия наук. Как уже упоминалось, ОЛЯ в 1939 г. поставило вопрос об интенсификации разработок в области славянского языкознания. И в дальнейшем (хоть и не часто) Отделение обращалось к славистическим вопросам лингвистики. На собрании ОЛЯ 25 — 26 сентября 1940 г. С.П. Обнорский сделал сообщение о подготовке под его руководством Словаря древнерусского языка, отражающего состояние языка с IX по XVIII в. и использующего параллели из других славянских языков эпохи средневековья. Выступивший в прениях А.С. Орлов отрицательно высказался об отсутствии в словаре материалов из памятников польско-литовского государства, имеющих большое значение для лингвистов и историков-медиевистов⁶⁴.

28 — 29 сентября 1940 г. ОЛЯ провело заседание, посвященное памяти Ф.Ф. Фортунатова (в связи с 25-летием со дня смерти). С докладами выступили академики М.М. Покровский, С.П. Обнорский, Б.М. Ляпунов, член-корреспондент Л.В. Щерба, профессор М.Н. Петерсон⁶⁵.

Меньше чем через десять лет после "дела славистов" в университетах возобновилась подготовка кадров лингвистов-славистов. В области языкознания больше не замалчивалось сходство славянских языков. Изменение политической ситуации способствовало тому, что на смену борьбе с "панславизмом" пришла пропаганда единства и вековых связей славянских народов, близости и родства их языков.

Примечания

¹ Подробнее см.: Аллатов В.М. История одного мифа. Марр и марцизм. М., 1991.

² Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX — XX вв. Из истории лингвистических учений. М., 1988. С. 15.

³ Аллатов В.М. История одного мифа... Гл. I—4.

⁴ Звегинцев В.А. Что происходило в советской науке о языке? // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 12. С. 13.

⁵ Мещанинов И.И. Очередные задачи советского языкознания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1940. № 3. С. 11, 27.

⁶ См.: Аллатов В.М. История одного мифа... С. 87–88, 95–99.

⁷ См.: Робинсон М.А. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г.А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 87.

⁸ Мещанинов И.И. Очередные задачи... С. 12.

⁹ Филин Ф. Диалектологический атлас русского языка // Фронт науки и техники. 1936. № 12. С. 76.

¹⁰ Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 83; Вестник Академии наук СССР. 1937. № 10–11. С. 261, 264, 265.

¹¹ См.: Българо-руски научни връзки XIX — XX век. Документи. София, 1968. С. 223.

¹² Вестник Академии наук СССР. 1937. № 10–11. С. 254.

¹³ Аксенова Е.П. Из истории... С. 84.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Димитров Д.Д. Славянская филология на путях фашизации (к оценке ее состояния на Западе) // Язык и мышление. 1935. № 5. Подробнее об этом см. в очерке “Репрессии против славяноведов”.

¹⁶ Аксенова Е.П. Из истории... С. 84.

¹⁷ Филин Ф. Диалектологический атлас русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1940. № 2. С. 120, 124.

¹⁸ Аллатов В.М. История одного мифа... С. 115.

¹⁹ Подробнее см.: Аксенова Е.П. Из истории... С. 85.

²⁰ Будагов Р.А. Портреты языковедов... С. 11.

²¹ Аксенова Е.П. Из истории... С. 85–86.

²² Там же. С. 86.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 86–87.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ О научной деятельности В.Г. Чернобаева подробнее см. статью С.С. Советова и М.П. “Професор Виктор Григорьевич Чернобаев”, опубл.: Сафонов Г.И. О научной деятельности В.Г. Чернобаева // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 152–156.

²⁹ Цит. по: Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ — НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 79.

- ³⁰ Аксенова Е.П. Из истории... С. 87.
- ³¹ Там же. С. 88.
- ³² Там же.
- ³³ План научно-исследовательской работы институтов Отделения литературы и языка АН СССР // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1941. № 1. С. 154–155.
- ³⁴ См.: Българо-руски научни връзки ... С. 190.
- ³⁵ Аксенова Е.П. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х – начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 19.
- ³⁶ Там же. С. 20.
- ³⁷ Там же. С. 20 — 21.
- ³⁸ Там же. С. 21.
- ³⁹ Там же. С. 21–22.
- ⁴⁰ Там же. С. 22.
- ⁴¹ Филин Ф.П. Диалектологический атлас... (1940). С. 122, 124.
- ⁴² Подробнее об этом периоде см.: Аксенова Е.П. Академическое славяноведение ... С. 22–25.
- ⁴³ Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 78.
- ⁴⁴ Робинсон М.А. Судьбы... С. 89.
- ⁴⁵ Журавлев В.К. Из неопубликованной “Праславянской грамматики” Г.А. Ильинского // Вопросы языкоznания. 1962. № 5. С. 122–129; Аллатов В.М. История одного мифа... С. 86.
- ⁴⁶ См. очерк “Международные связи советских славистов”.
- ⁴⁷ Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л., 1930. № 3. С. 51–57.
- ⁴⁸ См.: Кузьмина В.Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского // Труды отдела древнерусской литературы [Института русской литературы АН СССР]. М. — Л., 1956. Т. XII. С. 607–608.
- ⁴⁹ Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг.—Л., 1920–1930. Т. 1–3.
- ⁵⁰ Аллатов В.М. История одного мифа... С. 86.
- ⁵¹ Бернштейн С.Б. А.М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 109–110.
- ⁵² Земля советская. 1932. № 9. С. 120–132.
- ⁵³ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., 1930. Т. 49. С. 641–642; 1931. Т. 50. С. 564–565.

- ⁵⁴ Бернштейн С.Б. А.М. Селищев... С. 25.
- ⁵⁵ Кондрашов Н.А. Изучение западнославянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 171.
- ⁵⁶ Старославянский язык. М., 1951–1952. Ч. 1–2.
- ⁵⁷ См.: Исследования по русскому языку. 1930. Т. III.
- ⁵⁸ Язык и литература. М., 1931. Т. 7.
- ⁵⁹ Язык и мышление. 1935. Т. III — IV. С. 185–201.
- ⁶⁰ Алпатов В.М. История одного мифа... С. 117.
- ⁶¹ Державин Н.С. Славяне и Византия в VI веке // Язык и литература. М., 1930. Т. 6.
- ⁶² См.: Бернштейн С.Б. Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 150–151.
- ⁶³ Българо-руски научни връзки ... С. 177.
- ⁶⁴ Вестник Академии наук. 1940. № 10. С. 46–47.
- ⁶⁵ Там же. С. 92.

О ч е р к 7

Состояние изучения славянских литератур

Изучение славянских литератур, как неотъемлемая часть комплекса славистических дисциплин, вполне разделило судьбу других славистических исследований в 30-е годы. До образования Института славяноведения ни перед одним научным учреждением не ставилась задача специальной разработки проблем литературоведческой части славяноведения. Некоторое внимание к современным литературам славянских стран, вызванное не только естественным интересом к культуре родственных народов, но и, не в последнюю очередь, внешнеполитическими обстоятельствами, уделялось в начале десятилетия, например, в Институте литературы, искусства и языка Комакадемии, где в цикле исследований "Фашизм и зарубежная литература" были заслушаны доклады о литературной ситуации в Польше (с которым выступил Бруно Ясенский), в Западной Белоруссии; намечались и другие выступления, в том числе о "фашистской литературе" Болгарии. На основе докладов планировалась подготовка книги¹.

В 30-х годах интерес к славянским литературам в основном удовлетворялся с помощью небольших работ популярного характера, посвященных современным литературам отдельных славянских стран и творчеству некоторых писателей. Статьи, обзоры, очерки на эти темы, как правило, публиковались в литературно-общественных журналах или отдельными брошюрами (их авторы — К.А. Пушкиревич, К. Крейбих, М.С. Живов, С. Людкевич, М.Н. Скачков и др.)². Литературоведы-слависты использовали и такую возможность для реализации своих работ, какую предоставляли предисловия и послесловия к публикациям на русском языке произведений некоторых славянских писателей и поэтов³, а также рецензии и библиографические заметки⁴.

Для изучения зарубежных славянских литератур того периода характерно наличие старой и новой методологии, известных и только рождающихся направлений, жанров и т. п. Наряду с работами в духе куль-

турно-исторической школы, появлялось все больше трудов, основанных на марксистско-ленинской методологии. Понимание и интерпретация последней были зачастую упрощенными, как и представления о славянском мире, что нередко приводило специалистов к анализу литературных явлений на уровне вульгарного социологизма, понимаемого, однако, как новаторский подход.

Такой подход, когда “буква марксизма господствует над его философско-социологической сущностью”, критиковался в статье В. Полянского “Основные вопросы современного литературоведения”⁵. “Поскольку есть попытки приспособить марксизм к старым социологическим системам, — пояснял автор, — есть непонимание, извращение, эклектическое толкование марксистской системы. Впадают в крайности, упрощают и механизируют марксистский метод, превращая его в мертвую догму, скучный шаблон”. В статье отмечалось, что экономика оказывает на искусство и литературу опосредованное влияние и что из истории литературы нельзя исключать “историко-культурную среду”. После констатации этой по сути верной мысли автор сам допускает грех упрощенчества, настаивая на немедленном отказе от понятия “социологический метод”, на разрыве даже терминологической связи с методом представителей культурно-исторической школы (сыгравшей в свое время прогрессивную роль в науке) — А.Н. Пыпина, А.Н. Веселовского, Д.Н. Овсянико-Куликовского, П.Н. Сакулина и др. — и замене его термином “марксистский метод”. Понятно, что такое поверхностное решение не затрагивало глубинных изменений методологии, вследствие чего извращения и вульгаризация были свойственны провозглашенному “марксистскому” подходу к научным исследованиям в области литературоведения. В результате этого история литературы, например, определялась как “история общественной борьбы в художественно-словесных образах”, а основной упор в этой части литературных исследований должен был делатьсь “не на производственном процессе, а на борьбе классов, на производственных отношениях”. При этом не исключалось, что литературно-художественное творчество обусловливается не только “развитием производительных сил”, но и личностью “самого творца”, хотя в то же время подчеркивалось, что не нужно считать, будто “личность господствует над социальностью”⁶.

Провозглашая себя сторонниками новой методологии, некоторые советские слависты — Н.С. Державин, В.Г. Чернобаев, К.А. Пушкиревич, В.Н. Кораблев и другие — публично заявляли о своем отказе от опыта и традиций дореволюционного славянского литературоведения. Их исследованиям в полной мере были присущи отмеченные недостатки. Это

можно отнести к работам В.Г. Чернобаева «“Chłopi” Вл. Реймента (Опыт социологического анализа)⁷», Н.С. Державина «Социология литературно-художественного образа. “Бай Ганю” Алеко Константинова»⁸, “Стоян Михайловский как сатирик (1856 — 1927)”⁹, “Алеко Константинов. 1863 — 1897”¹⁰.

Труды Института славяноведения* предоставляли свои страницы для публикации литературоведческих докладов, сделанных и обсужденных на институтских заседаниях. Это издание, которое должно было отражать комплексный характер Института, тем не менее, выявляя определяющие исследовательские интересы основной группы ученых Института, содержало в значительной мере публикации, имевшие филологический характер. Это не осталось незамеченным. Так, историк-эмигрант А.В. Флоровский, делая в 1933 г. обзор исторической науки в Советской России, отмечал, что интересы Института славяноведения, судя по первому тому его “Трудов”, “направлены более всего в сторону историко-литературную”¹¹.

Наряду с работами, претендовавшими на новый методологический подход, печатались и исследования, проведенные в старой манере, с безусловной научной тщательностью и объективностью, не зависящие от сиюминутной политической конъюнктуры. Таковы, например, статьи М.Н. Сперанского “Неизвестный византийский флорилегий в старом славянском переводе”¹², “К вопросу о русском влиянии в сербской литературе XVIII в.”¹³ и др. В первой из названных статей ученый сравнивает сербский и болгарский тексты, важные как для реконструкции неизвестного греческого текста флорилегия, так и имеющие самостоятельное значение в истории югославянских литератур; во второй приводят конкретные факты воздействия русской культуры на сербскую литературу, главным образом при посредстве школы и духовенства. Примеры изучения славянских литератур отдаленных исторических эпох немногочисленны¹⁴ среди работ, посвященных более “актуальным” проблемам современных литературных процессов или развития литератур в XIX в. Характерно, что, публикую в первой половине 30-х годов исследования о крупных болгарских сатириках-реалистах XIX в. С. Михайловском и А. Константинове, Н.С. Державин свои работы о Клименте Охридском, Паисии Хилендарском и Софонии Врачанском, подготовленные также

---

* Об этом издании в целом говорилось выше, но в данном очерке представляется целесообразным более подробно остановиться на филологических статьях, опубликованных в “Трудах” Института.

в 30-х годах, смог опубликовать только в 40-е годы¹⁵.

Яркой филологической работой первой половины 30-х годов является монография Н.И. Кравцова “Сербский эпос” (М.-Л., 1933), в первой части которой автор исследует юнацкие, гайдуцкие, ускоцкие песни и интерпретацию в них исторических событий, а во второй приводит тексты песен (из собрания В. Караджича) в переводе на русский язык (Н. Берга, Н. Гальковского и самого Н. Кравцова).

Для немногочисленных исследований в области славянских литературу была в целом характерна их тесная связь с изучением истории славянских народов и, прежде всего, их классовой борьбы. Анализ отражения этой борьбы в литературных произведениях был одной из задач, одним из исследовательских направлений Института славяноведения. Расширение тематических границ за счет изучения славянских литературу межвоенного периода, внимание к творчеству революционных и прогрессивных писателей и поэтов можно отнести к положительным явлениям в развитии отечественного славянского литературоведения (хотя круг изучаемых писателей оставался нешироким)¹⁶. Безусловно оправданной являлась и постановка вопроса о недопустимости изучения истории литературного процесса в рамках лишь одной национальной литературы; вместе с тем проявлялось понимание необходимости изучения других славянских литератур для уяснения некоторых явлений в истории русской культуры¹⁷.

Наряду с советскими филологами свой вклад в разработку проблем славянских литератур внесли и политические эмигранты из славянских стран, жившие тогда в СССР; среди них — Г. Бакалов, З. Неедлы, В. Клементис, Я. Гемпель, С. Станде и др.¹⁸ Г. Бакалов, например, занимался подготовкой издания произведений Х. Ботева, А. Константинова, Х. Смирненского. Вместе с тем, тот же Г. Бакалов, как вспоминает С.Б. Бернштейн, препятствовал переводу на русский язык произведений болгарского писателя Елин Пелина, которого Бакалов характеризовал как “активного политического противника”, подчеркивая в то же время, что вопросы литературы и искусства нельзя “решать в отрыве от политической обстановки, от реальных условий, в которых мы живем и работаем”¹⁹.

В первой половине 30-х годов появляются отдельные публикации о знакомстве славян с советской литературой²⁰.

Новые веяния в славянском литературоведении, с одной стороны, расширяли исследовательские горизонты, с другой — требования методологического единства, идеологической и политической “привязки” сужали круг исследований, снижали научный уровень работ в области

славянских литератур. Взгляд на историю литературы с вульгарно-социологических позиций неизбежно приводил к недооценке внутренних специфических законов развития литератур, к умалению или игнорированию художественного своеобразия литературного творчества.

После закрытия Института славяноведения, где литературоведению уделялось большое внимание, изучение славянских литератур должно было вестись, как следовало из постановления Президиума АН от 10 июня 1934 г., в Институте литературы (называвшемся также Институтом русской литературы — ИРЛИ) в Ленинграде, однако там не были развернуты работы в этой области. Можно отметить лишь индивидуальные исследования сотрудника института В.Г. Чернобаева (работавшего в ИРЛИ в 1934 — 1938 гг.)²¹, посвященные истории польской литературы и русско-польских литературных связей²². Часть статей автор опубликовал за рубежом²³.

Публикации исследований в зарубежных изданиях приобретали особое значение, поскольку в России в 30-е годы не было специальных славистических периодических или серийных изданий, да и в научных журналах общего профиля, а также на страницах общественно-политических и литературных журналов статьи о зарубежных славянских литературах были редкими гостями. Поэтому советские филологи-слависты при всяком удобном случае использовали заграничные возможности выпустить в свет свои труды. Так же, как В.Г. Чернобаев, многие свои работы в 30-х годах печатал в зарубежных изданиях и Н.С. Державин²⁴. В пражских, софийских, дубровницких изданиях опубликовал в начале 30-х годов свои исследования М.Н. Сперанский²⁵. Однако при ограниченности международных связей советских славистов этот путь был не слишком распространенным. К тому же опубликованные в других странах исследования не всегда становились известны коллегам на родине.

Во второй половине 30-х годов еще меньше индивидуальных исследований литературоведов-славистов увидело свет. Часть исследований, над которыми трудились советские филологи, осталась в рукописях. Так, не был опубликован большой труд В.Г. Чернобаева о литературе барских конфедераторов²⁶; не завершил изучение литературы эпохи гуситских войн К.А. Пушкиевич²⁷. Подвергшийся преследованиям со стороны властей М.Н. Сперанский последние годы жизни (1934 — 1938) не имел возможности публиковать свои труды (в его архиве сохранились такие исследования, как «К истории “Физиолога” в старой болгарской письменности», «Югославянские тексты “Исторической Палеи”» и

русские ее тексты», «Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV — XVI вв.» и др.²⁸, которые являлись частями задуманного им обобщающего исследования по истории русско-славянских культурных связей в XI — XVII вв.).

Лишь в конце десятилетия, когда обозначился перелом в подходе к славяноведению, стали появляться работы по славянским литературам, в частности посвященные новейшим польской и болгарской литературам²⁹. Довольно редкими были отклики на произведения славянских писателей (да и то в основном на те, что печатались в советских журналах)³⁰. Отдельные статьи касались русско-инославянских литературных связей³¹. Еще одна тема, все больше волновавшая умы — угроза распространения фашизма и влияние фашистской идеологии на литературный процесс³². Скудость публикаций можно, вероятно, объяснить не только определенным недоброжелательным отношением в обществе к славистике и острой нехваткой специалистов-исследователей, но и весьма ощутимой недостаточностью или практическим отсутствием научно-исследовательской базы изучения славянских литератур.

Лакуны в научно-организационном обеспечении исследований в области славянских литератур приводили к запущенности разработок по литературоведческой проблематике, которая особенно остро дала о себе знать при обсуждении плана подготовки и издания «Истории всемирной литературы» (ИВЛ). Н.С. Державин высказывался за то, чтобы в план труда включить «хотя бы одну западнославянскую и одну южнославянскую литературу». При этом ученый считал, что «основной проблемой изучения славянских литератур должна быть история развития реализма в связи с национальным возрождением у славян и историей революционного движения»³³. Такой аспект работы, безусловно, должен был отвечать общей идеологической направленности гуманитарных наук того времени.

Для подготовки славянских разделов «Истории всемирной литературы» нужно было сформировать творческий коллектив исследователей. На заседании группы литературы Отделения общественных наук АН СССР 14 мая 1937 г. Н.С. Державиным был поднят вопрос о целесообразности «организации в Институте литературы отдела или группы славянских литератур и славянского фольклора». Выступивший на том же заседании В.М. Жирмунский поддержал идею создания подобного отдела и, со своей стороны, предложил включить в ИВЛ «историю польской и чешской литературы и фольклора». Выделив при этом кадровый вопрос, он отметил «особенную остроту его», в частности, для отдела славянских литератур. В свою очередь, В.П. Адрианова, отмечая важность

организации отдела славянских литературу в Институте литературы, подчеркивала значение этих литератур “для изучения древней русской литературы”, обосновывая свое мнение тем, что “целые группы явлений могли бы быть разработаны совместно со славистами”³⁴.

Несмотря на мнения, высказанные авторитетными учеными, отдел славянских литературу так и не был создан в Институте литературы в Ленинграде.

В Москве в те же годы существовал еще один институт литературоведческого профиля — Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ). Институт был учрежден в 1932 г. при ЦИК СССР и в течение нескольких лет сохранял статус “высшего литературного учебного и научно-исследовательского учреждения”. По Положению об институте от 1937 г. в его структуру, наряду с другими подразделениями, входили научно-исследовательский сектор и центральная библиотека, представляющие определенный интерес с точки зрения истории славяноведения. Так, среди основных научных направлений сектора предполагалась разработка истории мировой литературы, включавшая и изучение истории славянских литературу. В центральной библиотеке института книжно-журнальные собрания должны были распределяться по кабинетам, среди которых был предусмотрен кабинет славянских литературу. Кроме того, библиотека располагала греческими, румынскими, албанскими, венгерскими изданиями. Мыслилось, что литературные кабинеты в своей библиотечной и библиографической работе должны быть тесно связаны с научной работой соответствующего формирования института³⁵.

В 1938 г. был решен вопрос о передаче ИМЛИ в ведение Академии наук, в связи с чем были уточнены его задачи и структура. Изучение литератур народов мира возлагалось на отдел мировой литературы, который включал в себя, наряду с другими, секцию славянской литературы. В дальнейшем намечалось создание специальных подсекций по литературам прибалтийских и балканских народов. Однако образование самой славянской секции отодвигалось на второй план, учитывая необходимость первоочередного формирования секций западноевропейских, античной и восточной литературу³⁶.

В течение нескольких лет ведя подготовительную работу и собирание материалов, ИМЛИ с 1938 г. приступил к научно-исследовательской деятельности. Однако в основных направлениях работы института на 1938 — 1941 гг. не были запланированы исследования по славянским литературам; следовательно, на весь этот период не предполагалось создание секции славянской литературы.

Единственным славистическим подразделением в ИМЛИ на протяжении нескольких лет был кабинет славянских литератур центральной библиотеки, который выделился в марте 1937 г. из кабинета романских, прибалтийских, славянских и еврейской литературы. В новом кабинете работал всего один штатный сотрудник — Н.П. Лазич. Кабинет охватывал литературы зарубежных славянских народов. В нем содержались художественные произведения на языке оригинала и в переводах, литературно-художественная периодика; восточнославянские литературы были отнесены к кабинету национальных литератур народов СССР. К моменту создания кабинет славянских литератур насчитывал 1550 книг. До конца года было приобретено еще 670 книг (из них только четыре через “Международную книгу”). Больше всего насчитывалось польских книг (910). Кабинет комплектовал не только славянскую художественную литературу, но и издания по славянскому языкознанию, истории, общеславянским проблемам. С 1938 г. в кабинете работали два сотрудника (Н. Лазич и Е. Беркова); они составляли “библиографию славянских авторов, переведенных на русский язык за советский период”. Среди приобретений 1938 г. особую ценность представляло издание “Српске народне пјесме” (Вена, 1841) с автографом Вука Караджича. Кабинет, получив отдельное помещение, провел работу по систематизации и расстановке книг. Все же в этот период кабинет славянских литератур считался беднее других по своим фондам. К началу 1939 г. кабинет насчитывал свыше трех тысяч книг. Они должны были стать базой для начала исследований по славянским литературам³⁷.

В 1938 г. Н.С. Державин в докладной записке на имя президента АН СССР В.Л. Комарова (подробнее см. очерк «Поиски путей “реабилитации” и попытки возрождения славяноведения») предложил, среди прочих мер, направленных на подъем славяноведения, немедленно организовать в ИМЛИ отдел славянских литератур (с временным включением в его программу этнографии и фольклора). Выбор именно этого института для создания специализированного славяноведческого подразделения объясняется тем, что филологи-слависты имели бы неплохое подспорье в работе в виде книжных фондов славянского кабинета³⁸.

Поддерживая предложение Н.С. Державина, директор ИМЛИ И.К. Луппол также писал В.Л. Комарову о целесообразности создания в его институте секции славянских литератур на базе кабинета (но без изучения восточнославянских литератур и этнографии). Такая секция, по его мнению, могла бы состоять из руководителя, старшего научного сотрудника, секретаря, двух аспирантов и одного докторанта³⁹.

С предложением Н.С. Державина и И.К. Лупполя не согласился академик-секретарь Отделения общественных наук А.М. Деборин. В письме к президенту АН он отрицательно высказался об учреждении подобного подразделения в ИМЛИ, считая, что “при таком составе поставить серьезно научную работу совершенно невозможно”. Деборин полагал, что не следует отрывать изучение литературы от изучения языков, поэтому имеет смысл в группу славистов Института языка и мышления в Ленинграде включить несколько человек из Института литературы и трех-четырех аспирантов, которые вместе составили бы сектор по изучению истории языков, литературы и фольклора западных и южных славян⁴⁰.

Не будучи специалистом в области славянской филологии, А.М. Деборин в решении этого вопроса выступил с административной позиции. Его проект вызвал резкое недовольство Н.С. Державина. Следует отметить, что еще в начале 1938 г., обращаясь по другому поводу в Президиум АН, Державин подчеркивал, что “в Институте языка и мышления надо заниматься прежде всего языковедением, а не литературоведением”⁴¹. Через год свое несогласие с предложением Деборина он выразил в письме вице-президенту АН Г.М. Кржижановскому. Державин писал о недопустимости изучения литературы и языка — разных областей науки — в объединенном отделе славянской филологии в Институте языка и мышления. Подобное решение, по оценке Державина, “является несомненно кустарницей, снижать до которой академическое славяноведение нельзя”. Вопрос остался открытым⁴².

Оба литературоведческих института — ленинградский и московский — были привлечены к подготовке издания “Истории всемирной литературы”. Четкого распределения обязанностей по этому труду между ними не существовало, из-за чего порой возникали недоразумения и конфликты. К 1939 г. было уже определено, что семнадцатый и восемнадцатый тома будут посвящены западно- и южнославянским литературам. Ни тот, ни другой институт не имели соответствующих подразделений и кадров, способных обеспечить выполнение работ по этим темам; не было решено, кто отвечает за их подготовку. Несмотря на это, завершение всей работы планировалось в 1942 — 1944 гг. После того, как был намечен план всего издания, Н.С. Державин уверял И.К. Лупполя, что “можно при опоре на него и других товарищей пустить эти славянские тома уже в 1940 году”. Однако подготовка этих томов не велась⁴³.

В конце 30-х годов с поворотом политики и общественного мнения лицом к славяноведению, вопрос о “славянских томах” ИВЛ должен был

стать в повестку дня. По его поводу высказывались различные мнения, возникали дискуссионные проблемы. На заседании Отделения литературы и языка 27 апреля 1939 г. обсуждался план "Истории всемирной литературы". В связи с этим был поднят вопрос о подготовке филологов-славистов для написания истории славянских литератур. Вновь, как и несколькими годами ранее, В.М. Жирмунским была поставлена задача подготовки аспирантов по славянской филологии в Москве и Ленинграде, без чего, по его убеждению, "работа над славянскими томами будет сорвана", поскольку ощущается резкая нехватка специалистов. И.К. Луппоп предлагал даже для этого создать одаренным аспирантам "исключительные условия". В качестве первого и не терпящего отлагательств шага Жирмунский предлагал организацию секции славянских литератур в ленинградском и московском академических институтах литературы. Ученый секретарь ИМЛИ профессор М.П. Венгров высказывал свои соображения о нецелесообразности "создавать два центра по славянским литературам". Он считал, что нужно укреплять те структуры, которые есть, соединять старые и молодые кадры, привлекать специалистов из других учреждений⁴⁴.

Вопрос о славянских томах ИВЛ был также поднят на заседании Отделения литературы и языка 25 июня 1939 г. при обсуждении плана работы Отделения на 1940 г. И.И. Мещанинов обратил внимание на то, что в рамках подготовки "Истории всемирной литературы" вопрос о славянских литературах остался нерешенным. В связи с этим Н.С. Державин изъявил готовность приступить к написанию истории славянских литератур, но настаивал на внесении его работы в план ОЛЯ. В этом случае, как и во многих других, личные претензии и амбиции ученых играли свою роль в решении научных и научно-организационных вопросов. И.И. Мещанинов не согласился с просьбой Н.С. Державина, объяснив, что нет смысла включать в план, который подается в СНК СССР, подготовительную работу. Но кроме того, предложение Державина было рассмотрено еще и в политическом ракурсе. Директор ИРЛИ П.И. Лебедев-Полянский, поддержав И.И. Мещанинова, добавил, что ни монографию об И. Вазове, ни "Историю болгарской литературы", над которой Державин собирался работать в 1940 г., не следует включать в совнаркомовский план, поскольку "вопрос о том, нужно ли сейчас немедленно приступить к написанию [истории. – Е.А.] болгарской литературы, в данный исторический момент, безусловно требует обсуждения". При этом, зная обидчивость Державина, Лебедев-Полянский оговаривался, что "ни в коем случае не должно создаваться

такое впечатление, будто заявку Н.С. Державина у нас в Отделении кто-то игнорирует”⁴⁵.

В выступлении П.И. Лебедева-Полянского также звучала озабоченность положением с изучением славянских литератур. По его мнению, разработка литературоведческих проблем могла бы вестись в Институте языка и мышления (что раньше предлагал А.М. Деборин). Против этого вновь решительно возражал Н.С. Державин, подчеркивая, что история славянских литератур никакого отношения к Институту языка и мышления не имеет, “все-таки история славянских литератур должна быть сосредоточена в Институте литературы”. Кажется странным, почему директор Института литературы предпочитал передать изучение славянских литератур в языковедческий институт. Видимо, его позиция зависела и от объективных причин (отсутствия специалистов), о чем речь ниже, и от субъективных (отношений с Державиным, который, по выражению самого Лебедева-Полянского, “стучался”, но “не достучался” в двери Института литературы)⁴⁶. Не исключено, что Институт не хотел расширять профиль своих исследований, сосредоточенных на русской литературе.

Стремясь перевести дискуссию на практические рельсы, И.К. Луппол предлагал поручить подготовку томов ИВЛ о славянских литературах ленинградскому Институту литературы, которому в выполнении работы мог бы помочь Н.С. Державин, живший в Ленинграде. И если ленинградский институт немедленно возьмется за выполнение задания, то, по мнению Лупполя, к концу 1940 г. он сможет подготовить один из славянских томов⁴⁷.

Такой подход к делу вызвал ответную реакцию директора Института литературы. Он объяснил, что вопрос о славянских литературах обсуждался в институте, но открыть отдел славянских литератур не было возможности из-за недостатка филологов-славистов в Ленинграде, а дополнительных штатов Президиум им не выделил⁴⁸.

Желая сдвинуть дело с мертвой точки, И.К. Луппол предложил включить в план ИМЛИ подготовительную работу по славянским томам. При этом он напомнил, что год назад просил руководство Академии наук “организовать сектор по изучению славянских литератур” в ИМЛИ, но получил ответ, что этой проблематикой будут заниматься в Ленинграде⁴⁹.

Обмен мнениями, однако, ни к чему не привел, не было принято никакого конкретного решения, а председательствовавший на собрании И.И. Мещанинов закончил дискуссию общими фразами: “Об этом надо

подумать” и “Конечно, этот вопрос надо двигать вперед”. К сожалению, никаких реальных изменений не последовало, о чем свидетельствуют годовые отчеты московского и ленинградского институтов литературы, в которых ни слова нет об изучении славянских литератур. Несмотря на готовность Лупполя немедленно начать работы по славянским томам для “Истории всемирной литературы”, планы ИМЛИ на 1940 и 1941 гг. не содержат соответствующих позиций. Не были, по-видимому, разработаны даже предварительные проспекты по истории славянских литератур, аналогичные опубликованным в 1939 г. “схемам-планам” по истории английской, греческой и советской литературу⁵⁰.

Для изучения славянских литератур в 1930-е годы характерно, с одной стороны, снижение исследовательского уровня и резкое уменьшение числа работ, чрезвычайно малое количество специалистов и отсутствие целенаправленной подготовки молодых кадров филологов-славистов, с другой — попытки освоить новые методологические подходы, изменить традиционную проблематику исследований. Более чем скромные результаты разработок отдельных филологов в области славянских литератур объясняются, кроме общих для всех славяноведческих дисциплин причин, еще и отсутствием (исключая кратковременное существование Института славяноведения) специальной научной структуры, в задачи которой входило бы изучение литератур славянских народов.

Процесс постепенного возрождения отечественного славяноведения, начавшийся на рубеже 30-х — 40-х годов, захватил и область литературоведения. Однако дальнейшее постановки вопроса о необходимости развития исследований славянских литератур и создании для этого научно-организационного центра дело не пошло. Единственный конкретный проект написания истории славянских литератур для многотомной “Истории всемирной литературы” не был в те годы реализован из-за несогласованности в деятельности институтов Отделения литературы и языка и отсутствия твердой позиции руководства Отделения и Президиума АН. Отдельные ученые, продолжавшие индивидуальные исследования по славянским литературам, вели их не слишком интенсивно, не будучи уверенными в том, что их труды будут признаны достойными внимания и увидят свет. Политические и идеологические факторы, влияя на развитие славяноведения в целом, оказывали воздействие и на славянскую филологию.

Примечания

¹ См.: Литература и марксизм. 1931. № 3. С. 99.

² Пушкиревич К.А. Современная болгарская и сербо-хорватская литература. Л., 1930; Скачков М. Современная литература Чехословакии // Вестник иностранной литературы. 1930. № 6. С. 138—161; Людкевич С. Литература современной Польши // Октябрь. 1935. № 3. С. 177—188; Крейбих К. Ярослав Гашек // Литература мировой революции. 1932. № 5/6. С. 89—108; Живов М.С. Владислав Броневский, поэт революционной лирики // Интернациональная литература. 1936. № 8. С. 130—137; и др.

³ Державин Н.С. Иван Вазов. 1850 — 1921. Живот и творчество // Вазов Ив. Под игото. Киев, 1937; Чернобаев В.Г. Владислав Реймонт и его "Мужики" (Послесловие к русскому переводу романа) // Реймонт В. Мужики. Л., 1935. Кн. 2. С. 638—671; Чернобаев В.Г. (Послесловие) // Гашек Ярослав. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Л., 1937. Т. 2. С. 513—527; Чернобаев В.Г. Ян Неруда и чешская литература XIX в. // Неруда Ян. Малостранские повести. Л., 1938. С. 3—36; и др.

⁴ М.С. [Скачков М.Н.] "Годрубал" Карла Чапека // Интернациональная литература. 1933. № 6; Он же. "Дети Ченк" Франко Краль // Там же; Висляк Я. "Кордиан и Хам" Л. Кручковского // Там же. 1934. № 2; Мерзон С. Л. Стоянов. "Холера". Дневник солдата. М., 1937 // Там же. 1937. № 12; Живов М. Три книги о панской Польше // Там же. 1939. № 9—10; Эльвин И. Новый роман Ванды Ва-силевской // Там же. 1940. № 3—4; и др.

⁵ Научное слово. 1928. № 2. С. 65—74.

⁶ Там же. С. 72, 74.

⁷ Труды Института славяноведения. Л., 1934. Т. 2. С. 9—25.

⁸ Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1934. № 6. С. 403—436.

⁹ Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1. С. 15—95; отд. изд.: Державин Н.С. Очерки по истории болгарской литературы эпохи капиталистического накопления и промышленного капитализма. I. Стоян Михайловский как сатирик (1856 — 1927). Л., 1932.

¹⁰ Державин Н.С. История болгарской литературы. М. — Л., 1935. Т. 3. Эпоха промышленного капитализма. Вып. 2. Алеко Константинов. 1863 — 1897.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

¹² Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1. С. 105—116.

¹³ Там же. Л., 1934. Т. 2. С. 27—33.

¹⁴ См., например: Чернобаев В.Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // Труды Отдела древнерусской литературы [Института литературы АН СССР]. Л., 1936. Т. III. С. 255—333; Он же. Начало книгопечатания в Чехии и Польше // Иван Федоров первопечатник. М. — Л., 1935. С. 131—155; и др.

¹⁵ См.: Державин Н.С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Л., 1941.

¹⁶ Злыднев В.И. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917 — 1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 55.

¹⁷ См.: Аксенова Е.П., Горянинов А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкиревич // Славяноведение. 1993. № 6. С. 88.

¹⁸ Злыднев В.И. Изучение... С. 57.

¹⁹ Бернштейн С.Б. Из моего болгарского архива // Славяноведение. 1994. № 1. С. 81.

²⁰ Бакалов Г. Максим Горький в Болгарии // Октябрь. 1931. Кн. 4—5. С. 25—29; Перфецкий Е.Ю. Максим Горький в печати Чехословакии (К 40-летнему юбилею его литературной деятельности) // Труды Института славяноведения. Л., 1934. Т. 2. С. 353—364.

²¹ Советов С.С., Алексеев М.П. Профессор Виктор Григорьевич Чернобаев // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. VI. Л., 1988. С. 153.

²² Чернобаев В.Г. Неизвестная рукопись произведений Яна Амоса Коменского в Ленинградской Публичной библиотеке // Ученые записки Гос. пед. института им. А.И. Герцена и Гос. института научной педагогики. Л., 1936. Т. II. С. 381—388; Он же. Столетие третьей части "Dziadow" Мицкевича, 1832—1932 // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А.С. Орлова. Л., 1934. С. 517—522; Он же. К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича. Пушкин и поэма Мицкевича "Конрад Валенрод" // Ученые записки Гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1938. Т. XIV. С. 87 — 109. См. также сноска 14.

²³ Czernobajew W. Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskie // Pamiętnik literacki. 1936. R. XXXIII, zesz. 1. S. 41—62; Idem. Mickiewicz w Rosji w latach 1820 — 1830 // Ibid. 1934. R. XXXI, zesz. 3—4. S. 291—315; Чернобаев В.Г. "Людовик Шпицнагель". Эпизод из истории юности Ю. Словацкого // Slavia. 1935 — 1936. R. XVI, sesit. 1—2. S. 108—148; Он же. Ян Коллар в России // Slovanská vzajemnost, 1836 — 1936. Praha, 1938. S. 152—174.

²⁴ См. библиографию трудов Н.С. Державина: Николай Севастьянович Державин. М. — Л., 1949. С. 38—44.

²⁵ См.: Кузьмина В.Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского // Труды отдела древнерусской литературы [Института русской литературы АН СССР]. М. — Л., 1956. Т. XII. С. 607—608.

²⁶ Советов С.С., Алексеев М.П. Профессор Виктор Григорьевич Чернобаев. С. 154.

²⁷ Аксенова Е.П., Горянинов А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкиревич. С. 90.

²⁸ Неизданные исследования ученого 30-х годов опубликованы в сборнике статей: Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

²⁹ Величков А. Христо Смирненски. Киев, 1939; Живов М.С. Польская литература о крестьянстве в панской Польше. М., 1939.

³⁰ См. сноска 4.

³¹ Стоянов Л. Влияние Пушкина на болгарскую литературу // Интернациональная литература. 1937. № 2; *Он же*. Русская литература в Болгарии // Там же. 1940. № 1; и др.

³² Висляк Я. Польская литература и фашизм // Интернациональная литература. 1936. № 6; *Он же*. Народный фронт в польской литературе // Там же. № 8; *Он же*. Фюрер польской фашистской литературы // Там же. № 12 (о Ю. Каден-Бандровском); и др.

³³ Аксенова Е.П. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х — начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 12.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 13–14.

³⁷ Там же. С. 14–15.

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 91.

⁴² Аксенова Е.П. Академическое славяноведение... С. 16.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 6, 16.

⁴⁵ Там же. С. 17.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 18–19.

О ч е р к 8

Поиски путей “реабилитации” и попытки возрождения славяноведения

1934 год мог оказаться роковым для отечественного славяноведения — “дело славистов”, закрытие Института славяноведения, рассредоточение славистических исследований (а фактически — почти полное их прекращение). И все же оставшиеся немногочисленные кадры славистов не собирались сдаваться и отступаться от своей науки. Некоторые продолжали, хоть и неширокую, подготовку молодых специалистов, другие вели, тоже в весьма скромных масштабах, индивидуальные исследования, которые зачастую, при создавшемся отношении к славистике, не могли найти в то время научно-общественного спроса и ждали лучших времен для публикации.

В этой неблагоприятной обстановке Н.С. Державин, благодаря своему положению действительного члена Академии наук и бывшего директора Института славяноведения, пытался использовать все возможности, чтобы убедить руководство Академии и советское правительство в необходимости научных славянских исследований и подготовки молодых славистов в университетах.

Н.С. Державин (1877 — 1953) занимал, без сомнения, одно из ведущих мест в советской славистической иерархии 30-х годов. Сложившийся как ученый еще до революции¹, он был славистом широкого профиля, наибольшее внимание уделяя болгарской литературе и истории, а также истории славяноведения. В годы советской власти Державин провозгласил себя марксистом, хотя его научные работы и публицистические выступления свидетельствуют о недостаточно глубоком понимании марксистской теории². Славист неоднократно подчеркивал, что он является другом Н.Я. Марра и верным последователем его учения. При поддержке Марра он был избран в 1931 г. в академики, минуя необходимые предварительные ступени научной лестницы (к этому времени ученый не был членом-корреспондентом и даже не имел докторской степени). Не лишенный тщеславия, карьеризма и других не очень

привлекательных качеств как человек и ученый³, Державин в то же время сделал немало как организатор науки. Не только в научной и преподавательской деятельности, но и в недолгой библиотечной работе Державин стремился к сохранению славяноведения в качестве самостоятельной области науки (см. очерк “Кабинет славяноведения Библиотеки Академии наук СССР”).

Став академиком, Державин начал активно добиваться создания академического института славяноведения. Несмотря на то, что в этом деле важную роль играли личные интересы ученого, его стремления объективно имели положительное значение, способствуя развитию отечественной славистики, укрепляя ее научно-организационную базу. В качестве руководителя Института славяноведения Державин неоднократно выступал в печати, пропагандируя науку, изучающую славянские народы, и актуализируя ее в соответствии с политическими и экономическими условиями в СССР и идеологическими задачами, поставленными руководством страны перед советским народом.

После закрытия Института славяноведения в 1934 г. и резкого сокращения объема преподавательской деятельности (в связи с изъятием из университетов славистических дисциплин) Державин попытался, не без риска навлечь на себя неудовольствие властей, отстоять если не свое детище, то, по крайней мере, необходимость специальных “славяноведческих изучений” (имея в виду, конечно, и свое место в славистике). Поднимая голос в защиту славяноведения, Державин думал найти понимание прежде всего в руководящих органах Академии наук, в частности у непременного секретаря академика В.П. Волгина. Однако у него славист не встретил поддержки⁴.

Опасаясь участия арестованных славистов, ученый решил обратиться непосредственно к Сталину⁵. В письме, датированном 14 ноября 1935 г., Державин совершенно не касался славистики, а останавливался на нескольких эпизодах из своей жизни в Закавказье в начале века, в тот период, когда там происходили политические события, в которых участие Сталина и его роль как “организатора борьбы пролетариата” автор письма (вслед за официальной пропагандой) сильно преувеличивал⁶, без излишней скромности представляя и себя как активного деятеля революционного движения интеллигенции. Такой ход давал Державину возможность показать себя не только лояльным к власти, но и активным ее поборником.

Письмо к Сталину придавало Державину большую уверенность и решительность в борьбе за признание славяноведения. В 1936 г. ученый

подготовил довольно объемистый материал о своей научной и общественной деятельности, который предполагался для публикации к 60-летию Державина (в 1937 г.)⁷. В этом очерке Державин характеризуется как “общепризнанный, честный, самоотверженный и заслуженный советский ученый, хотя формально не имеющий ни звания заслуженного деятеля науки, ни советского ордена”, безоговорочно примкнувший к советской власти, “верный друг и соратник партии”, работа которого в Академии наук, однако, проходит в “невыносимой атмосфере”, созданной “троцкистско-зиновьевской бандой” (в нее он зачисляет академиков В.П. Волгина, А.С. Орлова, И.И. Мещанинова, А.Н. Самойловича и других, обвиняя их в закрытии Института славяноведения и лишении его самого возможности выступать в научной печати и с докладами на сессиях АН).

Определив таким образом на свой лад (в духе времени и не скрывая личной обиды) причины упадка славистики и ликвидации единственного научного учреждения, занимавшегося изучением славянства, Державин решил прибегнуть еще к одному, как ему, наверное, казалось, безотказному аргументу: “Теперь, — писал он, — белогвардейская сволочь на Западе может торжествовать свою победу: славяноведение в СССР не существует, советская власть не интересуется славянскими народами, их жизнью, их культурой, историей, их революционной борьбой за свое раскрепощение”.

В конце 1936 — начале 1937 г., когда началась новая, более мощная волна репрессий, а массовая печать не стеснялась в выражениях негодования по отношению к “пособникам троцкистов”, “вредителям”, “шпионам”, “врагам народа”, Державин решил выступить в духе подобных обвинений с критикой недостатков в научно-исследовательской работе АН СССР⁸. Основная посылка Державина состояла в том, что наука не может быть “apolитичной”, она должна быть пропитана “партийностью” и борьбой за “марксистско-ленинско-сталинскую методологию”, в то время как “добродушно-либеральные” отношения в среде ученых способствуют “успехам вредительства”. Поскольку в это время проходили процессы против старых членов партии ленинской гвардии, Державин заострял внимание на том, что в науке руководители-“партийцы” не прислушиваются к “голосу беспартийных товарищей” (к которым принадлежал тогда и сам Державин). В этой связи он вновь напоминал о печальной судьбе Института славяноведения и кабинета славяноведения БАН*.

* На основе имеющихся архивных данных трудно судить, выступал ли Державин с этой критикой на одном из собраний в Академии или послал в виде письма

После этого Н.С. Державин в 1937 г. делает следующий шаг — направляет вице-президенту АН СССР Г.М. Кржижановскому предложения по уточнению и рационализации структуры и сети учреждений Академии, особое внимание обращая на развитие славистических подразделений. Он настоятельно просил восстановить в Библиотеке Академии наук кабинет славяноведения. Кроме того, не надеясь на воссоздание Института славяноведения, предлагал организовать в Институте истории кабинет истории славянских народов, в Институте истории материальной культуры — сектор славянских древностей, в Институте этнографии — кабинет славянской этнографии, в Институте литературы — отдел истории славянских литератур. Наряду с этим, по мнению Державина, в Музее этнографии необходимо “обратить внимание на надлежащую постановку этнографии славянских народов”, в Музее религии “выделить историю религиозно-рационалистических движений у славян”. Не только в академических учреждениях, но и во всех музеях союзного значения (Русский музей, Третьяковская галерея и т. п.) ученый предлагал “организовать специальные отделы славянской этнографии и искусства”⁹.

Эта инициатива Державина, к сожалению, не принесла изменений к лучшему в состоянии славяноведения, но ученый не прекратил попытки по спасению своей науки и в 1938 г. обратился с письмом и докладной запиской к президенту АН В.Л. Комарову. Державин отмечал, что славяноведение (включая и изучение восточных славян) “страдает существенными недостатками и нуждается в самом серьезном внимании”. Изучение зарубежных славян “находится буквально в пренебрежении и загоне и лишено элементарных условий для своего развития”, что неблагоприятно отражается на этой и смежных областях знания. Академик высказал мнение (в духе времени и собственных представлений), что в период, когда фашизм угрожает славянским народам, “максимальной активизацией своих славяноведческих изучений мы могли бы сыграть большую культурную роль в международном масштабе и оказать свое противодействие злостной агитации русских белоэмигрантских кругов, состоящих на службе фашизма, доказывающих, что Советский Союз не интересуется славянами, что представляет собою наглую клевету на Советский Союз и советскую науку”¹⁰.

руководству АН (и имело ли это какой-то отзвук), либо предназначал этот текст для публикации, а, может быть, он остался в архиве ученого как свидетельство его намерений.

В результате невыполнения постановления Президиума АН от 10 июня 1934 г. об усилении работы в области славяноведения, напомнил Державин, наблюдается отсутствие организационно налаженной научно-исследовательской работы по славяноведению, необходимых специалистов, аспирантов, академических изданий по этой специальности. Характеризуя кадровую ситуацию, Державин отметил, что кабинет славянских языков Института языка и мышления был “усилен” одним молодым научным сотрудником — Д.Д. Димитровым (которого после его ареста академик называет “невежей”, “промозглым интриганом и клеветником”, “по идеологическим установкам — врагом народа”). Образовавшаяся в 1937 г. вакансия была предоставлена В.Г. Чернобаеву, по оценке Державина, — “узкому литературоведу по специальности, человеку без специальных лингвистических познаний и интересов”. В Ленинградском отделении Института истории, по сведениям Державина, два молодых научных работника, занимающихся историей Польши, не являются историками-славистами. Институт литературы не включил в планы своих работ изучение взаимосвязи славянских литератур с русской и не имеет специалистов по истории славянских литератур. Ученый коснулся также плачевного положения кабинета славяноведения БАН. Кроме того, он констатировал, что за четыре года, прошедшие со времени закрытия Института славяноведения, не вышло ни одного сборника статей по славяноведению.

Конкретные предложения, которые, по мнению Державина, могли бы исправить положение (они в основном перекликались с его предложениями 1937 г., отличаясь лишь в частностях) сводились к следующему: немедленная организация отдела славянских литератур в Институте мировой литературы, где имелся кабинет славянских литератур; восстановление в БАН кабинета славяноведения; более широкое освещение проблем славянской филологии в работе сессий Отделения общественных наук, в периодических и серийных академических изданиях¹¹.

В 1938 г. Державин сделал еще одну решительную попытку добиться “реабилитации” славяноведения (чему способствовала и изменившаяся международная обстановка в связи с оккупацией Чехословакии). В июле он подготовил докладную записку Председателю СНК СССР В.М. Молотову о положении славяноведения в Советском Союзе¹². Прежде всего Державин выделял причины “политически эффективного” воздействия советской науки на славянские страны. Первая, по мнению ученого, заключалась в признании славянами мощного Советского Союза их единственным бескорыстным другом и защитником.

Вторая основывалась на том, что славяне долго находились под ионациональным угнетением, и вопросы языка, истории, литературы играют доминирующую роль в современных политических отношениях славянских стран. На базе этих наук, получивших у них “наилучшую разработку”, можно создавать прочный оплот “против своего и чужеземного фашизма”.

Научные связи СССР со славянскими странами, справедливо замечал Н.С. Державин, “недостаточно активизированы, вернее говоря, во все не активизированы”, но объяснял он это лишь “отстранением славяноведных изучений на последний план, а также и пренебрежением, господствующим в некоторых академических кругах, к этой области знания”, что, по его убеждению, “должно расходиться со взглядами правительства” (Державин намекал на ставшее ему известным намерение правительства открыть в разных городах филологические факультеты в университетах с обязательным преподаванием на них славянской филологии¹³).

Говоря о причинах “вымирания славяноведения”, Державин называл прежде всего отсутствие кадров (по разным городам он насчитал менее десятка филологов и лингвистов-славистов). Большой ущерб науке нанесла ликвидация филологических факультетов, готовивших научную смену и преподавателей славистических дисциплин в вузах. Пагубное влияние оказало и упразднение в АН Отделения русского языка и словесности, “которое до революции было организующим центром филологических изучений в России”, вело большую научно-исследовательскую и издательскую работу. “История же славянских литератур, этнография и фольклор славянских народов до сих пор имеют перед собою двери нашей Академии Наук фактически закрытыми”.

Н.С. Державин, относя себя к старейшим специалистам в области славянской филологии в СССР, считал себя “ответственным за судьбы своей науки”, которую он хотел бы видеть “обеспеченной надлежащей организационной обстановкой”. Отмечая свои заслуги в деле развития советской славистики, Державин обращал особое внимание Председателя СНК на созданный им Институт славяноведения, который, по словам академика, “развил большую научно-исследовательскую работу, впервые нашупывая новые пути в этой нетронуто-черноземной тогда еще области знания и делал первые опыты применения на практике марксистско-ленинской методологии в славяноведении”. Памятая о бесславном finale деятельности Института, Державин делал небольшую самокритичную оговорку, что достижения Института за краткий период его существования — это лишь “первые робкие шаги советского славяноведения, не лишенные, конечно, и недостатков, и неизбежных ошибок”.

Н.С. Державин придавал особое значение внешнеполитическому резонансу успехов советского славяноведения, преувеличивая при этом его влияние на политику славянских стран. Создание советского славистического центра, по его представлениям, “в передовых кругах славянской демократической общественности произвело исключительное впечатление как выражение интереса Советского правительства к славянским народам и подняло здесь антифашистские настроения”.

Годы, прошедшие после закрытия Института славяноведения, позволили Державину прийти к неутешительному выводу о том, что, несмотря на меры, намеченные Президиумом АН, “никакого усиления работы ... вплоть до настоящего дня не произошло. Славяноведение, таким образом, оказалось изгнанным из стен Академии”. В объяснении причин Державин шел по “традиционному” в ту пору пути, обвиняя во всем арестованных в 1935 г. “членов академического центра троцкистско-зиновьевско-бухаринской банды”, “фактически предрешившей ликвидацию Института” (академики Самойлович, Томсинский и др.). Выдвигая собственную версию причин истребления академической славистики, Державин высказывал предположение, что “непримиримый нажим на наше славяноведение со стороны врагов народа дело немецко-фашистской агентуры, с тем чтобы убрать с дороги наступающего на славянские страны фашизма такую серьезную препону, как идеологическое влияние на широкую славянскую демократическую общественность, хотя бы и через науку, обаяния Советского Союза”.

Выявив таким образом причины упадка славистики, Державин в то же время полагал, что были все основания для преодоления этого состояния. Поэтому в конце письма Молотову он сообщал о своих предложениях президенту АН В.Л. Комарову и вице-президенту Г.М. Кржижановскому. Не будучи уверенным в успехе дела, Державин спрашивал Молотова, правильна ли избранная им позиция в отношении славяноведения, не противоречит ли его “настойчивая борьба ... точке зрения правительства и партии”, отвечают ли интересам Советского Союза его “устремления к тому, чтобы всемерно поднять, развить и укрепить в СССР изучение культуры, языков и быта славянских народов”. На тот случай, если бы ответы на эти вопросы были не такими, каких ожидал Державин, он смиренно обещал “безоговорочно сложить оружие” и ограничить “свою деятельность скромными рамками университетского преподавания”.

Нужно отдать должное усилиям академика Н.С. Державина, неоднократно обращавшего внимание властей на бедственное положение

славяноведения, доведенного до крайности, и настаивавшего на всемерном расширении работ в этой области науки. Его старания не дали немедленного результата, но, безусловно, оказали влияние на пересмотр отношения к славяноведению в дальнейшем.

В письмах к руководителям страны и Академии наук Державин попытался определить некоторые факторы, повлиявшие на кризисное состояние славяноведения, усматривая главную причину, как уже говорилось, в "происках врагов народа". Другие ученые также не отваживались открыто проанализировать упадок славянских исследований в послереволюционное время. Так, в выступлении на заседании Отделения литературы и языка (ОЛЯ) АН СССР (25 июня 1939 г.) академик А.С. Орлов, хорошо осведомленный о положении дел в славяноведении в 1930-х годах, тем не менее как бы с удивлением заметил: "Славистика — это вещь неожиданно почему-то вымершая, т. е. громадное количество было народа, которые занимались славистикой, славистическими вопросами, и область была большая, но затем это все внезапно оборвалось"¹⁴.

В статье "Славяноведение в России и СССР", относящейся ко второй половине 30-х годов и оставшейся в то время неопубликованной, Ю.В. Готье писал: "Занятая строительством нового социалистического мира, нарождающаяся советская наука в первые годы мало интересовалась славяноведением. В настоящее время советской науке предстоит пересмотреть то наследство, которое оставила ей буржуазная эпоха, оно очень значительно по линии отдельных славянских народов и отдельных лингвистических и исторических вопросов, и затем с новыми кадрами ей придется ставить для изучения новые проблемы и исследовать их на основе марксистско-ленинской методологии"¹⁵.

В связи с этим определенный интерес представляют опубликованные в печати суждения о положении славистики вообще и советской в частности чешского ученого, в те годы жившего в СССР и занимавшегося разработкой вопросов славянской истории, профессора З. Неедлы. Это одновременно взгляд изнутри и со стороны. В главном его рассуждения совпадают с подходом к этой проблеме Н.С. Державина. З. Неедлы считал, что необходимо "обновить" славистику, не восстанавливая, однако, уровня дореволюционной науки, которая "не соответствовала" интересам и задачам советской действительности. Он полагал, что научное славяноведение с самого начала стало играть политическую роль, обслуживая интересы славянской буржуазии, а в России представляло опору реакции, базируясь на идеях панславизма (в русской "интерпретации"). Вместе с тем Неедлы пытался оградить от обвинений

в “реакционности” сам предмет изучения: “Однако реакционность старой славистики вытекала не из самого факта изучения славянских народов, но из того, что она была ориентирована на царскую Россию как на самую могущественную, в течение долгого периода единственную самостоятельную политическую славянскую силу”. Такая ориентация славяноведения, по мнению автора, была неприемлема для советской науки, но образование СССР должно было “занеменовать и в славистике крупный революционный переворот”. Но переворот не произошел. Вместо того, чтобы пойти по новому пути, советские ученые “на первых порах просто-напросто забросили эту область”. Называя такой подход “неправильным решением”, чешский ученый считал особенно крупной ошибкой полный отказ “школы” М.Н. Покровского от изучения истории и культуры славянских народов, что приводило, таким образом, к отрицанию “целой научной дисциплины”. Насущной задачей советских славистов Неедлы считал энергичное развитие этой области науки “по марксистскому пути”¹⁶.

После того как в 1939 г. были пробиты первые бреши в глухой стенах игнорирования славяноведения, славянская тема громче зазвучала на заседаниях гуманитарных отделений Академии наук. Так, на рубеже 30 — 40-х годов несколько сессий Отделения истории и философии были посвящены проблемам славянского этногенеза и ранней истории славян* (подробнее об этом в очерке “Изучение истории славянских народов”), а также “актуализации” работ вновь созданного сектора славяноведения Института истории (при рассмотрении планов и отчетов института)¹⁷.

Проблемы развития отечественного славяноведения, его будущая судьба особенно часто в то время обсуждались на заседаниях Отделения литературы и языка, поднимаемые по разным поводам (в предыдущем очерке рассмотрены некоторые научно-организационные проблемы славистики, затронутые ОЛЯ). Эти обсуждения выходили за рамки чисто филологических проблем и имели немалое значение для будущего подъема всей славистической науки. На заседании 27 апреля 1939 г. в связи с вопросом о подготовке филологов-славистов выступил профессор В.М. Жирмунский, который обратил внимание на то, что проблема развития советского славяноведения является “очень существенной”: “По разным линиям встает этот вопрос, и мне кажется, что отмахнуться от него никак нельзя. Нужно поставить изучение славянских языков и

* В дискуссиях по этим вопросам научная организация славяноведческих исследований почти не затрагивалась.

литературы во Всесоюзной Академии достаточно широко". Славянская филология, по словам ученого, "когда-то имела центром нашу Академию. А сейчас мы забрасываем эту специальность"¹⁸.

При обсуждении в ОЛЯ результатов обследования деятельности Института языка и мышления (1939 г.) член-корреспондент АН Л.В. Щерба отметил, что в Академии наук, к сожалению, вообще не занимаются славянскими языками. Сравнивая положение дел в славянском языкоznании с исторической славистикой, Щерба подчеркнул, что Институт истории создал специальный сектор славяноведения, "а мы ничего не сделали и у нас славянский язык не организован. Это недопустимая вещь". Он напомнил, что лингвистов-славистов осталось немногого, их нужно собрать, объединить и использовать их опыт. Ученый сообщил, что не только в стенах Академии, но и в Комитете по делам высшей школы уже "неоднократно раздавались голоса" в пользу создания специального института или центра, "где бы русский и славянские языки надлежащим образом разрабатывались"¹⁹.

Научная необходимость дальнейшего развития славистических исследований в нашей стране не вызывала сомнений. Однако раньше ученыe вынуждены были молчать, а теперь наперебой заговорили о славистике. Что же придало им смелости? Ответ можно найти в выступлении П.И. Лебедева-Полянского на заседании 25 июня 1939 г. при обсуждении плана работы Отделения литературы и языка на 1940 г.: "В отношении славяноведения, — сказал он, — есть такая директива (курсив мой. — Е.А.) относительно того, чтобы поставить это более широко". Он подчеркивал "необходимость обеспечить разработку вопросов славянской литературы". И.К. Луппол напомнил, что они с Н.С. Державиным обращались в Президиум АН с предложениями по тому же вопросу, но их инициатива не была подхвачена и дело кончилось тем, что слависты, которые могли бы составить костяк филологического подразделения, работают в ленинградской группе сектора славяноведения Института истории²⁰ (практически, из всей группы речь могла идти в основном о Н.С. Державине, так как остальные сотрудники были историками).

Тревогу относительно состояния славянской филологии разделял и В.А. Десницкий, который несколькими годами ранее подавал руководству Академии "развернутый план по истории славянской литературы, указывая, что эта проблема политически чрезвычайно важная". Подчеркнув, что русская славистическая наука должна быть ведущей, выступающий посетовал, что в "настоящее время мы не можем даже самой

элементарной практической потребности удовлетворить потому, что в отношении славистики у нас пустое место”. Констатировав этот при- скорбный факт, Десницкий подошел к проблеме воспитания научной смены; отметив, что, если в области славянского языкознания есть на- учные силы, на которые можно опереться при подготовке молодых кад- ров, то в области славянской литературы дело обстоит хуже — “здесь необходимо создать совершенно новые кадры славяноведения... Это можно сделать только в течение нескольких лет”²¹.

Академик А.С. Орлов, затрагивая проблему возрождения слависти- ки, советовал выделить ее в самостоятельный “раздел” науки и, учтывая “совершенно незначительное количество славяноведческих сил”, определить, “какие с этими силами могут быть разработаны темы — исторические, филологические или литературные, какому типу слави- стики мы отдаем предпочтение ... И прежде всего здесь надо воспользо- ваться теми патриотами, которые у нас в настоящее время имеются”²².

Наряду с проблемой возрождения славистики на заседаниях ОЛЯ обсуждались и организационные формы дальнейшего развития слави- стических исследований. Опыт показал полную несостоятельность ме- тода рассредоточения славистических дисциплин по различным учреж- дениям. Поэтому в ОЛЯ все чаще звучало предложение о создании са- мостоятельного института. Высказываясь за “совершенно отдельное сущ- ствование” подобной организации, А.С. Орлов убеждал членов Отделения, что это не “старая форма”, что “для определенного времени такие не- сколько универсальные узлы, как институт славяноведения, был бы весьма подходящей формой, он обрастал бы кадрами, выращивал бы необходимые кадры, а потом уже из них произошла бы определенная дифференциация. Ведь не надо забывать, что старые слависты в старое время были всегда такими универсалами... Мне кажется, что практиче- ски создание такого института не является утопией”. Во главе ком- плексного Института славяноведения Орлов предлагал поставить Н.С. Державина. Вообще же, вопрос о положении славяноведения, по мнению Орлова, должен быть обсужден и другими отделениями, и Пре- зидиумом АН, так как славистические проблемы соприкасаются со мно- гими смежными областями науки. Так, например, считал академик, “при перестройке всего лингвистического гнезда” необходимо учитывать и славянское языкознание²³.

К сожалению, в то время все эти предложения оставались лишь предметом обсуждения группы ученых, но эти дискуссии, безусловно, способствовали продвижению вопроса о развитии дисциплин слависти-

ческого комплекса. Этой же цели служил и доклад "Перспективы развития славянской филологии в СССР", подготовленный специальной комиссией ОЛЯ к майской 1940 г. сессии Отделения. От имени комиссии доклад было поручено сделать С.П. Обнорскому. В проекте резолюции по докладу констатировалось, что, "несмотря на обозначившийся за последнее время значительный сдвиг к лучшему, славянская филология все еще не заняла по праву ей принадлежащего места в ряду других соседних наук". Среди мер, направленных на развитие этой науки, намечалось:

1) укрепление и расширение деятельности кабинета славянских языков ИЯМ, который должен заниматься изучением не только славянских языков, но и вопросами письменности славянских народов, славянских древностей, фольклора. К осуществлению этой широкой программы должны быть подключены кроме ленинградских славистов исследователи из других городов, а кабинет славянских языков ИЯМ при этом взял бы на себя роль координатора;

2) создание отдела славянских литератур в Институте мировой литературы в Москве или Институте литературы в Ленинграде с целью углубленного изучения истории славянских литератур нового и новейшего времени;

3) создание при ОЛЯ Комиссии славянской филологии, в задачи которой входила бы координация работы в области славяноведения;

4) разработка ряда тем совместно с Украинской и Белорусской академиями наук;

5) учреждение специального печатного органа по славянской филологии, где публиковались бы не только научные статьи, но и рецензии, и информация о новейших достижениях в этой области. Издание серии работ по славянской филологии, которые отчасти восполнили бы пробел, образовавшийся после прекращения издания "Энциклопедии славянской филологии";

6) организация в ближайшее время Всесоюзной славистической конференции.

Наряду с этим в целях популяризации славистических знаний в широких кругах предлагалось поручить крупным специалистам написать статьи для массовых общественно-политических журналов и газет. Следовало также обратить внимание Гослитиздата, Учпедгиза и других крупнейших издательств на необходимость расширения издания переводов произведений известных славянских писателей, словарей, грамматик, курсов истории славянских литератур и т. п.

В решениях Отделения нашла отражение забота ученых о подготовке молодых кадров. Рекомендовалось поднять на новый уровень изучение славянской филологии, прежде всего в ЛИФЛИ и Ленинград-

ском университете и с этой целью учредить в них кафедры славянской филологии и предусмотреть возможности специализации студентов в данной области. Кроме того, предполагалось расширение подготовки славистов через аспирантуру в университетах и академических институтах²⁴.

Совокупность предложенных мер не включала пункт о создании Института славяноведения, оставляя славистические исследования в рассредоточенном виде в различных научных, учебных и других учреждениях. Эти предложения, безусловно, отражали иную точку зрения на будущее славяноведения, отличную от взглядов сторонников создания комплексного института. Тем не менее, эта программа выявляла назревшие преобразования в славяноведении, о необходимости которых неоднократно ставили вопрос ученые-слависты и специалисты смежных наук.

Вопрос о дальнейшей судьбе славяноведения на рубеже 40-х годов приобрел такую важность, что было решено вынести его на обсуждение Президиума АН в конце 1940 г., для чего поручить С.П. Обнорскому подготовить доклад “О постановке славянской филологии в СССР”²⁵.

К концу 30-х годов все более очевидной становилась научная, политическая и практическая потребность в славянских исследованиях не в урезанном, а в полном объеме. Рубеж 30 — 40-х годов можно с полным правом считать периодом начала восстановления отечественного славяноведения.

Свою немалую лепту в этот процесс внесли не только отдельные ученые-слависты, но и академические институты и отделения АН. Несмотря на то, что их предложения по развитию славистических исследований в нашей стране не всегда находили отклик в руководящих кругах или же далеко не сразу внедрялись, они, тем не менее, не только подготавливали мнение научной общественности относительно значимости славяноведения, но и представляли программу конкретных действий, которые могли бы вывести эту область науки из прорыва и как можно быстрее залечить нанесенные ей раны. Вновь был поднят вопрос о создании специализированного комплексного института славяноведения как наиболее рациональной формы организации славистических исследований. Однако медлительность тех органов, от которых зависело принятие важных для славяноведения решений, отодвинула их реализацию. Факторы военного времени придали дополнительный стимул положительному решению проблемы, но ее окончательное научно-организационное оформление пришлось уже на послевоенный период.

Примечания

¹ См.: Николай Севастьянович Державин. М. — Л., 1949. С. 7–12, 25–32.

² Злыднев В.И. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917 — 1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 56.

³ См. выше отзывы о нем Г.А. Ильинского и К.И. Чуковского; см. также: Аксенова Е.П. "Изгнанное из стен Академии" (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69—81.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 71—72.

⁶ О подлинном характере работы Сталина в Закавказье см.: Антонов-Овseenko A.B. Stalin и его время // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 93—110.

⁷ Подробнее об этом документе см.: Аксенова Е.П. "Изгнанное из стен Академии" ... С. 73—76.

⁸ ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 15.

⁹ Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 91—92.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Там же.

¹² Подробнее см.: Аксенова Е.П. "Изгнанное из стен Академии"... С. 76—80.

¹³ ПФА РАН. Ф. 827: Оп. 3. Д. 62. Л. 15.

¹⁴ См.: Аксенова Е.П. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х — начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 4.

¹⁵ Готье Ю.В. Славяноведение в России и СССР // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 158.

¹⁶ Неедлы З. К истории славяноведения до XVIII в. // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81—94; Аксенова Е.П. Академическое славяноведение... С. 5.

¹⁷ Аксенова Е.П. Академическое славяноведение... С. 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 7—8.

²² Там же. С. 8—9.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же. С. 9—10.

²⁵ Там же. С. 11.

О ч е р к 9

Изучение истории славянских народов

Историческая наука в 1930-е годы была ареной жестокой идеологической борьбы. На этом "фронт" тоталитарное государство сражалось за безоговорочное подчинение массового сознания единому "узаконенному" мировоззрению, подавляя любые проявления инакомыслия. История более, чем какая-либо другая, считалась классовой, политической, партийной наукой, базирующейся на марксистско-ленинской теории. Большую роль в переводе исторической науки на советские, марксистские "рельсы" сыграла "школа" М.Н. Покровского (как в языкоznании — марризм). Процессы, характерные для исторической науки в целом, не могли не затронуть и историческую часть славяноведения, хотя в развитии этой области научных знаний были свои особенности.

Специфика заключалась в том, что слабым росткам исторической славистики пришлось пробиваться сквозь глухую стену неприятия славяноведения, непонимания важности изучения истории славянских народов. В ряде направлений исторической славистики произошел перерыв традиций, исчезла преемственность исследований¹. В дореволюционной Академии наук и российских университетах не было специальных научных и учебных структур, занимавшихся историей славянства. Не были созданы они и в первые два десятилетия советской власти. Таким образом, не было не только идеологической и политической, но и организационной научно-исследовательской базы для проведения исследований в этой области.

Создание Института славяноведения в Ленинграде дало возможность выделить историю славянских народов в самостоятельную сферу изучения в комплексе других славистических дисциплин. При этом, если раньше славяноведение понималось в основном как филологическая наука, то теперь особенно подчеркивалось значение ее исторической части (поскольку славянская филология с ее "формализмом", "индоевропеистикой", "сравнительно-историческим методом" подвергалась в то время особо суровым нападкам). Правда, изучение славянской исто-

рии, в понимании советских славистов начала 30-х годов, сужалось до разработки проблем классовой борьбы, социально-экономического развития славянских народов в XIX — XX вв. и некоторых других сюжетов. Однако нехватка кадров историков-славистов и малый срок деятельности института не позволили развернуть в задуманном объеме исторические исследования. Кроме того, для изучения вновь поставленных проблем истории и в новом идеологическом освещении, отрицающем традиционные подходы к осмыслиению тех или иных исторических явлений и событий, требовалось накопление нового материала (который, впрочем, не всегда был доступен).

Сотрудники Института славяноведения в своих докладах и статьях, основываясь на изучении архивных материалов и накапливая фактические данные, в основном касались судеб политических деятелей, представителей науки и культуры славянских народов, их связей с Россией и таким опосредованным образом приоткрывали некоторые страницы из прошлого славян, нередко интерпретируя события упрощенно и односторонне².

1930-е годы не отличаются широкой разработкой сюжетов из истории славянских народов советскими историками-славистами. Очень слабо были представлены исследования по средневековой истории (в основном в виде материала лекционных курсов и разделов учебников)³. В области новой истории наибольшее внимание обращалось на историю революционного и рабочего движения, межславянские революционные связи, политику России в отношении славянских народов (работы Р.А. Авербух, М.В. Джервиса, Д.Д. Димитрова, Б.П. Козьмина, Г.И. Лурье, Г.Г. Писаревского, К.А. Пушкиревича и др.)⁴. К сожалению, не все исторические работы увидели свет; некоторые труды (например В.И. Пичеты) остались в рукописях⁵. В лучшем положении оказалась проблематика новейшего периода, нашедшая отражение в основном в научно-популярной литературе об экономическом и политическом положении, коммунистическом и рабочем движении в славянских странах. Среди исторических исследований традиционно преобладала польская тема (поскольку Польша была ближайшим славянским соседом, ее судьба была тесно переплетена с судьбой Российского государства, кроме того, немало материалов, необходимых для изучения Польши, находилось в российских архивах. Так, В.И. Пичета разрабатывал архивные материалы для исследования по истории польского национально-освободительного движения — “Польский вопрос в международных отношениях 1792 — 1848 гг.” и для монографии “Западный комитет”, в которой он анализировал политику российского правительства в западных губерниях после восстания 1830 — 1831 гг.⁶.

Заметную роль в разработке проблематики новейшей истории сыграли представители компартий и марксистски настроенные историки из славянских стран, эмигрировавшие в СССР (Ю. Мархлевский*, Ф. Кон, Ю. Лещиньский, Г. Димитров, В. Коларов, К. Готвальд, Б. Шмераль, А. Запотоцкий, Ф. Филипович, Г. Бакалов, Г. Битнер, Х. Кабакчиев, Ю. Ротштадт, И. Витковский и др.)⁷.

В первой половине 30-х годов продолжается начатое в предыдущем десятилетии расширение источниковой базы исследований по истории нового и новейшего времени (в основном за счет публикации источников по польской истории). Большую публикаторскую деятельность развернула Польская комиссия Испарта и созданная на ее базе Редколлегия польских изданий ИМЭЛ. Комиссией было задумано 22-томное издание "Материалов по истории социалистического движения в Польше" (реализованное лишь частично). Ряд сборников этой серии вышел в 30-е годы⁸. Немало материалов и документов, воспоминаний, наряду со статьями и рецензиями, публиковалось на страницах журнала "Z pola walki" ("С поля борьбы", 1926 — 1934), издававшегося Польской комиссией Испарта и Польским коммунистическим архивом. Работы по истории Чехии, чехословацкого коммунистического движения, как и труды освещавшие исторические события, национально-освободительное движение, борьбу рабочего класса и его партий в Болгарии и Югославии, печатались в основном в журнале "Коммунистический интернационал", газете "Правда" и отдельными изданиями. Многие из этих работ, написанных с привлечением большого фактического материала, выходили за рамки публистики, приобретая определенный научный характер⁹.

Содержание публикаций перекликалось с тематикой (а в известной мере и определяло ее) публицистических и исследовательских статей. Это были работы по истории революционного и рабочего движения, коммунистических и социал-демократических партий, о влиянии Октября на славянские страны¹⁰. Рассматривались также положение славянских стран в период экономического кризиса, аграрный вопрос, нарастание социальных и национальных противоречий, усиление антифашистских настроений и т.д.¹¹

В это время сохранялся еще интерес к событиям гражданской вой-

* В 1931 г. был издан шестой том сочинений Ю. Мархлевского, вобравший в себя работы, посвященные польской истории с древнейших времен до создания независимой Польши. Основные вехи истории автор рассматривал в ракурсе классовой борьбы.

ны, с чем связано появление отдельных работ о чехословацком мятеже¹². Такие работы, как правило, написаны с использованием выверенных установочных положений официальной идеологии и политики, содержат классово ориентированные оценки, но вместе с тем и немало полезного фактического материала. Подобные работы были в основном далеки от критического подхода к документам и объективности выводов, но они привлекали внимание к новым, нетрадиционным аспектам изучения истории славян, расширяя тематические и временные рамки исследований в области исторической славистики¹³.

Изучение истории рабочего движения и коммунистических партий резко снижается во второй половине 30-х годов, что в значительной мере связано с репрессиями сталинского режима в отношении деятелей коммунистического движения славянских стран, разрабатывавших в основном эти вопросы.

Публикации источников по истории славянских народов вызывали к жизни исследования источниковедческого характера¹⁴. Знакомство с зарубежной славянской исторической литературой давало материал для немногочисленных историографических работ¹⁵.

Некоторые исследователи явно испытывали влияние идей М.Н. Покровского, который считал, например, что русско-турецкие войны, ведшиеся Россией со времен Екатерины II под лозунгом освобождения “единокровных” и “единоверных” “братьев-славян”, на самом деле имели сугубо “практические цели”: они “были необходимы как отдушины для русского промышленного капитала”¹⁶. Так, отголоски его теории торгового капитализма (с помощью которой он объяснял участие России в первом разделе Речи Посполитой¹⁷) звучат, например, в исследованиях М.В. Джервиса, в частности при объяснении классовых основ мировоззрения и деятельности И. Лелевеля¹⁸.

Однако “школа” Покровского, бывшая последней ступенью на пути овладения советскими историками марксистским методом, вскоре подверглась разгромной критике. После этого единственной возможной методологической базой всех исследований стал марксизм-ленинизм сталинской “модификации”.

Анализируя положение исторической науки в Советской России в 30-е годы, историк-эмигрант А.В. Флоровский отмечал: “Дух партийной исторической идеологии есть преобладающий элемент общей атмосферы, в которой приходится жить и развиваться русской исторической мысли”; историческая наука стала “историческим фронтом”, “боевой линией активного политического действия” тех историков-марксистов,

которые приняли марксистскую методологию “в том ее изводе, какой в данный момент почитается совершенно правоверным и полностью отвечающим сегодняшнему официальному истолкованию ... исторических идей Маркса и Ленина (и Сталина!)”¹⁹.

Важной вехой в развитии отечественной исторической науки явился 1934 год. Господствующая система резко усилила внимание к истории как средству идеологического воздействия на советский народ. В этом году были приняты постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании отечественной истории в школах и подготовке соответствующих учебников. “Замечания” И. Сталина, А. Жданова, С. Кирова на конспект учебника “Истории СССР”, независимо от идеологической подоплеки, содержали очень важные и бесспорные с методологической точки зрения положения, для реализации которых требовалось глубокое изучение истории всех народов, населявших СССР (в том числе и славянских), с древнейших времен до современности.

Наряду с созданием учебников для школ и вузов началась подготовка многотомного академического издания “История СССР”. Осуществление этого фундаментального научного проекта было поручено Институту истории АН СССР; активное участие в этой работе принимали также Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (ИИМК) и Институт востоковедения. При подготовке первого тома труда (который курировал ИИМК) возникла настойчивая необходимость глубокого и всестороннего рассмотрения слабо изученных проблем этногенеза славянства и решения в этой связи ряда спорных, но имеющих принципиальное значение вопросов, важных для создания цельной концепции происхождения славянства вообще и его ветвей в частности²⁰.

Сочетание научных и политических потребностей усиливало важность и своевременность изучения вопросов этногенеза. Об этом говорил и А.Д. Уdalцов на совещании в Институте истории в сентябре 1938 г., подчеркивая «необходимость отпора фашистской, человеконенавистнической, расистской теории “происхождения народов и племен”». На совещании, в котором приняли участие представители Института этнографии и Института истории материальной культуры, была намечена программа исследований по этногенезу, в которой центральное место занимали вопросы происхождения славян. К разработке этого научного проекта решено было привлечь специалистов Института языка и мышления и Института антропологии²¹ (в этом институте в первой половине 30-х годов Д.К. Зеленин с помощью П.Г. Богатырева, находившегося в служебной командировке в Праге, пред-

принимал попытки создания этнографических карт Польши и Чехословакии²².

Важность комплексного изучения проблем славянского этногенеза подчеркивалась на октябрьской 1938 г. сессии Отделения общественных наук²³ (которое в то время было разделено на три отделения: истории и философии, литературы и языка, экономики и права). При Отделении истории и философии (ОИФ) была утверждена Комиссия по этногенезу под председательством А.Д. Удальцова, деятельность которой в области славянской этногонии не отличалась большой активностью²⁴.

На октябрьской сессии А.В. Мишуллин выступил с докладом “Ранние византийские сведения о древних славянах”²⁵. Доклад вызвал широкую дискуссию, которая отчетливо показала, что, несмотря на некоторые различия в подходах к решению этногонических вопросов (о роли автохтонного развития и миграции в образовании ветвей славянства), большинство участников обсуждения (А.Д. Удальцов, А.В. Мишуллин, Н.С. Державин, И.И. Мещанинов, М.И. Артамонов и др.) разделяли взгляды Н.Я. Марра — создателя теории единства глottогонического процесса и единства народов²⁶. Следуя этой теории, этнос понимался как совокупность людей, говорящих на одном языке, в связи с чем проблема славянского этногенеза, например, сводилась к проблеме времени и места возникновения славянского языка. Поэтому лингвистам отводилась одна из основных ролей в решении этих трудных вопросов (хотя они так и не приняли участие в их разработке). В то время как языковеды в большинстве своем уже отошли от восторженного увлечения учением Марра; историки, археологи, этнографы еще возлагали большие надежды на его концепции, которые, как им представлялось, могли открыть путь к тайнам доистории²⁷.

В начале 1939 г. Институт этнографии предложил для обсуждения проспект “научно-популярного антифашистского сборника”, в котором предусматривались параграфы по этногенезу восточных славян²⁸. Н.С. Державин выступил с предложением о включении в сборник статей о западных и южных славянах, подчеркивая, что имеется много материалов, подтверждающих автохтонность славян и отрицающих миграционную теорию, которую поддерживает немецкая наука²⁹.

К весне 1939 г. был подготовлен и опубликован макет первого тома “Истории СССР”. Ему же был посвящен доклад директора ИИМК М.И. Артамонова на мартовской сессии ОИФ. Собрание, отметив научную ценность тома, признало “наиболее слабым местом” вопросы этногенеза славян³⁰. Апрельская сессия ОИФ того же года была целиком посвящена вопросам этногенеза, среди которых основное место заняли

проблемы этногенеза славянства. Со своей версией происхождения южных славян выступил Н.С. Державин, “разгромив” теорию славянской прародины и прайзыка как продукт буржуазной науки, стоящей на основах индоевропеистики и несущей на себе “печать идеализма и метафизики”. По Державину, начало южного славянства относится к эпохе римского завоевания и связано с процессом “племенных скрещений и диалектического ... этнографического развития его исконного населения”³¹. Подобный тезис Державина вызвал сомнения у В.И. Пичеты, А.В. Мишулина, Ю.В. Готье³².

Археологические аспекты проблемы этногенеза славянства были затронуты в выступлениях Б.А. Рыбакова и П.Н. Третьякова. По мнению последнего, археологические материалы убеждают в автохтонности восточнославянских племен и подтверждают концепцию Н.Я. Марра о том, что славянские племена не имели одного корня, одной прародины, а образовались в результате консолидации различных племен³³. Доклад Третьякова получил горячее одобрение Ю.В. Готье, Б.Д. Грекова, М.И. Артамонова³⁴.

Трактовка вопросов славянского этногенеза в духе учения Н.Я. Марра в первом томе “Истории СССР” вызвала как поддержку, так и возражения со стороны некоторых ученых. В результате работы по усовершенствованию текста авторский коллектив подготовил ряд статей и материалов о происхождении славян, которые составили специальный сборник, увидевший свет в 1941 г.³⁵ Вместе с тем, для окончательного решения вопросов, связанных с включением материалов о происхождении славян и их ранней истории в отредактированные параграфы многотомного издания, редколлегия “Истории СССР” просила ОИФ организовать творческую дискуссию. Дискуссия состоялась на мартовской 1940 г. сессии ОИФ, где с основными докладами выступили М.И. Артамонов (“Вопросы ранней истории славянства”³⁶) и Н.С. Державин (“Происхождение великорусского, белорусского и украинского народов”). Этот доклад, как и доклад на апрельской сессии ОИФ 1939 г., лег в основу подготовленной Державиным в 1940 г. к печати книги “Происхождение славян и образование первых славянских государственных объединений”, которая, однако, в таком виде не вышла в свет; ее части были опубликованы позже³⁷). Выступление первого докладчика выдержано в традиционном марристском духе и развивает концепцию межплеменных скрещений. Основной вывод доклада Артамонова сводился к тому, что археологические данные отрицают существование когда-либо единого протославянского народа³⁸.

Дискуссия показала, что вопросы о том, где, как и когда протославяне стали славянами, так и остался непроясненным. О гипотетичности концепции и возможности ее включения в солидное академическое издание говорили Ю.В. Готье, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин (хотя были и ее защитники — Н.С. Державин, С.П. Толстов)³⁹. Подводя итоги дискуссии, Б.Д. Греков подчеркнул, что столь сложные вопросы так быстро не решаются, а в многотомнике можно сделать оговорку о том, что проблема находится в стадии разработки⁴⁰. На сессии ОИФ в мае того же года, где вновь поднимались вопросы, связанные с подготовкой “Истории СССР”, Б.Д. Греков опять остановился на гипотезе Артамонова и признал, что “в настоящее время более продуманной гипотезы дать нельзя”⁴¹. До войны ни один том “Истории СССР” так и не вышел в свет.

Академические дискуссии конца 1930-х — начала 1940-х годов не привели к решению проблемы происхождения славянства и его ветвей или созданию убедительной этногенетической теории. Однако трудно переоценить важность и актуальность самой постановки этой проблемы и попыток ее разрешения (пусть даже в рамках марристской теории). Широко поставленные исследования и обсуждение на самом высоком уровне, а также публикация их результатов создали базу изучения этногенеза славянства, показали необходимость комплексного подхода к проблеме и открыли перспективы для дальнейшей работы в этой области с учетом новых достижений науки.

Кроме дискуссий в Академии наук вопросы происхождения славян затрагивались и в отдельных научных публикациях, помещавшихся на страницах “Вестника древней истории” и других изданий. Так, авторы статей в “Вестнике древней истории” М.В. Левченко и Б.Т. Горянов высказывали свое несогласие с теорией Марра. Оба автора исходили из гипотезы о прародине славян к северу (и северо-востоку) от Карпат и опирались в этом вопросе на взгляды дореволюционных исследователей (А.А. Шахматова и др.), а не на марксистско-марристские построения своих советских коллег⁴². Большое значение имели публикации (А.В. Мишулина, С.А. Жебелева) византийских и других древних источников, содержащих сведения о славянах⁴³.

То, что этногенез славян занимал в предвоенные годы заметное место среди славистических исследований, подтверждается признанием В.И. Пичеты и У.А. Шустера, подытожившим в 1942 г. результаты работы историков в предвоенные годы. Суммируя достигнутые в этой области результаты, авторы писали, что советская славистика, “отправляясь от учения акад. Н.Я. Марра о языке, отрицает теорию славянской прародины, славянской прасемьи и расселения славян с Дуная или Карпат”, считает славян

“искonnыми обитателями” занимаемой ими территории; однако “отрицание миграции по существу не исключает возможности отдельных передвижений славянских племен”; происхождение славян связывается с процессом “слияния разных местных этнических элементов” (упорные попытки решения этого вопроса принадлежат Н.С. Державину)⁴⁴. Вместе с тем, авторы критикуют (показывая тем самым свое несогласие с марровской теорией) тех ученых (в том числе Н.С. Державина и Б.Д. Грекова), которые прошли мимо интересного и важного вопроса — об этническом единстве западных славян с восточными и южными⁴⁵.

При всей важности проблемы этногенеза славян, во второй половине 30-х годов осуществлялись исследования и в других областях славистики. Из ранней истории славянства разрабатывались темы, относящиеся к социально-экономическому быту славян, славяно-византийским отношениям, образованию славянских государств⁴⁶. Разработка последнего направления нашла выражение в подготовленном перед войной, но невышедшем труде, авторы которого — Ю.В. Готье, Н.С. Державин, З.Р. Неедлы, В.И. Пичета — приходили к выводу, что славянские государства сформировались в “результате внутреннего развития на базе возникновения классового общества” при том, что внешние причины лишь ускоряли этот процесс⁴⁷ (об этом см. ниже).

Продолжались страноведческие исследования и разработка отдельных исторических проблем. С.Н. Драницын опубликовал монографию о польском революционном движении 60-х годов XIX в.⁴⁸ Привлекая архивные материалы, автор рассматривал исторические события на фоне капиталистического развития города и деревни Царства Польского. Социально-экономические отношения XVIII в., крестьянское восстание 1768 г. и деятельность Барской конфедерации изучал С.Ф. Иваницкий⁴⁹. Вопросы экономической истории Польши и русско-польских экономических отношений поднимались и в статьях У.А. Шустера⁵⁰. Историю Чехии с классовых позиций рассматривал И.Ф. Ивашин, изучавший не только гуситские войны, но и национально-освободительное движение чешского народа в конце XIX — начале XX вв.⁵¹

1939 год — веха в истории отечественного славяноведения, в судьбе которого произошли принципиально важные изменения, и затронули они прежде всего историческую часть славистики. Это происходило в результате усиления тоталитарного режима, заинтересованного в данный период в укреплении национально-государственной идеи в сознании народа, что еще больше придавало истории роль инструмента идеологического влияния на массы и ставило перед историками, в том числе

и историками-славистами, определенные задачи в связи с угрозой фашистской агрессии против Восточной Европы. В этих условиях “новое”, “марксистское” славяноведение, поддержанное советским государством, в отличие от дореволюционного неизбежно должно было иметь исторический характер (именно поэтому его организационной базой и стал Институт истории АН СССР).

Методологической основой славяноведения на этом этапе мог быть только марксизм-ленинизм (в последней, сталинской, “редакции”). Для идеологического “очищения” исторической науки (в том числе и исторического славяноведения) необходимо было “избавить” историческое мышление и его носителей от воздействия “вредных” влияний. Прежде всего это касалось “школы” М.Н. Покровского, оказавшей большое воздействие на советскую историческую науку. Будучи проводником идеи классовой интернациональной солидарности, Покровский до начала 30-х годов считал, что лозунг славянской взаимности использовался лишь врагами советской власти. Узко трактуя идею славянского единства, он усматривал в наиболее распространенных в России ее вариациях лишь “перепевы” идеи национального объединения по типу Италии и Германии⁵².

Во второй половине 30-х годов стало очевидно, что идеи, на которых строились исторические концепции Покровского, больше не отвечают политическим потребностям властной верхушки усилившегося тоталитарного государства, нуждающейся в пропаганде и поддержании культа сильной власти, могучего централизованного государства. Это было возможно, в частности, при осознании массами национально-патриотических задач, что определило поворот (стимулированный в определенной мере известными партийно-правительственными постановлениями и выступлениями руководителей страны) к переосмыслинию истории (как отечественной, так и всеобщей, в том числе, не в последнюю очередь — славянской).

В контексте этой стратегической задачи находились подготовка и выпуск в свет двухтомника под названием “Против исторической концепции М.Н. Покровского” (1939 — 1940). Эта книга возникла как ответ историков на постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, касавшиеся постановки научной, пропагандистской и педагогической работы в области исторической науки, а также на замечания советских руководителей относительно конспектов учебников по истории. В предисловии к первой части издания отмечалось неблагополучное положение на “историческом фронте”, где под влиянием “школы” Покровского исторические

факты толковались “извращенно, вопреки историческому материализму”. Указывалось, что, “прикрываясь” взглядами Покровского, “троцкистско-бухаринские наймиты фашизма разваливали исторический фронт, ведя вредительскую и контрреволюционную работу в научных учреждениях”⁵³.

Ряд статей в книге так или иначе затрагивает вопросы славянской истории в концепции Покровского. А. Савич (“Польская интервенция начала XVII в. в оценке М.Н. Покровского”⁵⁴) критикует Покровского за недооценку роли польского правительства и шляхты в событиях “смутного времени”. С.В. Юшков (“М.Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма”⁵⁵) возражал против утверждения Покровского, что славяне знали только примитивную мотыжную технику земледелия. Лингвистические данные всех славянских языков, подкрепленные археологическим материалом, заявлял автор, подтверждают, что у славян был более высокий уровень земледелия.

Отойдя от своих прежних объяснений некоторых исторических событий в духе Покровского и выступая в названном сборнике против его взглядов, М.В. Джервис⁵⁶ подчеркивал, что при подходе к освещению внешней политики России в XVIII в. глава советской исторической школы исходил из того, что эту политику направляли интересы “торгового капитализма”. Касаясь, наряду с другими, вопроса о разделах Польши, Джервис отмечал, что в работах Покровского эти важные внешнеполитические события объясняются только как результат экономического тяготения к России украинских и белорусских земель; при этом умалчивалось о международных событиях, внешнеполитическом соперничестве великих держав, внутренней политике Польши и России, о социальной, национально-освободительной борьбе в Польше, о роли польской шляхты.

А.Л. Попов продолжил тему, начатую Джервисом, изучая отражение в работах Покровского вопросов внешней политики России в XIX в.⁵⁷ Автор статьи отмечал, что Покровский не признавал за Российской активной политики на Балканах, вследствие чего русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. осталась у него без разработки. Подчеркивалось также, что Покровский недооценивал национально-освободительные движения на Балканах, полагая, что болгары собирались остаться под турецким владычеством, герцеговинцы же были способны только на аграрный бунт. Историк не обратил внимания на содержание Сан-Стефанского договора, не понял, что итоги войны отразили падение престижа России и изменения в расстановке сил на международной арене.

Таким образом, критика положений Покровского, затрагивавших историю славянских народов, во многом справедливая, в то же время была односторонней.

Наряду с подобными примерами “заказных” разоблачений, можно отметить критические выступления в печати иной направленности. Если вспомнить, что параллельно со славяноведением и византиноведение испытывало те же удары судьбы (масштабы которых еще предстоит выяснить), можно понять, какие чувства руководили Б. Т. Горяновым, писавшим в 1939 г., на новом “витке” внимания к славяноведению, что представители “школы” Покровского “всячески замалчивали огромное значение... древних славян в процессе образования византийской государственности”, а византиноведение “было ими отодвинуто на задний план”. Поскольку историю Византии и древнюю историю славян нельзя изучать изолированно, ученый надеялся, что византийские исследования возродятся (так же, как начали возобновляться славянские), а “советская историческая наука... должна иметь и будет иметь в числе важнейших своих отраслей византиноведение”⁵⁸.

В предшествующие годы, в период наступления на славистику, одним из аргументов против ее существования в советском обществе выдвигалось якобы идеологическое обеспечение учеными-славяноведами XIX в. реакционной “панславистской” политики царизма. В конце 30-х годов XX в. начался отход от этих позиций. По традиции и по инерции еще “отмежевываясь от всякого рода былых панславистских тенденций”, советские историки уже признавали необходимым выявлять и показывать “общность исторической судьбы славянских народов”; одной из важнейших задач они считали “всестороннее освещение роли славянских народов в истории человечества”⁵⁹. В новых исторических условиях возрождалось осознание славянского единства. “Реабилитированной” славянской идеи необходимо было придать иное звучание, показывая, что не реакционная царская Россия, а первая в мире страна социализма встает на защиту интересов славян, беря на себя роль лидера в решении их судеб. Это положение подкреплялось в научной печати статьями как советских авторов, так и политэмигрантов из славянских стран, о преимуществах социалистического строя и желании славянских народов идти по пути, проложенному СССР⁶⁰. Новый “раздел” Польши 1939 г. привел к временному изъятию из пропаганды славянского единства “польского компонента”, но после нападения фашистской Германии на СССР поляки уже не исключались из идей совместной борьбы славянских народов против немецкой агрессии (это нашло отражение,

например, в статье В.И. Пичеты “Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками”⁶¹).

Усиление внимания к славянству требовало углубления знаний о нем. В первую очередь необходимо было изучение истории славянских народов на протяжении многих веков.

Наряду с идеологической подготовкой изменений в отношении к исторической славистике, велась активная работа в научно-политической области. Фашизм наступал на Европу, угрожая независимости славянских стран. Первой его жертвой стала Чехословакия. Это придавало политическую актуальность исследованиям по истории славян*. Борьба с фашистскими расовыми и национальными теориями, с историографией, извращавшей историю стран и народов (в том числе славянских, преувеличивая роль и значение Германии в историческом процессе, искажая славяно-германские отношения, подготавливая оправдание захвата восточноевропейских стран) входила в задачу советских историков. Их позиции нашли отражение в вышедшем из печати в 1939 г. сборнике статей “Против фашистской фальсификации истории” (среди опубликованных в нем материалов — статьи Н.П. Грацианского “Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии”, М.В. Джервиса и У.А. Шустера “Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии”).

Несмотря на накопление условий, положительно изменявших судьбу славистической науки, были и моменты “попятного движения” в общем представлении о славяноведении. В начале 30-х годов славяноведение понималось как самостоятельная область науки, имеющая комплексный характер, свой предмет и задачи. Затем славяноведение было распылено по разным учреждениям, растворено в исследованиях, относящихся к смежным дисциплинам, и почти перестало существовать. В конце 30-х годов оно стало рассматриваться преимущественно как компонент исторической науки. Так, в понимании З. Неедлы, славяноведение являлось органической частью всемирной истории, которая должна изучать прошлое славянских народов в контексте общеевропейской истории, отмечая их вклад в мировую культуру⁶². Направлением советской исторической науки называла славяноведение и А.М. Панкратова⁶³. З. Неедлы рекомендовал также расширение тематики исторической славистики за счет изучения связей южных и западных славян с

* С другой стороны, каковы бы ни были стратегические планы Сталина в 1939 г., славянские страны в его замыслах, вполне вероятно, могли занимать определенное место.

восточными славянами и неславянскими народами (хотя ничего особенного нового в данном предложении не было, поскольку работы в этом русле являлись традиционными в отечественном славяноведении любого периода его истории). Он считал, что изучение истории славянских народов нужно доводить до современной эпохи⁶⁴.

Все идеологические и политические факторы перелома в славяноведении были налицо. Необходимы были и организационные перемены для планомерной и систематической работы в области исторической славистики (проблему кадров в ближайшем будущем должна была решить созданная в МГУ в 1939 г. кафедра истории южных и западных славян исторического факультета).

После закрытия Института славяноведения разработка истории славянских народов была возложена на историческую комиссию АН, но ощутимых результатов не было. В 1936 г. в Москве в системе Академии наук был образован Институт истории*. В предварительном плане первоочередных работ намечалось изучение истории славянских стран и Византии. Так, по сектору средних веков предполагалось исследование гуситских войн как малоизученной темы⁶⁵. Однако эти планы не получили реального воплощения. Вскоре руководство института обратило особое внимание на те направления научной работы, которые в прошлом изучались слабо или вовсе не разрабатывались. Это — византионоведение, новейшая история СССР и Запада. К ним причислялось и славяноведение.

По указанию дирекции института в плане на 1937 год следовало предусмотреть разработку проблем истории славянских народов. И все же отставание в этой области было очевидным⁶⁶. Историко-славистические исследования в институте в этот период имели характер единичных работ и зависели от индивидуальных научных интересов его со трудников. Так, в 1937 г. в секторе истории СССР обсуждались работы В.И. Пичеты “Предпосылки восстания в Польше, Литве и Белоруссии в 1830 — 1831 гг.” (25 а.л.) и “Россия и Пруссия во время польского восстания 1830 — 1831 гг.” (с 1931 до 1939 г. ученому удалось напечатать лишь несколько рецензий и статей для энциклопедического словаря “Гранат”⁶⁷). В секторе новой истории болгарский эмигрант, старейший

* Институт истории АН СССР организован в результате слияния Института истории Комакадемии и его Ленинградского отделения, Историко-археографического института, Института книги, документа и письма АН СССР. Периодическим органом института стал журнал “Историк-марксист”, непериодическим — “Исторические сборники”. Институт имел отделение в Ленинграде.

деятель коммунистической партии Болгарии и Коминтерна, профессор Х.С. Кабакчиев готовил большую публикацию (две части по 25 а.л.) по истории болгарской компартии. В этой же работе был занят другой научный-болгарин — Р.К. Караколов, который участвовал, кроме того, в подготовке к изданию избранных произведений Д. Благоева, а также занимался разработкой истории Болгарии после освобождения от османского ига (1878 — 1914 гг.). На одном из заседаний обсуждался план статьи У.А. Шустера и М.В. Джервиса “Польская официозная историография на службе германского фашизма”⁶⁸ (опубликованная под иным названием⁶⁹ в 1939 г., эта статья отражала тогдашнюю политику СССР в отношении Польши). В отчете института за 1938 г. фигурирует одобренное Ученым советом к печати исследование А.А. Савича “Польско-литовская интервенция в Московском государстве в начале XVII в.” (20 а.л.)⁷⁰. Эти примеры говорят о том, что работы по славянской истории были разрозненными и некоординированными.

Только к 1939 г. сложились условия для выделения в структуре института специального подразделения, изучавшего историю славянства. Сектор славяноведения был создан в апреле 1939 г. Его возглавил член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета. С образованием сектора начиналось планомерное, целенаправленное изучение исторического развития славянских народов. Предполагалось, что сектор должен стать “руководящим и организующим центром по разработке проблем марксистско-ленинского славяноведения”. Планировалось создание очерков по истории славянства и монографических работ по крупнейшим проблемам славистики и прежде всего по XVIII и XIX вв., “периоду, почти не затронутому славянскими учеными”. В задачи историков-славистов входили пересмотр “старой историографии”, подведение итогов “сделанному буржуазными учеными по истории западного и южного славянства” и критический анализ научной литературы славянских стран за последнее время. Выполнение этой работы должно было иметь большое значение “для разоблачения лженаучных концепций по славяноведению немецкого и итальянского фашизма”⁷¹.

Цели, стоящие перед славяноведами, и планы нового сектора В.И. Пичета изложил в статье “Изучение истории славянства”⁷²: “Исходя из основ марксистско-ленинской методологии, мы должны дать историю славянства на фоне общеевропейской истории в современном научном освещении. Сектор славяноведения разрабатывает программы для составления отдельных историй всех славянских народов... Мы хотим выяснить и пересмотреть историю политики царизма в отношении

всех славянских народов. Сектор сосредоточит свое внимание на изучении революционного движения у славянских народов, совершенно замалчиваемого буржуазной историографией. Большое внимание будет отведено гуситским войнам — важнейшему моменту в истории возрождения чешского народа” (выделение последнего пункта программы соответствовало не только исследовательским интересам сектора, но также являлось откликом на ситуацию, в которой оказалась Чехословакия в результате Мюнхенского говора).

Таким образом, потребности политики и науки, перекрещиваясь, ставили задачи широкого исследования истории славянских народов, включающего как общий взгляд на исторический процесс, так и изучение наиболее важных периодов и событий в жизни славян, особенно их борьбы за независимость. Как и в других гуманитарных науках, здесь шла переработка огромного фактического материала “в свете марксизма-ленинизма”.

В состав сектора славяноведения входили: член-корреспондент АН В.И. Пичета (руководитель), академик Ю.В. Готье, старшие научные сотрудники Х.С. Кабакчиев, А.А. Савич, З.Р. Неедлы (приехавший в Москву из оккупированной фашистами Праги), младший научный сотрудник Е.И. Кондрашова. В ленинградскую группу сектора славяноведения были включены академик Н.С. Державин, старшие научные сотрудники М.В. Джервис-Бродский, У.А. Шустер, младший научный сотрудник Л.В. Разумовская. Ленинградская группа имела определенную самостоятельность в исследовательской работе, но в административном отношении подчинялась московскому сектору, и ее научные планы согласовывались с планами сектора⁷³.

В 1939 г. сектор должен был начать подготовку трудов по истории славянских народов. Предполагалось поручить написание истории Чехии З. Неедлы. Программа “Истории чешского народа” включала историю не только Чехии, но и Словакии (что было новым в исторической литературе того времени, как и наличие в труде разделов по истории нового времени)⁷⁴. Историю Болгарии с древнейшего периода до 70-х годов XIX в. должен был подготовить Н.С. Державин, разработку дальнейшего периода болгарской истории брал на себя Х.С. Кабакчиев. С работой над историей Польши было решено повременить (официально Отделение истории и философии исключило из плана эту позицию в конце 1939 г. “в связи с чрезвычайно большой нагрузкой автора этой работы т. Пичета”⁷⁵), тем более, что планировалась подготовка сборника статей по истории славянских народов, в который должно было войти

несколько статей по истории Польши. Намечалось, что в сборник войдут статьи о древнейших судьбах славянства, об истории Болгарии (Н.С. Державин), Чехии (К.А. Пушкин), Польши (М.В. Джервис, У.А. Шустер, Л.В. Разумовская). Б.Д. Греков предлагал для сборника статьи о ценнейших документах прошлого — Вислицком статуте, Польской Правде, Литовской Правде, о сравнительном анализе Русской Правды и указанных памятников. В секторе предполагалось также составление и редактирование статей по истории славян для многотомных трудов по всемирной истории и истории СССР. Для популяризации славянской истории сектор собирался организовать ряд докладов с привлечением широкой аудитории⁷⁶.

Работа велась по всем намеченным направлениям. Первыми ее результатами были подготовленные Н.С. Державиным статьи о происхождении восточных и южных славян для “Всемирной истории”, а также “Славяне в древности. I — XI вв. н.э.”⁷⁷, “История славян в западной науке и наши задачи в области изучения истории славянских народов”, несколько материалов для сборника “Народы СССР” и “Литературной энциклопедии”. Откликаясь на политические события, Державин по случаю присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР написал статью⁷⁸, в которой дал исторический очерк экономического и культурного положения этих областей под властью Польши. В.И. Пичета также уделил этому событию большое внимание (достаточно сказать, что более десяти работ из опубликованных им в 1939 г. посвящены тем или иным моментам истории Западной Украины и Западной Белоруссии)⁷⁹. В вышедшем в том же году первом томе учебника “История СССР” Пичете принадлежали материалы о разделах Речи Посполитой. Другие славяноведы продолжали работать над следующими темами: “Положение крестьян перед Вислицким статутом” (Л.В. Разумовская), разделы Польши (М.В. Джервис), история Болгарии (Х.С. Кабакчиев)⁸⁰.

Ряд трудов был включен в план редподготовки на 1940 г. Среди них монографии А.А. Савича “Польско-литовская интервенция в Московском государстве в начале XVII в.” (в 1939 г. им была опубликована брошюра на ту же тему⁸¹), “Борьба Украины в XVII в. с польским владычеством и присоединение ее к России”, Гессена “Восстание 1863 г. в Польше, Белоруссии, Литве и Украине”, М.В. Джервиса “Разделы Речи Посполитой”, В.И. Пичеты “Восстание 1830 — 31 гг. в Польше и Белоруссии” и “Сборник статей по славяноведению”⁸². В печатном органе института — “Исторических записках”, публикавших, начиная с пятого

го тома, только статьи по истории России и СССР, иногда появлялись статьи, затрагивающие вопросы истории других славянских государств, прежде всего — Польши. Так, в пятом томе (1939 г.) была помещена статья У.А. Шустера “Экономическая борьба Москвы с Лодзью”, а в седьмом (1940 г.) — статья В.И. Пичеты “Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии (Люблинская уния и ее политические последствия)”.

Одновременно с исследовательской работой институт вел подготовку научных кадров. В 1939 г. были приняты три аспиранта, специализировавшиеся по славяноведению и византиноведению⁸³.

1940 год был определен как “поворотный” в работе Отделения истории и философии и “переломный” для его институтов. Эти изменения были обусловлены указаниями партии и правительства по вопросам истории, работой Сталина “О диалектическом и историческом материализме” и “Кратким курсом истории ВКП(б)”:⁸⁴ Эти обстоятельства еще больше усиливали политизацию и идеологизацию исторического славяноведения. Академик В.П. Волгин, выступивший по докладу З. Неедлы “Политическое развитие Чехии во второй половине XIX и начале XX века”, отметил, что многие вопросы истории еще не изучены и не получили марксистского освещения, предложил следующую гипотетическую альтернативу реальным историческим событиям: “Если бы основа всех тех организмов, на которые распалась Австро-Венгрия, была настоящая ленинско-сталинская, если бы мы имели там коммунистическую партию, которая бы руководила всем этим движением, тогда положение было бы совершенно иным”⁸⁵. При обсуждении следующего доклада Неедлы “Политические течения и борьба в Чехии в 1914 — 1918 годах” (на заседании сектора новой истории 22 марта 1940 г.) выступавшие в прениях много ссылались на Сталина, характеризовали Т. Масарика как “оплаченного агента англо-французского капитала”, настаивали на усилении освещения роли и влияния революции 1905 г. и Октябрьской революции 1917 г. в России на славянские народы. Кроме того, подчеркивалось, что в период войны не стоит ставить такие проблемы для дискуссии, поскольку могут возникнуть “анalogии, сравнения, не всегда доказательные” (а главное — нежелательные)⁸⁶.

В 1940 г. продолжалась работа над сборником статей по истории славян (несмотря на то, что он уже был включен в план редподготовки); был определен круг авторов и состав сборника, большая часть статей которого касалась средневекового периода истории⁸⁷. Ряд статей для сборника прошел апробацию (в виде докладов) на заседаниях сектора славяноведения. В том же году сборник был сдан в издательство⁸⁸, но

начавшаяся вскоре война помешала его выходу в свет. Тогда же вышло из печати исследование В.И. Пичеты “Основные моменты истории развития Западной Украины и Западной Белоруссии”. Как и в предыдущем году, эта тема преобладала среди опубликованных в 1940 г. работ ученого. Во втором томе “Истории СССР” (М., 1940) Пичете принадлежат разделы по истории Украины, Белоруссии, Литвы, а также об образовании Царства Польского и восстании 1830 — 1831 гг. в Польше⁸⁹.

Сектор славяноведения включился в академические дискуссии по этногенезу славянства, обсудив исследование А. Лященко “К вопросу об этногенезе славян” и доклад Ю.В. Готье “Происхождение славян”. На заседании сектора был рассмотрен план-проспект первого тома издания по истории Польши нового времени — от разделов до 1863 г. (скорее всего речь идет об обсуждении плана-проспекта, подготовленного У.А. Шустером). Члены ленинградской группы в 1940 г. работали над главами для первого тома “Истории Польши” и выражали удивление, что в плане сектора на 1941 г. эта работа отсутствует. В декабре 1940 г. в письме Н.С. Державину В.И. Пичета сообщал, что “История Польши XIX в.” включена в план сектора и должна быть завершена в 1942 г.⁹⁰). В 1940 г. А.А. Савич завершил работу над монографиями “Русско-польские отношения в XVII в. (от Деулинского перемирия до 40-х гг. XVII в.)” и “Русско-польские отношения в эпоху освободительной войны украинского народа до Андрушовского перемирия”⁹¹.

В ленинградской группе в 1940 г. Н.С. Державин подготовил к печати книгу “Происхождение славян”, К.А. Пушкаревич защитил докторскую диссертацию на тему “Чехи и Россия”⁹². На заседании группы был заслушан доклад Н.С. Державина “Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове”⁹³, в котором ученый представил концепцию о заселении славянами всего Поволжья до Закавказья и о кубанском происхождении дунайских болгар. По его мнению, теория об автохтонном происхождении болгар на Балканском полуострове “не заслуживает внимания”⁹⁴. Одобрение коллег получили исследования У.А. Шустера, подготовленные для публикации в различных изданиях: “Польша 60 — 80-х гг.”, “Революция 1905 г. в Польше”, “Польша 1918 — 1923 гг.” В группе обсуждались также статьи М.В. Джервиса “Общественный строй у славян (VI — XI в.)” и “Польша XI — XV вв.”⁹⁵.

Большое внимание в секторе уделялось работе с аспирантами, разрабатывавшими следующие темы: “Средневековые сербские города на Далматинском побережье” (Н.П. Франич), “Чехия в революции 1848 г.” (А.К. Целовальникова), “Крестьянская реформа в Царстве Польском в

1864 г.” (Е.И. Кондрашева). Руководителем этих аспирантов был В.И. Пичета⁹⁶.

Академик Б.Д. Греков в отчете о работе Института истории за 1940 год отметил, что сектор славяноведения сделал значительно больше того, что полагалось по плану⁹⁷. Однако при обсуждении отчета на Отделении истории и философии высказывались пожелания, чтобы сектор не изолировался и активнее отзывался “на актуальные вопросы действительности”⁹⁸. Отвечая на критику, В.И. Пичета подчеркнул, что сектор чувствует себя все еще не очень прочно; нет “вспомогательных работников” и научного кабинета (у ленинградской группы славистов с литературой дело обстояло лучше). Московские ученые располагали всего двумя шкафами книг, которые были предоставлены “в виде любезности профессором Неедлы”. Пичета акцентировал внимание на том, что без специальной литературы невозможна дальнейшая плодотворная работа. Он отметил, что сектор мог бы получать сербские и болгарские журналы в обмен на “Исторические записки”, журналы “Историк-марксист”, “Под знаменем марксизма” и другие издания, но для этого сектор должен иметь некоторое количество экземпляров этих журналов или средства на их покупку⁹⁹.

По поводу замечания Пичеты об отсутствии в Москве библиотеки по славяноведению академик-секретарь ОИФ А.М. Деборин высказал следующее соображение: Библиотека в Ленинграде принадлежит Академии наук, а вся Академия должна быть со временем в Москве, следовательно можно уже и сейчас перевести славистические книги в Москву (несмотря на неизбежное сопротивление Н.С. Державина), поскольку именно здесь находится сектор славяноведения¹⁰⁰. Выступление Деборина — типичное проявление административно-командного стиля работы. Его предложение не учитывало потери от подобного перемещения книжных фондов. Жалуясь на книжный “голод”, Пичета вряд ли имел в виду указанные Дебориным меры. Позицию же академика-секретаря трудно назвать последовательной, если учесть, что незадолго до этого он отстаивал вариант об усилении славистических исследований в ленинградском Институте языка и мышления и о передаче в кабинет славянских языков этого института библиотеки по славяноведению (см. очерк “Организация исследований в области славянского языкознания”). В изменившихся обстоятельствах приоритетными стали исследования в области исторической славистики и лидирующая роль отводилась московскому Институту истории с его сектором славяноведения. Отсюда и изменение взглядов руководства Отделения, и та легкость, с которой решались научно-организационные вопросы.

В 1941 г. сотрудники сектора славяноведения намечали дальнейшую разработку истории славянских народов, пока война не внесла свои корректизы в эту работу. Планировалось подготовить “Историю Болгарии”, вторую часть “Истории Чехии”, второй сборник статей по славяноведению¹⁰¹. В первые месяцы года на заседаниях ленинградской группы обсуждались главы М.В. Джервиса для “Истории Польши”, а также работы У.А. Шустера “Польское восстание 1863 г.” и Л.В. Разумовской “Галиция под властью Австрии” (она также работала над кандидатской диссертацией “Немецкая колонизация и немецкое право в Польше XIII — XVI вв.”). Если в московском секторе были специалисты по разным славянским странам, то в ленинградской группе преобладали полонисты. Южными славянами занимался только Державин. Весной 1941 г. он сделал доклад на тему “Умственные течения и литература в Болгарии в XIV в. накануне турецкого завоевания”¹⁰².

Несмотря на очевидный прогресс в развитии исторической славистики на рубеже 30 — 40-х годов, не все в работе историков-славяноведов было гладко. Отмечалась недостаточная согласованность действий московского сектора и ленинградской группы. Высказывалось недовольство порядком редактирования рукописей (на этот процесс тратилось в пять—шесть раз больше времени, чем на авторскую работу). Были претензии к издательству Академии наук, где готовые работы по несколько лет ждали выхода в свет¹⁰³.

Научная продукция (как и вся научная жизнь) историков-славистов не могла не испытать на себе влияния идеологии и политики господствующей системы, что было особенно характерно для обществоведческих дисциплин. Иллюстрацией к сказанному может служить обсуждение исследования М.В. Джервиса, посвященного разделам Польши (для “Истории Польши”). Так, Н.С. Державин считал, что тема работы “сугубо политическая”, поэтому “ответственность за ее выполнение громадна”. Автор же, по его мнению, “с политической стороной вопроса не справился”. Советские историки, развивая свою мысль Державин, прекрасно понимают, что панская Польша — “живой труп. И таким живым трупом она была уже к 1-му разделу. Хотя она просуществовала до 1939 г., но это не может менять наши принципиальные установки. Мне кажется, что царское правительство в своих отношениях к панской Польше нащупывало правильную линию поведения”*. Относительно

* Несколько годами ранее Державин называл политику царского правительства по отношению к славянским народам реакционной.

употребленного в работе Джервиса термина "захват" украинских и белорусских земель Россией Державин, не вдаваясь в исторические реалии, замечал лишь: "Сейчас это — неудобное выражение. Это было — воссоединение". В заключение выступления Державин прошелся по методологическим основам обсуждаемой работы: "Можно писать историю Польши с позиций шляхтича, с позиций польского рабочего и с позиций советского историка. При чтении работы М.В. создается впечатление, что читается труд польского историка. Ошибкой будет стоять на позициях старого либерального объективизма, нам надо занять особую позицию, а выработать ее — не так трудно"¹⁰⁴. Подоплека подобных высказываний станет особенно ясна, если соотнести их с тем политическим положением, в котором оказалась Польша в результате советско-германских договоренностей 1939 г. Правда, среди коллег Державина были ученые, не разделявшие столь крайние его суждения. Например, У.А. Шустер заявлял, что тревоги академика преувеличены и не складывается впечатление, что Джервис "исходит из неправильных установок"; более того, по мнению Шустера, исследователю удалось избежать "ложноконъюнктурных представлений" о ходе событий и значении разделов¹⁰⁵.

"История Польши" была задумана как новая форма научного сочинения — коллективный труд. Н.С. Державин так сформулировал концепцию подобных работ: "Наша задача не бичевать автора, а помочь создать работу коллективную, за которую ответственен прежде всего коллектив, а потом автор"¹⁰⁶ (следование этому принципу на деле иногда приводило к обезличке трудов).

На деятельности сектора славяноведения и ленинградской группы славистов сказывался, кроме того, и субъективный фактор. На отношениях между этими подразделениями отражалась прежде всего взаимная неприязнь Н.С. Державина и В.И. Пичеты. Столкновения между ними происходили по административной и научно-организационной линиям. Пичета обращал внимание Державина на невыполнение им в срок плановых заданий (по "Истории Болгарии"), отказался от включения в план объемной работы "Происхождение славян" без достаточного "задела" и без предварительного обсуждения на секторе, делал замечания о недопустимости произвольного перераспределения плановой работы группы и т. д. На справедливые в большинстве случаев упреки Пичеты Державин реагировал с обидой, хотя по сути ничего не мог противопоставить. Подобные отношения руководителей, их взаимное нерасположение, личные амбиции нервировали сотрудников и не лучшим образом отражались на исследовательской работе¹⁰⁷.

Несмотря на трудности периода становления, на издержки, вызванные общественно-политической обстановкой, создание сектора славяноведения Института истории АН СССР явилось поворотным пунктом не только в исторической славистике, но, как показало будущее, в истории советского славяноведения в целом. После периода игнорирования славяноведения, упадка славистических исследований, начался этап “санкционированного” властями изучения славянских народов, открывавший новые научные и практические перспективы. Созданные для успешных разработок в области славистики условия позволили даже небольшими силами начать развернутые исторические исследования, касающиеся южных и западных славян.

Работы этих лет имели свои теоретико-методологические особенности. К концу рассматриваемого периода были в основном изжиты черты вульгарного социологии в освещении исторического процесса¹⁰⁸, но еще более укрепился марксистский, “классовый” подход к событиям и явлениям прошлого, не допускавший иной их трактовки. В результате таким аспектам исследований, как изучение национальных особенностей исторического развития отдельных народов, не уделялось должного внимания¹⁰⁹.

Создание центра историко-славистических исследований и первые итоги его деятельности были только началом организованных разработок в области истории славянских народов, но уже первые шаги в этом направлении позволили в начале 40-х годов сделать вывод (хотя и не лишенный определенного преувеличения), что “новым и значительным достижением исторической науки является широко поставленное советское славяноведение”¹¹⁰.

Примечания

¹ Стецкевич С.М., Якубский В.А. Становление и развитие советской полонистики // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 22.

² Подробнее см. очерк “Институт славяноведения АН СССР”, а также: Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1; М. — Л., 1934. Т. 2.

³ История средних веков. М., 1938 — 1939. Т. 1—2; Грацианский Н.П. Средние века. М., 1939. Ч. 1—2.

⁴ См., например: Авербух Р.А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848 — 1849 гг. М., 1935; Джервис М.В. К вопросу о разделах Польши // Исторический сборник. 1934. Т. 1; Димитров Д. К изучению Любена Каравелова // Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1; Козьмин Б.П. Любен Каравелов и Светозар Маркович и их связи с русскими револю-

ционерами // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5; Лурье Г.И. Красная Лодзь. Рабочая стачка в 1892 г. М., 1934; Писаревский Г.Г. К истории польской революции 1830 г. Баку, 1930; Пущаревич К.А. Из истории польской революции 1830 — 1831 гг. // Труды Института славяноведения. Л., 1932. Т. 1; Он же. Светозар Маркович в Петербурге. Материалы к биографии // Там же; Он же. Балканские славяне и русские “освободители”. Славянские комитеты и события на Балканах накануне русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. // Там же. М. — Л., 1934. Т. 2.

⁵ См.: Горизонтов Л.Е. “Методологический переворот” в польской историографии на рубеже 1940 — 1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 52.

⁶ Каракев В.Г., Королюк В.Д., Санчук Г.Э. Академик В.И. Пичета (1878 — 1947) (к 100-летию со дня рождения) // Советское славяноведение. 1978. № 5. С. 80.

⁷ Королюк В.Д. Советские историко-славистические исследования (1917 — 1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 39. Список работ указанных авторов см.: Беляевская И.М., Очак И.Д. Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966. С. 7–10.

⁸ Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty. M., 1934 — 1936. Т. 1–2 (публикацию подготовил Б. Шмидт); Rady Delegatów Robotniczych w Polsce w 1918 — 1919. Materiały i dokumenty. M., 1934 (публикацию подготовил Г. Бич); и др. См. также: Митина Н.П. Советское славяноведение 1920 — 1930-х годов и вклад польских политэмигрантов в его становление и развитие // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 124–139.

⁹ Беляевская И.М., Очак И.Д. Некоторые проблемы... С. 8–10.

¹⁰ Пишишевский Э. Промышленный пролетариат в революционном движении 60-х годов // История пролетариата СССР. 1931. № 7; Он же [Ясинский Ч.]. Октябрьская революция и рабочий класс Польши // Там же. 1933. № 3; [Бобинский С.] Этапы развития коммунистической партии в Польше // Борьба классов. 1936. № 5; Кон Ф. Суд над партией “Пролетариат”. М., 1931. 2-е изд.; Кржижановский С. Польская социал-демократия и II съезд РСДРП // Пролетарская революция. 1933. № 2; Он же. Тысяча девятьсот пятый год. М., 1930; Краевский А. К характеристике идеологии социал-демократии Польши и Литвы // Пролетарская революция. 1931. № 6; Кабакчиев Х. Ленин и болгарские “тесняки” // Историк-марксист. 1934. № 1; Он же. Критика теснячества и борьба за большевизацию Компартии Болгарии // Коммунистический Интернационал. 1933. № 28; Он же. Компартия Болгарии в первый период ее развития и Коминтерн // Борьба классов. 1934. № 3; Василев И. Октябрьская революция и тесняки // Красная летопись. 1932. № 5/6; и многие другие.

¹¹ Франковская А. Krakowskie вооруженное восстание // Борьба классов. 1933. № 12; Арский Р. Положение рабочего класса в Польше // Проблемы

марксизма. 1932. № 3; *Братковский Ю.* Борьба против национального гнета в Польше // Революция и национальности. 1932. № 5; *Жарский Т.* Стачечное движение в Польше в годы кризиса // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 9; *Ленский Ю.* За революционное разрешение кризиса в Польше! // Коммунистический Интернационал. 1930. № 26; *Михальчук Я.* Как живут трудящиеся Польши под властью фашизма // Аграрные проблемы. 1935. № 5–6; *Скульский С.* Некоторые данные о развитии стачечного движения в Польше // Коммунистический Интернационал. 1932. № 14; Польская деревня во время кризиса. М., 1935; *Владавский С.* Положение сельскохозяйственных рабочих в Польше // Коммунистический Интернационал. 1931. № 15; *Зорский А.* Аграрный кризис и деградация сельского хозяйства в Польше // Мировое хозяйство и мировая политика. 1932. № 7–8; *Соколовский А.* Аграрный кризис в Польше // Аграрный кризис. М., 1932. Кн. 3; *Градовский Ф.* Krakowskie события // Коммунистический Интернационал. 1936. № 7; *Маркович М.* Вэрсальская Югославия. Минск, 1933; *Петровский Б.Н.* Положение и борьба крестьянства в Югославии. М., 1933; и многие другие.

¹² *Попов Ф.Г.* Чехословакий мятеж и Самарская учредилка. Самара, 1932. См. также: *Наумов В.П.* К историографии белочешского мятежа в 1918 году // Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС. 1958. Вып. 40. С. 142–180.

¹³ *Горянин А.Н.* Советская славистика 1920 — 1930-х годов // Исследования по историографии славяноведения и balkанистики. М., 1981. С. 7.

¹⁴ *Джервис М.* О некоторых вопросах источниковедения по истории Польши // Труды Историко-археографического института АН СССР. М. — Л., 1933. Т. IX. Проблемы источниковедения. Сб. 1. С. 163–181.

¹⁵ *Джервис М.* Польская историческая наука на VII Международном конгрессе историков (1933 г.) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 106–123.

¹⁶ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М. — Л., 1933. Вып. 1. С. 56, 60.

¹⁷ *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М., 1967. Кн. 3. С. 116.

¹⁸ *Джервис М.* О некоторых вопросах... С. 168. Об этом см.: *Стецкевич С.М., Якубский В.А.* Становление... С. 25.

¹⁹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–2. 11.

²⁰ Подробнее см.: *Аксенова Е.П., Васильев М.А.* Проблемы этногенеза славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930 — 1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2. С. 86–104.

²¹ См.: Историк-марксист. 1938. № 6. С. 201.

²² Письма П.Г. Богатырева к Д.К. Зеленину // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 130.

²³ Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 26'.

- ²⁴ Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 59.
- ²⁵ Опубл.: Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноимперской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290–307.
- ²⁶ Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 261–263.
- ²⁷ См.: Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногенеза... С. 90–91.
- ²⁸ Архив РАН. Ф. 394. Оп. 13. Д. 1. Л. 7, 35.
- ²⁹ Там же. Л. 28–29.
- ³⁰ Там же. Ф. 457. Оп. 1 — 1939. Д. 1. Л. 3–4.
- ³¹ Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 167; Архив РАН. Ф. 394. Оп. 13. Д. 9. Л. 13–15, 46, 50.
- ³² См.: Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногенеза... С. 93–94.
- ³³ Вестник Академии наук СССР. 1939. № 6. С. 48–49; Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 168; Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 — 1939. Д. 3. Л. 13–14.
- ³⁴ См.: Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногенеза... С. 95.
- ³⁵ Этногенез восточных славян. М. — Л., 1941. Т. 1.
- ³⁶ Вестник Академии наук СССР. 1940. № 4/5. С. 164. Опубл. под названием: Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М. — Л., 1940. Вып. VI. С. 3–14.
- ³⁷ Державин Н.С. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944; Он же. К вопросу о происхождении русского народа // Пропагандист. 1944. № 7–8. С. 21–29; Он же. Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове // Советская этнография. 1946. № 1. С. 59–83.
- ³⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 — 1940. Д. 13. Л. 14–15.
- ³⁹ Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногенеза... С. 98–99.
- ⁴⁰ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 — 1940. Д. 11. Л. 42, 46.
- ⁴¹ Там же. Д. 15. Л. 17.
- ⁴² Левченко М.В. Византия и славяне в VI — VII вв. // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 25–26; Горянов Б.Т. Славянские поселения VI в. и их общественный строй // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 312.
- ⁴³ Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 230–280; Жебелев С.А. Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI — VII вв. // Исторический архив. Л., 1939. Т. II. С. 33–37.
- ⁴⁴ Державин Н.С. Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 279–289.

⁴⁵ Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М. — Л., 1942. С. 229—230.

⁴⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М. — Л., 1939; Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 319—337; Грацианский Н.П. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. М., 1939; Мишулин А.В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 290—307; Горянов Б.Т. Славянские поселения VI в. и их общественный строй // Там же. С. 308—318; Он же. Славяне и Византия в V и VI вв. нашей эры // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 101—111.

⁴⁷ См.: Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР... С. 233.

⁴⁸ Драницын С.Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937.

⁴⁹ Иваницкий С.Ф. Значение Барской конфедерации в истории крестьянского восстания на территории Украины 1768 г. К истории "Колиивщины" // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Л., 1939. Т. 22.

⁵⁰ Шустер У.А. К вопросу об образовании внутреннего рынка для капитализма в Польше // Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1938. № 172; Он же. Экономическая борьба Москвы с Лодзью (Из истории русско-польских экономических отношений в 80-х годах прошлого века) // Исторические записки. 1939. Кн. 5.

⁵¹ Ивашин И.Ф. Гуситские войны и тaborиты // Исторический журнал. 1938. № 2; Он же. Национально-освободительная борьба чешского народа в период довоенного империализма // Там же. № 8.

⁵² Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. С. 68. См. также: Горяинов А.Н. Трактовка славянской взаимности и славяноведения советскими учеными (1920 — 1930-е годы) // Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики. Roma, 1994. С. 83; Он же. М.Н. Покровский и начальный этап советского славяноведения // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. XI Всесоюзная научная конференция историков-славистов 27 — 29 января 1988 г. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1988. С. 238—239.

⁵³ Против исторической концепции М.Н. Покровского. М. — Л., 1939. Ч. 1. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 179—243.

⁵⁵ Там же. 1940. Ч. 2. С. 25—58.

⁵⁶ Джервис М.В. Внешняя политика русского самодержавия в XVIII веке в изображении Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М. — Л., 1940. Ч. 2. С. 177—197.

⁵⁷ Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в “кривом зеркале” М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского. Ч. 2. С. 210–390.

⁵⁸ Горянов Б. Славяне и Византия... С. 101, 111.

⁵⁹ Панкратова А.М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях великой отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М. — Л., 1942. С. 39.

⁶⁰ См.: Селезнев К. Южнославянские народы в революции 1848 г. // Борьба классов. 1936. № 10. С. 36–50; Миско М. Революционный кризис в Польше в 1923 г. и тактика польской компартии // Историк-марксист. 1932. № 6. С. 42–84; Он же. Маркс и Энгельс о польском вопросе // Там же. 1933. № 2. С. 117–142; Абрамов З. Польский социал-фашизм (ППС) во главе войны и интервенции белополяков против Советской республики в 1919 — 1920 гг. // Борьба классов. 1932. № 5. С. 53–64; Франковская А. Krakowskie вооруженное восстание // Там же. 1933. № 12. С. 29–34; [Павлов Т.] Борьба за диалектический материализм в Болгарии // Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 118–119 (опубл. под псевд.: Досев П.); Милич М. Борьба за диалектический материализм в Югославии // Там же. С. 119–120; и др.

⁶¹ Исторический журнал. 1941. № 9. С. 64–73.

⁶² См.: Руколь Б.М. Зденек Неедлы — исследователь истории славянских народов // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969. С. 445–446.

⁶³ Панкратова А.М. Советская историческая наука... С. 32, 39.

⁶⁴ Руколь Б.М. Зденек Неедлы... С. 446–447.

⁶⁵ См.: Историк-марксист. 1936. № 2. С. 172; № 6. С. 250.

⁶⁶ Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 27.

⁶⁷ См.: Владимир Иванович Пичета. Биобиографический указатель. Минск, 1978. С. 51–52.

⁶⁸ См.: Историк-марксист. 1937. № 5–6. С. 267.

⁶⁹ Шустер У.А., Джервис М.В. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии // Против фашистской фальсификации истории. С. 410–445.

⁷⁰ Архив РАН. Ф. 394. Оп. 10. Д. 28. Л. 6; Историк-марксист. 1939. № 2. С. 198.

⁷¹ Вестник Академии наук СССР. 1939. № 4–5. С. 177.

⁷² Известия. 1939, 21 апреля.

⁷³ Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 27; “С”, Р.П. № 15. Л. 1; ПФА РАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 66. Л. 8, 10.

⁷⁴ Руколь Б.М. Зденек Неедлы... С. 444.

⁷⁵ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 — 1939. Д. 1. Л. 47.

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632. Л. 27–28; Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

⁷⁷ Опубл.: Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.-Л., 1946.

⁷⁸ Державин Н.С. Западная Украина и Западная Белоруссия под гнетом польских панов (в списке опубликованных работ Н.С. Державина не значится).

⁷⁹ Пичета В.И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939. Полный список работ по этой теме за 1939 г. см.: Владимир Иванович Пичета. Библиографический указатель. С. 52–54.

⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1583. Л. 1–5, 15–16; Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.

⁸¹ Савич А.А. Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в. М., 1939.

⁸² Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–5, 8, 17.

⁸³ Там же. Д. 37. Л. 2.

⁸⁴ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а — 1940. Д. 4. Л. 1.

⁸⁵ Научный архив Института истории АН СССР. “Д”. Р. XII. Д. 3. Ед. хр. 25. Л. 29, 33.

⁸⁶ Там же. Ед. хр. 26. Л. 1–60.

⁸⁷ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632. Л. 141–142.

⁸⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а — 1940. Д. 4. Л. 24.

⁸⁹ См.: Владимир Иванович Пичета. Библиографический указатель. С.54–55.

⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632. Л. 14; Ф. 827. Оп. 4. Д. 428. Л. 12.

⁹¹ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632. Л. 141 об.; Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а — 1940. Д. 4. Л. 20.

⁹² См.: Аксенова Е.П., Горяинов А.Н., Молок Ф.А. Константин Алексеевич Пушкиревич // Славяноведение. 1993. № 6. С. 89–91.

⁹³ Опубл.: Державин Н.С. История Болгарий. М. — Л., 1945. Т. I.

⁹⁴ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632. Л. 25–25 об.

⁹⁵ Там же. Л. 2, 7–11 об., 14, 24–24 об., 32–33 об.

⁹⁶ Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 28–29.

⁹⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1 — 1941. Д. 9. Л. 19.

⁹⁸ Там же. Л. 62, 74.

⁹⁹ Там же. Л. 88–90.

¹⁰⁰ Там же. Л. 132.

- ¹⁰¹ Научный архив Института истории АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Д. 136. Л. 3; Историк-марксист. 1940. № 12. С. 140.
- ¹⁰² ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632.
- ¹⁰³ Там же. Л. 14–15, 106, 115.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 53–54.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 53, 55.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 64.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 14; Д. 1662. Л. 76–79; Ф. 827. Оп. 4. Д. 428. Л. 10–12.
- ¹⁰⁸ Дьяков В.А. О некоторых аспектах развития славистики в 1918 — 1939 годах // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 91; *Он же*. Важнейшие черты развития славяноведения в 1918 — 1939 годах // *Słowianoznawstwo w okresie międzywojennym* (1918 — 1939). Wrocław. 1989. S. 27.
- ¹⁰⁹ Белявская И.М. Советское славяноведение за 50 лет // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969. С. 13.
- ¹¹⁰ Панкратова А.М. Советская историческая наука... С. 32.

О ч е р к 10

Славянская тема в научной периодике

Идеологические и политические факторы, неблагоприятно отразившиеся на научном и общественном реноме славяноведения, а также узкая материальная и организационная база этой области науки оказывали влияние на количество и характер славистической печатной продукции. Многие из подготовленных в 30-е годы трудов либо вовсе не были опубликованы, либо вышли в свет значительно позже. Кроме "Трудов" Института славяноведения в 30-е годы практически не было специальных славистических изданий, хотя вопрос о необходимости как периодических органов, так и непериодических сборников ставился неоднократно (см. очерк «Поиски путей "реабилитации" и попытки возрождения славяноведения»). Для популяризации своей деятельности и реабилитации славистики в общественном мнении ученые в ряде случаев использовали массовую печать¹. Результаты научных исследований слависты могли публиковать лишь в научных журналах общего профиля или в специальных изданиях по отдельным научным дисциплинам, в которых проблемам славяноведения отводилось более чем скромное место.

В 30-х годах продолжали выходить журналы, издание которых началось в конце 20-х годов — "Научное слово" (1928 — 1931), "Известия ВАРНИТСО" (1929 — 1938, с 1931 г. — "Фронт науки и техники"). Основным академическим изданием оставались "Известия Академии наук СССР". В 1931 г. к ним добавился еще один ежемесячный орган — "Вестник Академии наук СССР". Достижения в разных областях знания, научная жизнь страны находили также отражение в газете "За социалистическую науку", журналах "Научный работник" (1925 — 1930), "Советская наука" (1938 — 1941), в журналах исторического профиля — "Борьба классов" (1931 — 1936), "Исторический журнал" (1937 — 1945), "Историк-марксист" (1926 — 1941), в непериодических изданиях — "Язык и литература" (1926 — 1932. Т. 1 — 8), "Язык и мышление" (1933 — 1948. Т. 1 — 11), в серийных изданиях университетов и др.

Научная периодика тех лет, безусловно, являлась рупором официальной политики в области науки и отражала все изменения, происходившие в организации научных исследований и затронувшие прежде всего Академию наук. На этом фоне и следует рассматривать публикации славистических материалов в научных изданиях. Несмотря на те гонения, которые претерпело славяноведение в 30-х годах, в научной печати все же иногда появлялись статьи о славянах, не лишенные, однако, тех недостатков, которые диктовались условиями и временем их написания.

На протяжении 30-х годов статьи и материалы на славянские темы публиковались в журналах весьма неравномерно (как в смысле распределения по годам, так и в отношении отражения в печати тех или иных проблем, что вполне соответствовало общественно-политическому положению в стране и международной ситуации). По сравнению с узко специальными научными изданиями, "широкая" периодика, обладая гораздо большими тиражами, значительно более резко и неприкрыто, назойливо повторяла, внедряя в массовое сознание, те идеологические установки, на которых должна была основываться советская наука. Славистические публикации подчинялись тем же правилам. Среди работ, затрагивавших историческую проблематику, нередко встречались публикации историко-партийного содержания или статьи с заметной публицистической направленностью.

Многие статьи о славянских народах, опубликованные в научной периодике, уже упоминались в той или иной связи на страницах этой книги. Не имея возможности рассмотреть все славистические статьи, помещенные в различных журналах, остановимся на наиболее характерных публикациях, отмечая проявлявшиеся в них тенденции, группируя однородный материал и показывая, по возможности, специфику каждого издания.

Среди журналов, имевших общенаучный характер, т. е. помещавших материалы, отражающие различные области научного знания и освещавшие события научной жизни в нашей стране и за рубежом, были ежемесячные издания "Научное слово", "Фронт науки и техники", "Советская наука", "Известия Академии наук СССР", "Вестник Академии наук СССР". Эти издания отличались задачами и подбором материала, но общим для них было признание диалектического материализма основой мировоззрения и цель — приносить пользу социалистическому строительству (на протяжении десятилетия цели конкретизировались). Кроме того, составляющими марксистской науки являлись плановость и коллективизм, которым уделялось большое внимание на страницах журналов².

Журнал “Научное слово” (ответственный редактор О.Ю. Шмидт, редколлегия: Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, А.Ф. Иоффе, С.Ф. Ольденбург, И.К. Луппол и др.) обещал публиковать прежде всего такие исследования, которые “выходят за пределы одной дисциплины”. Это представлялось особенно важным, поскольку в науке наблюдалась тенденция “к сближению разнородных дисциплин, к разработке пограничных областей”³. Славяноведение как комплекс научных дисциплин, объединенных общим объектом изучения, в значительной мере подпадало под эту тенденцию. Однако “Научное слово” не рассматривало славистические проблемы, уделяя основное внимание влиянию марксизма на советскую науку и вопросам реорганизации Академии наук. Вместе с тем, в журнале поднимались важные общетеоретические, методологические вопросы, которые невозможно было не учитывать и в области славяноведения.

Так, опираясь на сталинскую теорию усиления классовой борьбы в период строительства социализма, И.И. Минц отметил обострение этой борьбы и в идеологической области, имея в виду противопоставление марксизму — “науке господствующего класса” в СССР — буржуазных и мелкобуржуазных теорий, облекающих в марксистскую форму “старое идейное содержание”. Он подчеркнул, что историки-марксисты “ставят задачей своей теоретической работы всемерную помочь наступлению мировой революции”, и призывал научных работников в своей деятельности равняться на ученых-революционеров типа Чернышевского и Ленина, а не на “знаменитостей академического мира”, которые, по определению Минца, всегда были “прислужниками эксплуататорских классов” и искали «в “объективности” убежище от политики». Заодно были выявлены “ошибки” в научной работе: “заакадемизирование”, уход в “чистую” науку, “неизжитость, а иногда и новое оживление, националистических точек зрения на историю”⁴. Тем самым, определялись и направления будущей борьбы с отмеченными “недостатками”.

Н.С. Державин в статье “Яфетическая теория академика Н.Я. Марра”⁵ напрямую поставил вопрос о “классовости” науки, которая есть не что иное, как “определенная идеология, выявляющаяся в своеобразном отборе фактов исследования, в методе исследования, в постановке проблем исследования, в выводах и т. п.”

Уделяя в начале 30-х годов большое внимание вопросам перестройки науки, пересмотру содержания и методов работы на основах марксистско-ленинской методологии, научная периодика настоятельно подчеркивала, что советская наука “не может не быть партийной наукой, ибо в классовом обществе наука всегда партийна”; кроме того, в науке

не должно быть “нейтральности” и “apolитичности”⁶. Проблема “воинствующей партийности” и ликвидации “apolитичности” была поднята на новую высоту после опубликования письма Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” (1932. № 1).

Те же принципиальные позиции занимал журнал “Фронт науки и техники” (первоначально — “Известия ВАРНИТСО”, орган Всесоюзной ассоциации работников науки и техники социализма, редактор — академик А.Н. Бах), попутно ведя целенаправленную работу по дифференциации советской интеллигенции, по “борьбе с вредительством” в науке. На его страницах звучали призывы к научной общественности о проведении “общественных смотров и чисток” и других мероприятий, способствующих “искоренению идеологического вредительства”, вплоть до абсурдных предложений “прикрепить научные общества к заводам и фабрикам”. “Могучими средствами преодоления существующей научной косности” считались социалистическое соревнование, ударничество, коллективные формы научного труда⁷. В 1936 г. на страницах журнала академик Н.С. Державин выступил с призывом к ученым включиться в стахановское движение, которое, по его мнению, “поднимает нашу научную и техническую мысль на *высшую ступень* развития”⁸.

Подготовка новых научных кадров должна основываться, согласно позиции журнала, “на классовом отборе, политическом воспитании и социалистической целеустремленности”⁹. При таком подходе наука становилась ареной “боевых действий” (что отражено и в названии журнала), непримиримой борьбы новой советской марксистской идеологии с “отжившей”, “реакционной”, “буржуазной” идеологией. Это в первую очередь относилось к Академии наук, которая называлась “убежищем для чуждого, враждебного советской власти элемента”, обвинялась в “реакционности” и “монополизации науки”¹⁰. Не только философия и история, но и лингвистика объявились “одним из важнейших участков классовой борьбы на научном фронте”¹¹. В связи с расширением кампании преследования неугодных ученых в журнале усилилась “разоблачительная” тенденция¹².

Обосновывая классовый, политизированный, идеологизированный подход к науке, советские научные журналы в то же время обвиняли отечественных ученых, находившихся в эмиграции, в политической направленности их трудов. Наши соотечественники за рубежом отчетливо видели, что в СССР “эпоха науки снова сменяется эпохой веры”¹³. “Вера” в марксизм вместе с тем считалась немыслимой “без активного участия в борьбе против религии во всех ее видах”¹⁴.

Наряду с советизацией науки проявлялась и реально существовавшая тенденция, направленная в иную сторону. Так, академик С. Вольфсон с укором отмечал характерное для ряда наук, в том числе и для славяноведения, “бегство от ненавистного настоящего в глубокое историческое прошлое”¹⁵. Этот уход от действительности к событиям минувшего был вызван для одних политическими соображениями, для других — процессом возрождения национальной культуры, поисками своих “корней” (что было характерно для Украины и Белоруссии). До причин явления автор не доискивался. Он весьма негативно относился к тому, что в Белоруссии, например, Франциск Скорина “был превращен чуть ли не в ... родоначальника белорусского книгопечатания, именем которого пытались оправдать право на белорусскую речь”. Еще большее неприятие у него вызывало отношение к К. Калиновскому как “вождю революционного крестьянства”, шляхетский облик которого с большим упорством подчеркивали историки-марксисты. Особенно ярко, по мнению автора, классовая борьба проявлялась в лингвистике: в стремлении к употреблению “архаизмов” (т. е. слов белорусского языка вместо “советизмов” и иностранных заимствований), полонизмов и слов культового характера¹⁶.

На страницах “Фронта науки и техники” было опубликовано всего несколько материалов, посвященных проблемам восточноевропейского региона. В основном эти статьи затрагивают вопросы политического и социально-экономического положения славянских стран в новейшее время. В статьях “Победа рабоче-крестьянского блока в Болгарии”,¹⁷ и “Финансовое банкротство Болгарии”¹⁸ скрывшийся за инициалами “М.Ш.” автор углубляется в послевоенную историю этой страны. Перечислив причины, приведшие страну к кризису, он акцентирует внимание на росте революционных настроений и симпатий трудящихся масс к коммунистической идеи, на стремлении рабочих и крестьян Болгарии пойти тем путем, по которому идет СССР, где нет кризисов. В данном случае славянский материал служил косвенным подтверждением преимущества советского пути развития, советского строя, советского образа жизни.

Аналогичная по характеру статья Д. Батуринского касалась положения крестьянства в Польше¹⁹. В ней обращалось внимание на обнищание и разорение польского крестьянства (на фоне успехов колхозного строя в СССР), на усиление их классовой борьбы под руководством пролетариата.

Внешнеполитическим проблемам Польши посвящена статья Р. Рудольфа “Польский империализм на международной арене”²⁰. Положительно

оценивая восстановление независимости польского государства после первой мировой войны, автор рассматривал внешнюю политику Польши на фоне экономического кризиса, роста стачечного движения, разжигания национализма и шовинизма, милитаризации производства. Все факты, приведенные в статье, о замыслах правящих кругов относительно "Великой Польши" и пересмотра Версальского договора, подводят автора к выводу о том, что Польша ведет подготовку к войне с СССР.

Две статьи, опубликованные рядом в одном номере, затрагивали проблемы борьбы за диалектический материализм в Болгарии и Югославии²¹. Их авторы — П. Досев (Т. Павлов) и М. Милич — касаются истории развития в своих странах теоретической марксистской мысли и деятельности компартий по ее распространению и борьбе с оппонентами. Первый из двух авторов высказывает даже убеждение в том, что для марксистской мысли Болгарии помочь философской мысли СССР "имела бы огромное, если не решающее значение".

В 1938 г. "Фронт науки и техники" был преобразован в журнал "Советская наука" (ответственный редактор академик А.Н. Бах). В новом ежемесячном издании наряду с научной проблематикой большое место отводилось материалам педагогического, учебно-методического характера. В первый год издания судьбы славянских народов не нашли отражения на страницах журнала. Научная периодика в то время была ориентирована на критику фашизма и фашистской фальсификации истории. В рецензии на сборник статей Института истории АН СССР, посвященный этой проблеме, лишь вскользь упоминалось о работе Д.Н. Егорова, рассматривавшего колонизацию Мекленбурга как внутреннюю славянскую колонизацию, в которой немецкий элемент играл лишь второстепенную роль²².

После заключения "пакта Риббентропа — Молотова" и начала второй мировой войны акценты в журнале заметно меняются. Отход от осуждения фашистской Германии сопровождается резким усилением критики в адрес Польши, особенно в связи с вхождением Западной Украины и Западной Белоруссии в СССР. Эта направленность присутствовала и в статьях о более ранних периодах истории. Рассматривая исторические судьбы народов, населявших эти территории, их борьбу против феодального, национального и религиозного угнетения со стороны господствующих классов Польши, В.И. Пичета подчеркивал, что поляки стремились денационализировать народы, входившие в состав Польского государства. Касаясь историографии вопроса, автор критически отнесся к теории западнославянского происхождения населения Галиции,

которой придерживались “украинский националист” М.С. Грушевский, русский “буржуазный профессор” А.Е. Пресняков и польские ученые, отрицавшие “наличие русских этнических элементов” в землях, где позднее господствовали поляки. Не без чувства пренебрежения говорилось о Польше как о “местности, по которой проходит современная граница государственных интересов между Германией и Советским Союзом”.

Коснувшись вопроса о разделах Речи Посполитой, автор обвинил в распаде страны саму Польшу, не проведшую вовремя “агарную революцию”, которая сделала бы крестьянство заинтересованным в защите отечества. Пичета подчеркивал также, что в межвоенный период народы Западной Украины и Западной Белоруссии испытывали притеснения со стороны буржуазной Польши, к которой, по его мнению, вполне применимы слова К. Маркса о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, что распространяется и на Польшу XVIII в. Таким образом, подводилось историческое и идеологическое объяснение того политического положения, в котором оказалась Польша в начале второй мировой войны (и косвенным образом — оправдание действий советского руководства)²³.

Тема присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР не сходила со страниц журнала и в 1940 г. Подобные публикации, как правило, касались истории вхождения этих земель в Польское, Польско-Литовское, Австро-Венгерское государства, их социально-политического и экономического развития, рассказывали о тяжелом положении народов этих областей под чуженациональным гнетом вплоть до 1939 г. При этом неизменно подчеркивалось историческое единство этих территорий с Русью²⁴. Для некоторых статей была характерна прямолинейность суждений, бескомпромиссность позиции, непримиримость с западной “буржуазной” наукой.

Академия наук имела свои периодические издания — “Известия Академии наук СССР” и “Вестник Академии наук СССР”. “Известия АН СССР” выходили по сериям; седьмая серия до 1938 г. состояла из выпусков Отделения общественных наук (ее редакторами были академики А.Н. Самойлович, А.С. Орлов, А.М. Деборин). В издании помещались теоретические и проблемные статьи, а также наиболее важные доклады и сообщения на сессиях Отделения. Ежемесячный “Вестник АН СССР” призван был отражать научную и научно-организационную деятельность Академии. Академический характер подачи материалов, объективность изложения, основанная на фактах, которых можно было бы ожидать от подобных изданий, к сожалению, далеко не всегда присутствовали в них,

зачастую уступая место принятым в то время идеологическим штампам, упрощенным, схематическим толкованиям, определенным партийно-политическими установками. Тем не менее, статьи явно пропагандистского толка здесь не публиковались и среди авторов были только ученые.

На страницах этих изданий совсем мало места уделялось славистической проблематике, да и то лишь в начале 30-х годов. Первый номер “Известий Академии наук СССР” за 1930 г. был посвящен памяти академика А.И. Соболевского. В статьях В.Н. Перетца, Б.М. Ляпунова, Е.Ф. Карского, М.Г. Долобко, Д.К. Зеленина освещались некоторые направления деятельности покойного ученого, среди которых основное место занимали исследования в области русского и других славянских языков, определялся его вклад в разработку различных научных проблем.

Аналогичным образом через два года в том же журнале был представлен “Очерк жизни и деятельности академика Е.Ф. Карского”²⁵, написанный Б.М. Ляпуновым. Автор высоко оценил труд покойного академика по кирилловской палеографии. Сравнивая исследование Карского (“Очерк славянской кирилловской палеографии”. Варшава, 1901) с трудом А.И. Соболевского (“Славяно-русская палеография”. СПб., 1901), имевшим ряд преимуществ, Ляпунов выделяет именно вклад Карского в данную область науки. Вынужденно отдавая дань модному “новому учению о языке”, Ляпунов упоминает о том, что Карский обращал внимание на социальные причины языковых изменений. Напоминая о терпимости Карского к различным научным направлениям, Ляпунов тем самым как бы призывал объективно отнести и к самому Карскому — ученому, принадлежавшему к старой школе славистов, которую не следует подвергать огульной критике.

Отзыв Н.С. Державина о Е.Ф. Карском²⁶ заметно разнится подходом к оценке деятельности и личности ученого. Державин не мог не признать ценность научных трудов Карского, но отмечал, что как представитель старой науки Карский находился во власти “формализма” и “метафизики”, не углубляясь в “социологическую природу и сущность” своего материала. Имея в виду определенную “установку”, Державин использовал даже некрологическую заметку, чтобы не столько обозначить вклад ученого старой школы в науку, сколько лишний раз обратить внимание на “несостоятельность” этой самой науки, на ее идейную и методологическую “отсталость” от советской славистики, основанной на марксизме-ленинизме. Но и этого, видимо, оказалось недостаточно для “ревнителей” советской науки, и Державин в письме в редакцию журнала²⁷ вынужден был признать, что допустил “ошибку”, не дав

“исчерпывающую характеристику научной деятельности и личности академика Карского с точки зрения общественно-политической”.

Памяти другого выдающегося слависта — председателя Славянской комиссии АН П.А. Лаврова было посвящено несколько статей в восьмом номере “Известий Академии наук СССР” за 1930 г.²⁸ Б.М. Ляпунов, М.Н. Сперанский, В.Г. Чернобаев дали обзор жизни и научной деятельности Лаврова, отметили его вклад в изучение славянских языков и их истории, собирание и исследование источников по истории древнейшей славянской письменности, работу в области славянских древностей и древней литературы южных славян, занятие историей славяноведения и др. Вместе с тем, напоминалось, что Лавров проявлял интерес и к современным проблемам — аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г., судьбам южных славян в 1914 — 1917 гг.

Характеризуя таких ученых, как Соболевский и Лавров, авторы статей подчеркивали, что это лучшие представители старых научных традиций, которые теперь подвергаются незаслуженным обвинениям. Усиление наступления на славяноведение заставило Б.М. Ляпунова в отставании законного места этой науки среди других гуманитарных наук опереться на научный авторитет П.А. Лаврова, который с возмущением относился к умалению роли славистики²⁹.

Выступление Н.С. Державина на страницах журнала со статьей “Труды академика П.А. Лаврова в области древнеславянской письменности”³⁰ по тону отличалось от рассмотренных ранее публикаций. Признавая заслуги “выдающегося слависта-филолога, прекрасно владеющего материалом и методом филологической критики”, Державин, вместе с тем, не мог не “покритиковать” представителя старой школы, значение трудов которого “не стоит переоценивать”. Державин считал, что в исследовании о Кирилле и Мефодии³¹ Лавров предстал как “публицист старого славянофильствующего толка”.

Публикуя на страницах “Вестника Академии наук СССР” обзор архивных документов, отражающих взгляды В.И. Ягица, А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, А.С. Будиловича и других на “украинский вопрос”, В.Н. Кораблев делал общий вывод, что точки зрения этих ученых согласуются с их классовыми позициями³². Он же опубликовал статью “Академик А.Н. Пыпин и славянский вопрос”³³, приуроченную к 100-летию со дня рождения ученого. Пыпин характеризуется как “представитель либерально-буржуазной общественности”, непримиримо относившийся к славянофилам и оставивший заметный след в русском славяноведении, дав первую в России “критическую историю” славянских литератур.

К статьям историко-научного и научно-биографического плана можно отнести и написанный М.Н. Сперанским для "Известий Академии наук СССР" некролог крупного сербского ученого и общественного деятеля Л.В. Стояновича³⁴ — специалиста в области славянской лингвистики, сербской истории и литературы. Статьи о жизни и деятельности выдающихся ученых — русских и зарубежных — наглядно показывают зависимость оценок от личной, гражданской, научной позиции и интеллигентности пишущих.

Кроме советской науки журнальные публикации в начале 30-х годов освещали (хотя и очень слабо) деятельность российских ученых, оказавшихся в эмиграции. П.Н. Сакулин в статье, посвященной I Международному конгрессу филологов-славистов (Прага, 1929)³⁵, рассматривая литературоведческую проблематику на этом форуме, обратил внимание на то, что живущие за границей ученые "следят за движением научной мысли в СССР и не чувствуют отрыва от общей русской культуры". Автор в спокойном тоне упоминал русские научные учреждения за рубежом и их издания, оценивал доклады ученых-эмигрантов на съезде. Однако академичность подхода к этой теме была свойственна не всем авторам. "Антиэмигрантским" характером отличалась статья Н.С. Державина "Наука на службе империализма"³⁶, посвященная известному русскому слависту С.М. Кульбакину, профессору Белградского университета. В этой статье Державин не смог удержаться на строго научном уровне полемики; политика занимает в ней не последнее место. Сам автор утверждает в статье, что "наука и политика едино суть, и нет науки аполитичной ... наука, как идеология, есть одна из важнейших функций политики".

Выступление Державина на страницах "Известий Академии наук СССР" явилось откликом на исследование Кульбакина "Старославянский язык с лексической точки зрения" (1930), в котором доказывается его принадлежность "к сербо-хорватской языковой области" и отвергается точка зрения о его древнеболгарском происхождении. Подобную концепцию ученого Державин, всегда занимавший проболгарскую позицию, называет поддержкой "великодержавной политики сербского фашизма", "оправданием хищнического захвата сербским империализмом злополучной Македонии и ее насилийской денационализации" (в результате образования Югославии). По заключению Державина, "исследование проф. Кульбакина с исключительной рельефностью вскрыло полную методологическую и научно-материальную беспомощность автора". Безусловно, С.М. Кульбакин вынужден был считаться с

политическими и национальными требованиями той страны, где он жил³⁷. Но политический подход к решению проблем языка, проявленный Державиным, куда более откровенный.

В противовес “реакционным методологическим воззрениям” Кульбакина и его “абстрактному пониманию языка как объекта науки” советский академик предлагает основанные на теории Марра взгляды на язык как “социальное явление надстроечного порядка”, слагавшееся “в процессе скрещения языковых множественностей”. Погрузив читателей в туманные лингвистические и исторические рассуждения, Державин предложил свое заключение о том, что язык Кирилла и Мефодия, принадлежавший, по его мнению, к болгарской группе языков и включавший латинские заимствования, отличался от языка местного населения и стал “нормативным литературным языком высших классов”.

В немногочисленных славянских публикациях на страницах академических изданий начала 30-х годов по традиции преобладала еще филологическая тематика. Так, помимо уже упоминавшихся материалов, В.Г. Чернобаев опубликовал в “Известиях Академии наук СССР” статью «Об историко-литературных изучениях в изданиях “Ossolineum”»³⁸. Исследуя печатную продукцию Института Оссолинских за всю его историю, автор проследил изменения характера, форм и принципов изданий в разные исторические периоды, объясняя это как развитием литературного процесса, так и влиянием политики на литературу. Начиная с 60-х годов XIX в., преимущественное место в изданиях института занимают монографии об отдельных авторах или литературных эпохах. Со временем основное внимание стало уделяться вопросам литературных влияний и заимствований, изучение которых велось с помощью сравнительного метода. Автор отметил, что несмотря на ухудшение материального положения “Ossolineum” а после первой мировой войны, его издательская деятельность продолжается.

В “Вестнике Академии наук СССР” была опубликована статья академика Н.К. Никольского “К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи”³⁹, в которой автор затрагивал проблему культурных связей западного славянства с древней Русью. Решив отойти от утверждавшейся в науке схемы проникновения письменности на Русь с помощью переводов с греческого при посредничестве южных славян, Никольский, приводя ряд заслуживающих внимания аргументов, доказывал, что на древнерусских памятниках письменности можно обнаружить влияние западных культур.

Историческая тематика нашла очень скромное отражение в академических журналах. К тому же статьи были посвящены древнему пе-

риоду истории. Так, в “Вестнике Академии наук СССР” академик Б.Д. Греков в статье “Начальный период в истории русского феодализма”⁴⁰ по-путно коснулся вопроса о рабстве и крепостничестве на польских землях (до XIV в.), а в “Известиях Академии наук СССР” С.П. Розанов в исследовании “Евдокия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в.”⁴¹ на большой источниковой базе попытался разобраться в истории жизни дочери и внука Владимира Мономаха — венгерской королевы и ее сына, судьбы которых были связаны не только с Русью и Венгрией, но и с Польшей, Чехией, Византией, Германией, Францией.

Еще одна область славяноведения — славянская этнография робко заявила о себе на страницах “Известий АН СССР” в начале 30-х годов. М.Н. Сперанский в статье “К истории славянской этнографии”⁴² описал материалы этнографического отдела Румянцевского музея, сохранившиеся после Этнографической выставки и славянского съезда в Москве в 1867 г.

К исследованиям историко-культурного характера можно отнести статью Н.С. Державина в “Известиях АН СССР” под названием “Творчество Т.Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении (1814 — 1861 — 1931)”⁴³ (в 1939 г. Державин опубликовал другой вариант этой же статьи, значительно сократив ее и приурочив к 125-летию со дня рождения поэта⁴⁴). Несмотря на тенденциозность и упрощенность в оценке исторических явлений начала XIX в., статья Державина давала широкий общеславянский фон эпохи национального возрождения славянских народов, проявлявшегося в оживлении интереса к своему историческому прошлому, национальной культуре, родному языку, народному быту, а также в росте национально-политического самосознания. Романтической идеологией были пропитаны и “идеи славянского единения”, и “славяноведная наука”.

На общем фоне стремления славян к единству Державин показывает общественно-политическое развитие Украины в начале XIX в., распространение и укрепление там “славянской идеи”, приводит взгляды Н.И. Костомарова на славянскую федерацию, касается идеологии Кирилло-Мефодиевского братства. Рассматривая творчество Шевченко, Державин останавливается на поэме “Еретик, или Иван Гус”, что дало ему повод для подробного рассказа о видном чешском ученом П. Шафарике, которому посвящена поэма, о российском слависте О.М. Бодянском, давшем поэту фактический материал для его произведения. В заключение Державин пишет о сочувствии Шевченко идеи славянской взаимности, “братского единения свободных и равноправных народов на основе политической федерации”.

С работой Державина перекликалась статья В.Н. Кораблева «Вячеслав Ганка и его "Краледворская рукопись"»⁴⁵ (особенно в той части, которая посвящена чешскому национальному возрождению, его идеологии и наиболее видным представителям). Кораблев вполне допускал, что обстановка национального подъема, в которой немалое место занимал интерес к прошлому своего народа, «могла родить желание искусственно создать памятники этого прошлого». Не обвиняя Ганку, лишь выполнившего «социальный заказ», Кораблев останавливается на дальнейшей судьбе Краледворской и Зеленогорской рукописей, на дискуссии вокруг их подлинности. Характеризуя В. Ганку, Кораблев изобразил его как агента царского правительства.

К этой же группе работ может быть отнесена статья П.Н. Беркова «К истории русско-польских культурных отношений конца XVIII и начала XIX века»⁴⁶, которую автор посвятил И.Т. Александровскому, «профессору российского языка и словесности в Кременецком лицее». Приведенный в статье материал свидетельствовал о том, как русский профессор, приехавший на польские земли с намерением проведения там «русификаторских тенденций», был захлестнут потоком «широкого шляхетско-реставрационного движения».

Так же мало места славянская тематика занимала в «Хронике научной жизни» — специальном разделе «Вестника Академии наук СССР», публиковавшем сведения о научных событиях в нашей стране и за рубежом. В 1933 г. в нем очень кратко сообщалось о VII Международном конгрессе историков в Варшаве⁴⁷, а в следующем году упоминалось о выставке, посвященной первому периоду славянского книгопечатания⁴⁸ (Международный съезд славистов 1934 г. в Варшаве, в котором советская делегация не принимала участия, не нашел отражения в хронике).

С 1934 до 1938 г. славянская тематика в академических изданиях отсутствует, что соответствует самому тяжелому периоду в судьбе отечественного славяноведения. В 1938 г. появляются первые вестники возрождения славистики на журнальные страницы. В «Известиях Академии наук СССР» была напечатана статья У.А. Шустера «К вопросу об образовании внутреннего рынка для капитализма в Польше»⁴⁹. Автор рассматривал аграрную реформу 1864 г. в Царстве Польском и ее последствия. Не соглашаясь с версией о ее проведении в интересах крестьян для создания в их среде опоры русской власти и ослабления господства шляхты, Шустер приходил к выводу, что следствием этой реформы было усиление процесса обезземеливания широких крестьянских масс, дробления крестьянских хозяйств, что создавало внутренний рынок для развития капитализма.

В четвертом номере журнала за тот же год, полностью посвященном известному русскому филологу А.Н. Веселовскому, нашлось место лишь для краткого упоминания о его работах по славянским литературам в статьях В.Ф. Шишмарева и М.П. Алексеева⁵⁰.

В 1939 г. в хроникальных заметках “Вестника АН СССР” получила освещение (хотя далеко не полное) развернувшаяся в Академии наук дискуссия об этногенезе славян. Обзор обсуждения этой проблемы показывал приверженность большинства ученых к учению Марра, выявлял противников теории славянской прародины, “теории миграций”, сторонников “теории скрещений” и т. п.⁵¹ (подробнее см. очерк “Изучение истории славянских народов”).

Историографический аспект изучения древнейших судеб славянства в Прикарпатских областях был затронут в статье Б.Д. Грекова⁵².

Другой темой, имевшей актуальный политический интерес в конце 30-х годов, была судьба Западной Украины и Западной Белоруссии. В связи с присоединением этих территорий к СССР в “Вестнике АН СССР” была опубликована статья академика И.П. Трайнина “Национальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии”⁵³. “Причины военного поражения бывшего польского государства” автор видит в “болезнях и язвах, свойственных каждому капиталистическому многонациональному государству”, в неразрешенности национального вопроса, что уже привело к “развалу” Польши и Чехословакии и грозит распадом Югославии и Румынии. Излагая историю Польши после первой мировой войны, подчеркивая ущемление прав национальных меньшинств в этой стране, автор объясняет, что с началом “польско-германской” (т. е. второй мировой) войны договоры СССР с бывшим польским правительством потеряли значение; Польша не выполняла свои международные обязательства по отношению к украинцам и белорусам; развал Польши создавал угрозу для СССР; судьба братских народов не безразлична Советской стране, поэтому Красная Армия перешла границу и взяла их под свою защиту, способствуя их скорейшему национальному и социальному освобождению и возрождению.

Этому же событию была посвящена статья З. Неедлы “Борьба украинцев Буковины за свою национальную независимость”⁵⁴ (аналогичная опубликованной тем же автором в журнале “Советская наука”).

Практически этим и ограничивается славистическая тематика на страницах академических журналов. В изданиях исторического и общественно-политического профиля публикаций о славянских странах было, может быть, несколько больше, но они, как правило, отличались определенной направленностью.

Преобладающий интерес советских историков-марксистов к политическим вопросам был настолько очевиден, что неоднократно отмечался западными учеными и представителями русского зарубежья⁵⁵. Ежемесячный журнал Общества историков-марксистов "Борьба классов" (1931 — 1936, ответственный редактор — М.Н. Покровский, с 1933 г. — Б.М. Волин) был рассчитан прежде всего на партийный, комсомольский и колхозный актив. Первый номер журнала открывался статьей М.Н. Покровского "Ленин и история"⁵⁶, в которой подчеркивалась теснейшая связь между историей и политикой.

Политический характер носят и все без исключения славянские статьи, опубликованные в журнале "Борьба классов", о чем свидетельствуют даже их названия. Таковы статьи З. Абрамова "Польский социал-фашизм (ППС) во время войны и интервенции белополяков против Советской республики в 1919 — 1920 гг."⁵⁷ и А. Франковской "Краковское вооруженное восстание"⁵⁸, в которых делается вывод о "контрреволюционной", "предательской" роли ППС по отношению к рабочему классу, вместе с тем подчеркивается возрастающая роль компартии, которая сметет вскоре ППС и поведет польский народ в бой "за польский Октябрь".

Несмотря на определенную политическую и идеологическую направленность статей журнала и сугубо критический тон по отношению к идеологическим противникам, зачастую из самой критики или из изложения существа дела можно было при внимательном чтении и анализе материала извлечь крупицы истины или замалчиваемые факты. Так, из статьи С. Кржижановского "Польская социал-демократия на II съезде РСДРП"⁵⁹, в которой рассматривалась имеющая "актуальное значение" "история поражения" взглядов социал-демократии Польши на партийном съезде в 1903 г., становилось очевидным, что польских рабочих и их партию не удовлетворяло ленинское решение национального вопроса.

В соответствии с названием журнала многие статьи в нем посвящены классовой борьбе (в основном — рабочему движению), революционным событиям, деятельности левых партий⁶⁰. Несмотря на преобладающий интерес к польской тематике, в журнале встречались статьи, касающиеся истории южнославянских народов в XIX в. Основная идея этих статей заключалась в критике славянской политики русского самодержавия. П. Павлович, автор статьи "Авантюры русского царизма в Болгарии в 80-х и 90-х гг."⁶¹, не сомневался, что действия России с 60-х годов были подчинены одной цели — оккупации Болгарии и завоевания проливов (для чего якобы инсценировались восстания в Болгарии в 1886

и 1887 гг.). Но, заключает автор, политика России потерпела “полное поражение”, “открытая интервенция царизма” в болгарские дела не удалась. Подобное одностороннее, необъективное отношение к политике России на Балканах во второй половине XIX в. было достаточно распространено в советской историографии начала 1930-х годов⁶².

Статья под таким же названием была опубликована шесть лет спустя в “Ученых записках” Ленинградского государственного университета⁶³. Ее автор, С. Сидельников, по-прежнему рассматривал славянскую идею через призму “панславизма”, а политику России на Балканах как исключительно захватническую (при том, что основная масса российского населения оставалась, по мнению автора, абсолютно индифферентной к Восточному вопросу). Подобные выводы в конце 30-х годов звучали уже как анахронизм.

Столь же узко и примитивно оценивалось отношение России к идее славянского единства. Это отчетливо выражено в статье К. Селезнева “Южнославянские народы в революции 1848 г.”⁶⁴. Панславизм — неоднородное и многоплановое явление — рассматривался как недифференцированное движение, сыгравшее “гнусную роль в годы революции 1848 — 1849 годов”. Панславизм, по мнению автора, “вдохновляла” и “оплачивала” (с помощью Славянского благотворительного комитета) Россия, тем самым поддерживая “контрреволюцию” (автора не смущило даже то обстоятельство, что упомянутый комитет возник в 1858 г.). Статья заканчивается в характерном для тех лет стиле — дифирамбами в адрес СССР, строящего социализм, разрешившего национальный вопрос, являющегося оплотом мира и свободы, на который с надеждой взирают, к которому тянутся “малые народы Восточной Европы”.

Учитывая специфику журнала, Н.С. Державин, пропагандируя славяноведение, прежде всего подчеркивал, что это “специальная область знания”, занимающаяся “на основе марксизма-ленинизма” “изучением истории классовой борьбы”, а затем уже — “экономики, литературы, языков, этнографии и фольклора группы славянских народов” и вступающая “в общий фронт советского обществоведения”⁶⁵. К сожалению, эта статья не оказала должного воздействия на власти и научную общественность (через несколько месяцев после ее публикации Институт славяноведения был закрыт).

Журнал “Борьба классов” не прошел мимо такого события научной жизни, как VII Международный конгресс исторических наук в Варшаве (1933 г.). Однако все информационные и аналитические материалы о нем подавались с упрощенно понятных классовых позиций, в духе борь-

бы с буржуазной “объективностью”, “apolитичностью”, “беспартийностью” исторической науки⁶⁶.

В 1937 г. начал выходить “Исторический журнал” (ответственный редактор Б.М. Волин), преобразованный из “Борьбы классов”. Новый журнал предназначался для преподавателей школы, пропагандистов, учащейся молодежи, поэтому сочетал научный и популярный подходы к освещению тех или иных исторических событий “на основе директив партии”.

“Исторический журнал” более других изданий оказался насыщен славянской тематикой. Характер и проблематика публикуемых материалов в значительной мере определялись внутриполитической и международной обстановкой. Агрессивные планы фашизма вызвали соответствующую реакцию историков. Авторы статей в “Историческом журнале” обращались к ранним периодам славянской истории, чтобы осветить начальные и последующие этапы славяно-германских отношений и выступить против попыток ряда немецких ученых пересмотреть историю в духе фашистских теорий. Так, статья И. Ивашина “Немецкая колонизация Прибалтики и планы восточного реванша Гитлера”⁶⁷, касаясь событий XIII — XIV вв., была направлена против попыток фашистской историографии рассматривать «колонизацию Прибалтики как “историческую” предпосылку для современной империалистической экспансии».

Тот же автор в следующем году поместил статью “Гуситские войны и тaborиты”⁶⁸. Обращение к теме героической борьбы чешского народа в то время, когда Чехословакия находилась под властью фашистов, автор объяснял необходимостью напомнить о славных исторических традициях чехов, а также дать отпор фашистским извращениям истории. Но сам Ивашин, рассматривая причины неудач гуситов, исходил из вульгарно-социологических объяснений исторических явлений и событий, считая (вслед за Сталиным), что крестьянские восстания, подобные гуситским войнам, бывают успешны лишь при руководстве со стороны рабочих и в сочетании с рабочим восстанием.

О важности соединения национально-освободительной борьбы чешского народа с рабочим движением в конце XIX — начале XX вв. говорилось еще в одной статье И. Ивашина⁶⁹. В ней, как и в других, экскурс в историю был тесно связан с реалиями современности. Автор подчеркивал, что народ Чехословацкой республики, как и раньше, сохраняет дух демократизма, патриотизма и решимости не поступаться свободой своей родины и готов к отпору фашистским захватчикам.

Ряд статей в журнале был посвящен борьбе украинского и белорусского народов против Польши⁷⁰. Как показывали авторы статей, эта

борьба носила социальный, национальный и религиозный характер. Для территорий, отошедших по разделам Польши к Российской империи, в этом акте виделся положительный момент (в “Историке-марксисте” примерно в то же время была отмечена тенденция советских историков квалифицировать разделы Польши как “наименьшее зло” для украинского и белорусского народов, которые в России испытывали меньшее угнетение, чем в Речи Посполитой. Журнал со своих классово-непримиримых позиций предлагал прежде всего учитывать, что царская Россия при разделах заботилась об интересах господствующих классов, а не широких народных масс⁷¹). Накануне присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в печати все более ощущается антипольский настрой; низводится роль и значение Польши в мировой истории (что ощущается в статьях И. Лочмеля, Е. Шутого и др.). Разделы Польши освещались в статье И. Дайри “Крушение польского государства в XVIII в.”⁷² Остановившись на экономических, социальных, политических условиях жизни польского государства, автор делал вывод, что страх перед народной войной, которая только и могла спасти Польшу от распада, привел шляхетство на путь предательства интересов своего народа — в этом он видел причину падения польского государства в XVIII в.

Со статьей И. Дайри тематически перекликается статья А. Манусевича “Исторические предпосылки краха Польши”⁷³, которая как бы наводит мост между разными историческими эпохами. Статья, опубликованная вскоре после начала второй мировой войны, явно учитывает конъюнктуру момента и очевидно направлена против Польши и стран Антанты. “Банкротство” политики Польши автор считает “ярким показателем полной нежизненности и окончательного раз渲а целой империалистической системы, связанной с версальским мирным договором”. Манипулируя цитатами “непререкаемых авторитетов” — основоположников марксизма-ленинизма, Манусевич подводил читателей к мысли о том, что независимость Польши, утратившей свое революционное значение, уже не так важна для европейского пролетариата. Автор полагал, что после Октябрьской революции Польше совсем не обязательно было использовать предоставленное право на отделение. Оценивая созданное в результате Версальского мира польское государство как “буферное”, он подчеркивал, что лозунг “Польша от моря до моря” был не столько польским, сколько “антантовским”. Создание независимого польского государства, а также “польского коридора” для выхода к Балтийскому морю, по мнению автора, пагубно отразилось на экономике Германии (так как к Польше отошли важнейшие сельскохозяйственные области и

индустриальная Познань). В стиле "боевых" передовиц тех лет выдержано и обвинение в адрес "матерого бандита и врага народа Троцкого, который ... сорвал победные операции Красной Армии по освобождению белорусского, украинского, польского и других народов от панско-го и антантовского гнета". В заключение делался вывод о том, что Польша — лоскутное, искусственное соединение, клубок национальных и социальных противоречий и что своей внутренней и внешней политики она "обрекла себя на неизбежный распад и позорное поражение".

Одному из эпизодов антифеодальной борьбы украинских и польских крестьян посвящена статья "Крестьянское восстание 1846 г. в Галиции"⁷⁴. Ее автор, В. Довженок, достаточно объективно и разносторонне осветил эту проблему, обратившись и к историографии вопроса, разобрал мотивы и значение восстания. Однако научный уровень статьи снижал вывод о причинах поражения восстания, самую существенную из которых автор видел в отсутствии у крестьян союзника в лице рабочего класса.

На присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР журнал откликнулся краткой исторической справкой Н.Л. Рубинштейна⁷⁵ и статьей Ю.В. Готье⁷⁶, в которой прослеживаются исторические судьбы этих земель, начиная со времен Киевской Руси, и напоминается о едином прошлом трех восточнославянских народов. Октябрьскую революцию автор называет "зарей освобождения" для народов Западной Украины и Западной Белоруссии, отмечая, что подлинные свободы и воссоединение наступили только в 1939 г.

Те же вехи в истории Западной Украины и Западной Белоруссии отмечены в книге В.И. Пичеты "Основные моменты истории развития Западной Украины и Западной Белоруссии" (М., 1940), которую рецензирует в журнале И. Бас⁷⁷. Как достоинство книги в отзыве отмечается популярное изложение в сочетании с научно-исследовательской глубиной. В качестве замечаний рецензент указал на нехватку, с его точки зрения, ярких фактов бесправного положения крестьянства, отсутствие примеров "единого фронта" польских, украинских и белорусских крестьян, которые, как ему представлялось, "найти в некоторых документах можно было". "Ощущительным пробелом в книге", говорилось в отзыве, является неразработанность вопросов о развитии капитализма, рабочего движения и роли коммунистической партии.

В традиционном духе был выдержан специальный выпуск "Ученых записок ЛГУ" (вып. 7 в Серии исторических наук, подготовленный в 1940 г. и вышедший в свет в 1941 г.), целиком посвященный годовщине вхождения Западной Украины и Западной Белоруссии в СССР. Пафос

сборника заключался в том, что Советская страна и Красная Армия привнесли освобождение тем территориям, которые “в течение ряда десятилетий были областями исключительного национального гнета, дикого разгула польского панства, жесточайшего преследования культуры украинского и белорусского народов”⁷⁸. Этот сборник явился еще одной иллюстрацией негативного отношения к Польше, которое, имея политические “корни”, проявлялось не только в политике, но и в науке на рубеже 30—40-х годов.

Журнал “Историк-марксист” издавался Обществом историков-марксистов и Институтом истории Комакадемии (в редколлегию входили М.Н. Покровский, Ем. Ярославский, Ц. Фридлянд, Н.М. Лукин, П.О. Горин, А.М. Панкратова и др.), а с 1936 г. стал органом Института истории АН СССР. Своей задачей журнал ставил марксистско-ленинскую разработку истории, методологических проблем, вопросов преподавания, критику буржуазных теорий. Советские историки-марксисты поставили перед собой цель — вскрыть “связь между буржуазной исторической наукой и буржуазной контрреволюцией, связь до самых глубоких идейных ее истоков”⁷⁹. В свете подобных установок, книга Ю.В. Готье “Железный век в Восточной Европе” (1930) была оценена в журнале (рецензент И. Куршанак) как образец идеологии интервенции против СССР. Рассмотренные ученым события, связанные с образованием “славяно-норманнского государства”, интерпретировались как пропаганда им “уничтожения народовластия” и установления “военной деспотии” новых норманнов. Извратив удобным для себя образом позиции Готье и настроив против него общественное мнение, журнал обращался к ученыму с ультимативным призывом: “или с нами за социализм, или против социализма, тогда прочь от нас!”⁸⁰

В “Историке-марксисте” статьи по истории зарубежных славянских народов носили более выраженный научный характер и имели чуть меньшую политическую заостренность, чем в “Борьбе классов”, однако необходимый “набор” выверенных “марксистских” лозунгов, оценок, определений неизбежно присутствовал. Статьи М. Миско “Революционный кризис в Польше в 1923 г. и тактика польской компартии”⁸¹ и “Маркс и Энгельс о польском вопросе”⁸² заканчивались твердой уверенностью автора в скорой победе пролетарской революции в Польше под руководством компартии и полном социальном и национальном освобождении.

Вопрос об изучении истории Польши поднимался журналом в связи с откликами на VII Международный конгресс историков в Варшаве, работе и итогам которого были посвящены статьи Н.М. Лукина⁸³,

А.М. Панкратовой⁸⁴ и М.В. Джервиса⁸⁵. В них в основном повторялись сведения, опубликованные и в других изданиях. Новым было, пожалуй, сделанное по итогам работы конгресса признание, что советские ученые мало уделяли внимания истории Польши, однако не все в прошлом этой страны могло стать предметом изучения историков-марксистов: такие проблемы, как правление короля Станислава-Августа не должны их интересовать, в центре их изучения будут вопросы революционного движения, политики царизма в Польше и т. п.⁸⁶ Журнальные публикации 30-х годов на темы польской истории вполне следуют этой установке, что резко отличает их от польской исторической науки того времени. В качестве характерных особенностей польской историографии начала 30-х годов автор отмечал ограничение хронологических рамок исследований 1831 г., “идеализацию феодального прошлого”, усиление роста интереса к экономической и социальной истории.

Несколько публикаций в журнале “Историк-марксист” были посвящены истории социалистического и коммунистического движения в славянских странах⁸⁷.

С 1936 г., не изменив свое основное направление, журнал стал больше внимания уделять исторической науке в нашей стране и за рубежом, в том числе в славянских странах: встречам историков, новинкам исторической литературы, деятельности исторических обществ и организаций⁸⁸. Отмечалось даже расширение связей ученых СССР и Чехословакии, что открывало для советских историков возможность изучения в чехословацких архивах материалов, имеющих отношение к истории России⁸⁹, но была ли реализована подобная возможность, журнал не сообщал.

В 1937 г. “Историк-марксист” обратил внимание на происходящую в Польше “фашизацию исторической науки”, интересы которой “принесены в жертву требованиям политики из опасения, как бы не рассердить г. Гитлера!”⁹⁰ (После августа 1939 г. вряд ли можно было бы увидеть такое заявление на страницах журнала.)

В том же году в журнале появились тенденции отхода от прямолинейных вульгарно-социологических объяснений истории. Попытки были сделаны в рецензиях Н.М. Дружинина и С.А. Никитина. В отзыве Дружинина на книгу С.Н. Драницына “Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность” (Л., 1937) говорилось, что автор, манипулируя цитатами, пересмотрел взгляды зарубежных и советских историков на восстание 1863 г. и определил его как буржуазное, антидворянское, демократическое. Рецензент выразил несогласие с таким определением

характера восстания, подчеркивая, что дворянство было сильно и его участие в восстании — значительно (в то же время он отметил, что революционеры были враждебны феодальной аристократии)⁹¹.

С.А. Никитин в критических заметках о сборнике документов “Авантуры русского царизма в Болгарии” (М., 1935)* обращал внимание на то, что не следует смешивать ранних и поздних славянофилов, а также нужно иметь в виду и различия во взглядах ранних славянофилов. Он отмечал, что сборник, касающийся важной темы, выполнен плохо: в нем не освещены некоторые важные вопросы балканской политики России, имеются большие упущения в подборе материалов и много других недостатков⁹².

Начиная с 1938 г. журнал отражал в хроникальных заметках основные этапы подготовки многотомника по истории СССР и связанной с этим дискуссии по вопросам этногенеза и древней истории славянских народов. Актуальность этой тематики связывалась также с “необходимостью отпора фашистской теории происхождения племен и народов”⁹³.

Журнал уделял внимание работе историков МГУ, Института истории АН СССР, а также АН УССР и АН БССР, в том числе и в области славянской истории⁹⁴.

В начале 1941 г. журнал поместил историографическую статью З. Неедлы “К истории славяноведения до XVIII века”⁹⁵, в которой затрагивался важный вопрос о предыстории научного славяноведения в славянских странах и в Западной Европе, о том наследстве знаний о славянах, которое досталось современной науке от прошлого (славяноведение в России — самостоятельная большая тема не входила в задачи автора статьи). Ученый остановился на источниках сведений о древних славянах. В отличие от русских дореволюционных славистов и своих советских коллег, Неедлы относит рост “буржуазного” национального самосознания, формирование национального языка, усиление идеи славянского единства, которая получает классовую (буржуазную) основу, ко времени “буржуазной оппозиции”, датируемой им XIV — XVI вв. (отечественная историография относит эти процессы к концу XVIII — первой половине XIX в.). С гуманизмом XVI в. связывает автор появление новой науки о славянах, которая стала развиваться в “гуманистическом направлении”.

Католическая контрреформация, пишет Неедлы, пытаясь создать

---

* Составитель сборника П. Павлович явно заимствовал название из своей же статьи 1933 г. (см. выше).

свое славяноведение (проповедь “иллиризма” у южных славян, политического панславизма — в Польше). Иезуиты стремились уничтожить сознание общности славянских народов и национальное самосознание (вместе с тем, автор выделяет роль “первого панслависта русской ориентации” католика Ю. Крижанича).

В век Просвещения, по периодизации Неедлы, закладываются основы “критического славяноведения”, проникающего в мировую науку (автор высоко оценивает труды Й. Добровского).

Затрагивая попутно вопрос о советском славяноведении, Неедлы объяснял со своей точки зрения упадок этой науки в послереволюционное время и побуждал советских коллег с большей энергией проводить славянские исследования (подробнее см. очерк «Поиски путей “реабилитации” и попытки возрождения славяноведения»).

Лингвистических и литературоведческих журналов, подобных историческим, в 30-е годы было очень мало. Одним из них в начале десятилетия был журнал “Литература и марксизм” (1926 — 1931, под общей редакцией П.И. Лебедева-Полянского), основанный РАНИОН и Институтом красной профессуры и призванный освещать вопросы теории и истории литературы. В последние годы своего издания журнал не уделял внимания славянским литературам. В 1930 г. на его страницах шла “идеологическая” борьба против “переверзщины” и “поливановщины”⁹⁶. Для направления журнала были характерны нападки на индоевропеистику. Д.К. Данилов в статье “Лингвистика и современность”⁹⁷ставил знак равенства “между индоевропеистикой в ее методологических построениях на всем протяжении развития этой школы и идеализмом как философской системой”. Автор не сомневался, что с этой “буржуазной по своей классовой природе” научной школой “лингвисты-марксисты должны вести непримиримую борьбу”, причем эту борьбу, по его убеждению, следует персонифицировать, вскрывая “конкретных носителей зла” (среди которых он называет М.Н. Петерсона, Л.В. Щербу, Е.Д. Поливанова), поскольку они “опасны не сами по себе, а как учёные агенты и проводники идеологии международной буржуазии”. Подобные статьи преобладали и в других номерах журнала.

Кроме научных журналов славяноведение иногда проникало на страницы непериодических, серийных изданий или отдельных тематических сборников. Так, в издании научно-исследовательского Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ, затем — Институт речевой культуры) “Язык и литература” в 1930 — 1931 гг. были опубликованы статьи К.А. Пушкиревича, Н.С. Державина, Д.Д. Димитрова, С.С. Советова, Л.В. Матвеевой-Исаевой.

В статье К.А. Пушкаревича «Об одной польской переделке комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума”»⁹⁸ анализируется созданный писателем, драматургом и переводчиком А. Корженевским вариант пьесы с учетом польской специфики и представляющий собой “сатиру на современное ему разлагающееся под влиянием капитализма польское дворянство”.

Н.С. Державин в статье “Славяне и Византия в VI в.”⁹⁹ рассматривает труды Константина Багрянородного как источник для изучения “этногонии и истории сербо-хорватов”. Автор ставит вопросы, которые на рубеже 30 — 40-х годов получили развитие в дискуссии об этногенезе славян. Будучи сторонником Марра, Державин считал, что этнический аспект проблемы нельзя решать без “кавказского материала”, который “еще ждет внимания к себе славяноведов и которому суждено сыграть в славяноведении большую роль”. Из арсенала марровского учения автор использует методику, выраженную терминами “скрещение” и “элементный анализ”, считая, что не следует широко применять “миграционный” подход. В результате своих изысканий Державин приходит к выводу, что сербы и хорваты являются лишь “диалектическими вариантами общего палеоэтнологического архетипа — *сармат*”.

Эпизод из истории болгарских колоний на территории СССР представил Д. Димитров (статья напечатана на болгарском языке)¹⁰⁰. С. Советов напечатал стихотворный перевод лирико-эпической поэмы сербского поэта первой половины XIX в. Б. Радичевича “Прощание с друзьями”¹⁰¹ с кратким предисловием, в котором знакомил читателей с биографией поэта и его творчеством, проникнутым “призывом ко всем мелким славянским народностям — объединиться в одном славянском хороводе”.

Статья Л.В. Матвеевой-Исаевой “Различные отложения глоттогонического процесса в славянской акцентологической системе”¹⁰², опирающаяся на марровское “новое учение о языке”, полна нападок на индоевропейское языкознание, рамки которого, по мнению автора, “слишком тесны для полного объяснения акцентологических фактов славянских языков”, в то время как “система акцентуации славянских языков вплотную подводит к вопросу о их стадиальности”, составляющей одно из основных положений яфетической теории. Исходя из установки этой теории, которая относит язык к надстроенной категории, автор статьи выводит заключение, что фонетические изменения в речи связаны с “требованиями нарастающей общественности”.

В целом филологическая проблематика нашла значительно меньшее освещение на страницах научной периодики, чем историческая.

Журнальные публикации 1930-х годов на славянские темы отражали общее состояние и тенденции, характерные для славяноведения этого

периода. В начале десятилетия в них преобладала традиционная филологическая проблематика, уделялось внимание деятельности крупных ученых, наблюдался уход от изучения современности в прошлое. Наряду с этими проявлениями старого академического славяноведения усиливались "осовечивание" науки, нападки на дореволюционную славистику, "непримиримая" борьба со старыми научными направлениями и школами (что шло в русле общей травли славяноведения в массовой печати). В то же время возрастает доля статей политico-публицистического, историко-партийного, социально-экономического характера; все чаще поднимаются темы классовой борьбы, истории общественно-политической мысли и др.; преобладают публикации о событиях XIX — XX вв. Несмотря на идеологическую ограниченность, это расширяло рамки знаний о славянах, позволяло изучать их в новом аспекте.

С почти полным прекращением славистических исследований и подготовки славистов в середине 30-х годов связан перерыв в журнальных публикациях на славянские темы. Возобновление их приходится на последние годы десятилетия и отражает изменения в политической и научной конъюнктуре, связанные с переломом в общественном отношении к славяноведению. Первой положительной реакцией было освещение на страницах научных журналов академических дискуссий о славянском этногенезе (выявивших довольно сильные позиции марризма в гуманитарных науках). Внешнеполитические события наложили свой отпечаток на подачу материала о некоторых славянских народах, изменения в зависимости от событий акценты в отношении к их роли в истории. В конце 30-х годов отмечается безусловное преобладание в научной периодике исторических работ о славянстве, а среди них, как и прежде, предпочтение отдается польской тематике.

Идеологическая заданность и схематичность рассмотрения разновременных исторических событий, отсутствие свободного творческого подхода к исследованию истории и культуры славянских народов во всем их многообразии и неповторимости делало публикации в различных научных журналах (несмотря на некоторые отличия в их ориентации) бесцветными и однообразными, похожими друг на друга как близнецы не только по идее, но и по конкретной разработке материала. Вместе с тем, появились попытки уйти от примитивизации и вульгаризации в анализе и оценках исторических и историко-культурных событий и явлений.

И все же, при отсутствии специальных периодических и непериодических славистических изданий сравнительно немногочисленные публикации по славянской тематике в научной печати давали не только

информационно-познавательный материал о славянах для читателей, но и возможность для исследователей реализовать результаты своих разработок (хотя, по всей видимости, некоторые статьи писались “на злобу дня” и имели “заказной” характер).

Журнальные публикации 30-х годов, охватывающие славянскую проблематику, несмотря на их “идейно-политическую” специфику, объективно имели определенное положительное значение для сохранения славяноведения и сыграли немалую роль на начальном этапе его возрождения, привлекая внимание научной и широкой общественности к проблемам изучения славянских народов.

Примечания

¹ См.: Николай Севастьянович Державин. М. — Л., 1949. С. 57–58; Изучение истории славянства // Известия. 1939. 21 апреля; и др.

² См.: Научное слово. 1928. № 1. С. 3–4; 1929. № 8. С. 115; Известия ВАРНИТСО. 1929. № 1. С. 1–2; № 3. С. 1–2.

³ Научное слово. 1928. № 1. С. 3–4.

⁴ Там же. 1929. № 2. С. 98–102.

⁵ Там же. 1930. № 1. С. 3–39.

⁶ Там же. 1931. № 1. С. 8.

⁷ Известия ВАРНИТСО. 1930. № 1. С. 2; Фронт науки и техники. 1931. № 3. С. 57, 72, 73.

⁸ Фронт науки и техники. 1936. № 1. С. 87.

⁹ Известия ВАРНИТСО. 1930. № 1. С. 4–5.

¹⁰ Там же. № 2. С. 23, 73; № 1. С. 6.

¹¹ Там же. № 5. С. 20.

¹² Там же. № 11–12.

¹³ См.: Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Кн. 1. С. 97–98.

¹⁴ Известия ВАРНИТСО. 1930. № 2. С. 25, 35–36, 69.

¹⁵ Вольфсон С. Классовая борьба на научном фронте Белоруссии // Известия ВАРНИТСО. 1931. № 1. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 38–41.

¹⁷ Фронт науки и техники. 1932. № 3. С. 91–93.

¹⁸ Там же. № 6. С. 78–80.

¹⁹ Батуринский Д. Положение трудящегося крестьянства в Польше // Фронт науки и техники. 1936. № 4. С. 83–91.

²⁰ Фронт науки и техники. 1932. № 7–8. С. 84–89.

²¹ [Павлов Т.] Борьба за диалектический материализм в Болгарии // Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 118–19 (опубл. под псевд. Досев П.); Милич М. Борьба за диалектический материализм в Югославии // Там же. С. 119–120.

²² [Рец. на кн.:] Против фашистской фальсификации истории. Сб. статей. М. — Л., 1939 // Советская наука. 1939. № 6. С. 166.

²³ Пичета В.И. Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская наука. 1939. № 12. С. 155–170.

²⁴ Гагарин А.П. Из истории идеологической борьбы в Западной Украине // Советская наука. 1940. № 6. С. 3–16; Неедлы З.Р. Борьба буковинских украинцев за национальную независимость // Там же. № 10. С. 3–16.

²⁵ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 3. С. 167–192.

²⁶ Вестник Академии наук СССР. 1931. № 4. Стлб. 21–26.

²⁷ Там же. № 10. Стлб. 62.

²⁸ Ляпунов Б.М. Краткий обзор жизни и научной деятельности П.А. Лаврова // Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1930. № 8. С. 547–557; Сперанский М.Н. Палеографические труды П.А. Лаврова // Там же. С. 559–572; Чернобаев В.Г. П.А. Лавров как историк литературы // Там же. С. 573–583.

²⁹ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1930. № 8. С. 556.

³⁰ Там же. 1931. № 2. С. 137–169.

³¹ Лавров П.А. Кирило та Методій в давньо-слов'янської письменності. Київ, 1928.

³² Кораблев В.Н. Украинский вопрос в прошлом и русские академики (Из архива Академии Наук) // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 5. Стлб. 19–26.

³³ Вестник Академии наук СССР. 1933. № 8–9. Стлб. 67–78.

³⁴ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1931. № 2. С. 131–135.

³⁵ Сакулин П.Н. Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов // Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1930. № 6. С. 415–440. Подробнее см.: Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 20-е-30-е годы // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 131–132.

³⁶ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 2. С. 125–149.

³⁷ См.: Бернштейн С.Б. А.М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 17.

- ³⁸ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1930. № 4. С. 265–282.
- ³⁹ Вестник Академии наук СССР. 1933. № 8–9. Стлб. 5–18.
- ⁴⁰ Там же. № 7. Стлб. 13–18.
- ⁴¹ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1930. № 8. С. 585–600.
- ⁴² Там же. 1931. № 8. С. 985–1000.
- ⁴³ Там же. 1932. № 5. С. 395–421.
- ⁴⁴ Державин Н.С. Творчество Т.Г. Шевченко в его историческом и идейном окружении // Вестник Академии наук СССР. 1939. № 4–5. Стлб. 88–97.
- ⁴⁵ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 6. С. 521–543.
- ⁴⁶ Там же. 1934. № 9. С. 703–742.
- ⁴⁷ Вестник Академии наук СССР. 1933. № 11. Стлб. 41–44.
- ⁴⁸ Там же. 1934. № 4. Стлб. 53–58.
- ⁴⁹ Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1938. № 1–2. С. 133–160.
- ⁵⁰ Там же. № 4. С. 23, 129.
- ⁵¹ Вестник Академии наук СССР. 1939. № 4–5. Стлб. 176; № 6. Стлб. 45–54; № 7. Стлб. 26–38.
- ⁵² Греков Б.Д. Древнейшие судьбы славянства в Прикарпатских областях // Вестник Академии наук СССР. 1940. № 11–12. Стлб. 27–37.
- ⁵³ Вестник Академии наук СССР. 1939. № 8–9. Стлб. 1–24.
- ⁵⁴ Там же. 1940. № 11–12. Стлб. 38–50.
- ⁵⁵ См., например: Аксенова Е.П. Историческая наука СССР ... С. 97, 99.
- ⁵⁶ Борьба классов. 1931. № 1. С. 1–2.
- ⁵⁷ Там же. 1932. № 5. С. 53–64.
- ⁵⁸ Там же. 1933. № 12. С. 29–34.
- ⁵⁹ Там же. № 8–9. С. 113–121.
- ⁶⁰ Мордвинов М. Всеобщая политическая стачка в Австро-Венгрии (январь 1918 года) // Борьба классов. 1935. № 11. С. 58–70; [Битнер Г.] Советы рабочих депутатов в Польше в 1918 — 1919 гг. // Там же. 1936. № 1. С. 51–61 (опубл. под псевд. Бич Г.); Шмидт В. У истоков социал-демократии Польши и Литвы // Там же. 1936. № 5. С. 60–69; и др.
- ⁶¹ Борьба классов. 1933. № 6. С. 107–125.
- ⁶² См.: Державин Н.С. Институт славяноведения Академии наук СССР (Итоги научно-исследовательской работы) // Борьба классов. 1934. № 2.

С. 115–116; *Пушкаревич К.А.* Балканские славяне и русские “освободители” // Труды Института славяноведения. М.-Л., 1934. Т. 2. С. 189–229; и др.

⁶³ *Сидельников С.* Авангарда русского царизма в Болгарии (1878 — 1896 гг.) // Ученые записки ЛГУ. Сер. истор. наук. 1939. № 36. Вып. 3. С. 145–180.

⁶⁴ Борьба классов. 1936. № 10. С. 36–50.

⁶⁵ *Державин Н.С.* Институт славяноведения Академии наук СССР...

C. 115–116.

⁶⁶ Борьба классов. 1933. № 10.

⁶⁷ Исторический журнал. 1937. № 8. С. 73–84.

⁶⁸ Там же. 1938. № 2. С. 87–101.

⁶⁹ *Ивашин И.* Национально-освободительная борьба чешского народа в период довоенного империализма // Исторический журнал. 1938. № 8. С. –85.

⁷⁰ *Лочмель И.* Борьба белорусского народа против литовского и польского ига // Исторический журнал. 1938. № 7. С. 24–35; *Штой Е.* Народное восстание на Украине против панской Польши в 1637–1638 годах // Там же. 1939. № 5. С. 65–80.

⁷¹ Историк-марксист. 1939. № 3. С. 212–213.

⁷² Исторический журнал. 1939. № 10. С. 16–25.

⁷³ Там же. № 11. С. 58–69.

⁷⁴ Там же. 1941. № 3. С. 46–55.

⁷⁵ *Рубинштейн Н.* Западная Украина и Западная Белоруссия (краткая историческая справка) // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 10–15.

⁷⁶ *Готье Ю.В.* Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 94–99.

⁷⁷ Исторический журнал. 1941. № 1. С. 135–139.

⁷⁸ Ученые записки ЛГУ. Сер. истор. наук. 1941. Вып. 7. С. 175.

⁷⁹ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 44.

⁸⁰ Там же. С. 115–118.

⁸¹ Там же. 1932. № 6. С. 42–84.

⁸² Там же. 1933. № 2. С. 117–142.

⁸³ *Лукин Н.* VII международный исторический конгресс в Варшаве // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 118–129.

⁸⁴ *Панкратова А.* Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 130–136.

⁸⁵ *Джервис М.* Польская историческая наука на VII Международном конгрессе историков (1933 г.) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 106–123.

⁸⁶ Историк-марксист. 1933. № 5. С. 129.

⁸⁷ *Кабакчиев Хр.* Ленин и болгарские тесняки // Историк-марксист. 1934. № 1. С. 173–188; *Он же.* Димитрий Благоев и болгарские тесняки // Там

- же. 1935. № 4. С. 31–57; *Список* 10. Борьба с люксембургианством в Коммунистической партии Польши в 1918 – 1924 гг. // Там же. № 5–6. С. 117–130; и др.
- ⁸⁸ Историк-марксист. 1936. № 2. С. 76–84, 138–148, 184, 185; № 3. С. 201; № 5. С. 204; № 6. С. 258, 260.
- ⁸⁹ Там же. 1937. № 2. С. 197.
- ⁹⁰ Там же. № 3. С. 230.
- ⁹¹ Там же. № 5 – 6. С. 213–216.
- ⁹² Там же. С. 216–218.
- ⁹³ Там же. 1938. № 4. С. 200, 202–203; № 6. С. 201; 1939. № 3. С. 210–211, 213, 215; 1940. № 6. С. 136–138; № 8. С. 45–146; № 11. С. 140.
- ⁹⁴ Там же. 1936. № 2. С. 176–177; 1937. № 5–6. С. 265–266; 1939. № 2. С. 197–199; 1940. № 2. С. 169–171; № 6. С. 142, 145.
- ⁹⁵ Там же. 1941. № 2. С. 81–94.
- ⁹⁶ Литература и марксизм. 1930. № 1. С. 3; № 3. С. 72.
- ⁹⁷ Там же. № 3. С. 71–91.
- ⁹⁸ Язык и литература. Л., 1930. Т. 5. С. 213–226.
- ⁹⁹ Там же. Т. 6. С. 5–48.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 69–94.
- ¹⁰¹ Там же. С. 95–120.
- ¹⁰² Там же. Л., 1931. Т. 7. С. 1–30.

О ч е р к 11

Международные связи советских славистов

1930-е годы представляют собой особый период не только для славяноведения внутри страны, но и в отношении партнерства с зарубежными коллегами. Наложенные до революции прочные связи со славистами других стран (обмен литературой, заграничные стажировки молодых ученых, командировки для сбора материалов и т. п.) в 20-е годы осложнились материальными трудностями советского государства и неурегулированностью политических отношений со многими странами. Но постепенно положение начало улучшаться. Стали появляться возможности для приобретения за рубежом славистической литературы, некоторые ученые выезжали в командировки в славянские страны.

Правда, отношение к старому славяноведению как к "буржуазной", "реакционной" науке, неприемлемой для советской страны, накладывало отпечаток на международные связи советских славистов и на их участие (или неучастие) в различных научных встречах с зарубежными коллегами. Определенную роль играл и негативный настрой против русских ученых-эмигрантов. Такой научный авторитет, как М.Н. Покровский, накануне открытия в Варшаве конференции исторических обществ Западной Европы и славянских стран (где русскую науку представляли эмигрантские организации) писал, что "панславистский характер" подобных съездов "бьет в глаза" и, несмотря на приздание им "научного" характера, они не смогут скрыть свою истинную цель — "создание новых блоков"¹. Поиски внешнего и внутреннего врага, столь свойственные сталинской политике, не способствовали нормальному научному общению.

Однако в 1929 г. советская делегация из 7 человек во главе с академиком П.Н. Сакулиным принимала участие в съезде филологов-славистов в Праге. В отчете о работе съезда Сакулин отмечал, что языкознание на конгрессе преобладало над литературоведением; мало ставилось теоретических проблем; доклады отражали традиционные подходы к исследованиям, за исключением выступления "с яфетидологической окраской" Н.С. Державина. Доклад самого Сакулина был посвящен методологическим про-

блемам литературоведения на основе принципов историко-культурного подхода (“Опыт социолого-синтетического построения истории литературы”). В связи с этим автор замечает, что дискуссии по вопросам методологии на конгрессе не имели такого острого характера, как в СССР. В спокойном тоне он рассматривает доклады русских эмигрантов, перечисляет русские научные учреждения за границей и некоторые из их изданий².

Вместе с тем, слависты старой школы (П.А. Лавров, Е.Ф. Карский, Г.А. Ильинский и др.) не получили возможности поехать на съезд, что задевало и огорчало их. П.А. Лавров писал М.Н. Сперанскому: “В старое время мы бы были все в Праге...” И сетовал, что “невыносимо долго тянется жестокая власть большевиков”³.

Участие советских ученых в I съезде филологов-славистов, как и в VI конгрессе историков в Осло (1928 г.), показывало, что международные контакты с коллегами и необходимы и возможны. Кроме того, этим контактам придавался дополнительный стимул — пропаганда в других странах методологии, основанной на “единственно верном учении” — марксизме-ленинизме.

К началу 30-х годов и М.Н. Покровский отошел от своей позиции в отношении форумов ученых из славянских стран; он уже писал о “тяготении славян к советской науке” и о “борьбе за центр славяноведения между Прагой, Варшавой и Москвой”⁴ (в связи с чем даже оказывал содействие в создании Института славяноведения⁵).

Но тенденция расширения международных связей славистов нашей страны не получила развития. В общественно-политической жизни страны набирали силу факторы, препятствовавшие упрочению этих контактов. Процесс укрепления тоталитарного режима сопровождался массированной идеологической обработкой масс, опиравшейся как на один из столпов на “теорию усиления классовой борьбы в период строительства социализма”. Шло подчинение всех областей жизни государства, в том числе и науки, партийно-государственному контролю. Для выработки “единомыслия” в рядах советских ученых нужно было не только “внедрение” марксизма в науку, но и ее изоляция от “вредного влияния Запада”. Борьба велась как против внутренних идеологических “противников”, порождая травлю ученых старой школы в печати и преследование с помощью репрессивных мер, так и против внешних. К последним были отнесены западные ученые, не стоявшие на позициях марксизма и критиковавшие его, а также русские ученые-эмигранты, которые должны были представляться советским руководителям госу-

дарства и науки особенно опасными. Сохраняя контакты со своими коллегами в России, обмениваясь письмами и статьями, участвуя в совместных зарубежных изданиях, наконец, встречаясь на международных форумах, представители русского зарубежья, не ограниченные в своих исследованиях жесткими рамками одной идеологии, могли оказывать “нежелательное” влияние на советских ученых. Это влияние требовалось пресечь, связи разорвать.

В то время как ученые русского зарубежья подчеркивали свою неразрывную связь с русской наукой и культурой⁶, советская печать начинала их травлю, подчеркивая классовую, “буржуазную” сущность их работ, прислужничество “белоэмигрантов” перед Западом, “кризисное” состояние их науки, из которого нет выхода, если не встать на путь “самой передовой” советской, марксистской науки⁷. Инцидент с академиком С.А. Жебелевым наглядно продемонстрировал, что власти не потерпят участия ученых из СССР в зарубежных изданиях совместно с эмигрантами (см. очерк “Общественно-политические и идеологические условия развития советского славяноведения в 1930-х годах”). Случай с С.А. Жебелевым дал определенный эффект: зарубежные научные связи стали осуществляться “с оглядкой”. Русские слависты обычно принимали участие в сборниках в честь юбилеев или в память известных зарубежных ученых. Однако выраженная подобным образом дань уважения коллегам в начале 30-х годов уже вызывала неодобрение верхов. Из переписки ученых известно, что в 1931 г. Г.А. Ильинский, Б.М. Ляпунов, Н.Н. Дурново собирались послать свои статьи в сборник, посвященный финскому слависту Й.Ю. Микколе (правда, Ильинский “со стесненным сердцем”, а Дурново — от отчаянного положения, так как терять ему было нечего); от подобного шага их предостерегал А.М. Селищев, предсказывая, что это может “вызвать для советских авторов массу неприятностей”⁸. Из состава Академии наук якобы “по требованию советской общественности” были выведены академики-эмигранты П.Б. Струве и М.И. Ростовцев⁹. Таким образом, углублялся и все более закреплялся искусственно созданный разрыв между двумя ветвями отечественной науки, в том числе и ее славистической части.

Видимо, не столько финансовые затруднения, сколько соображения идеологического и политического характера, привели к резкому сокращению заграничных командировок советских ученых (единственная заявка Института славяноведения на командировку в Болгарию для Н.С. Державина не была удовлетворена руководством Академии наук) и к весьма ограниченному участию или неучастию их в международных

съездах и конференциях. Так, на втором съезде славистов в Варшаве в 1934 г. делегации советских славяноведов не было. Не предполагалось их участие и в третьем съезде в Белграде, который намечался на сентябрь 1939 г.¹⁰ Представители Советского Союза не входили в Комитет съездов славянских филологов и в организованный по решению съезда 1934 г. Комитет по подготовке съездов славистов. Советские научные организации не были представлены в Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран¹¹.

В 20-х годах в некоторых случаях еще возможны были долгосрочные зарубежные командировки (так, длительное время работали за границей Н.Н. Дурново, возвратившийся в конце 20-х годов в СССР, и П.Н. Богатырев, вернувшийся на родину перед войной). Однако за возможность свободного научного творчества, не регламентированного каким-либо идеологическим воздействием, порой приходилось жестоко “расплачиваться” дома (в 30-х годах длительные поездки славяноведов в другие страны уже не практиковались).

Приобретение необходимой научной, в том числе славистической, литературы за границей также сталкивалось с трудностями политического, идеологического и материального характера (библиотеки не комплектовались эмигрантскими изданиями, не хватало валюты на покупку иностранных периодических изданий, не со всеми странами был наложен книгообмен и т. п.). По свидетельству Н.С. Державина, Институт славяноведения, как и другие научные учреждения, получал немного валюты для приобретения книг за границей (сотрудники имели право ежемесячно выписывать нужные книги на 10 рублей, а академики — на 30 рублей в иностранной валюте). Но из Болгарии, например, книги таким способом получить было невозможно. В таких случаях приходилось использовать дружеские связи с зарубежными коллегами (так, Державин, будучи в Праге, просил В.Н. Златарского прислать ему туда из Софии один экземпляр болгарского журнала “Славянски глас”)¹².

В случае отсутствия в советских библиотеках необходимых книг славистов нередко выручал международный абонемент, благодаря которому в течение десяти дней можно было получить во временное пользование книги из берлинских, парижских, лондонских и других библиотек¹³.

Контакты с иностранными учеными или бывшими соотечественниками за рубежом становились в условиях усиления в стране репрессий, порождавших всеобщее недоверие и подозрительность, опасными для свободы и даже жизни ученого (напомним, что в “деле славистов” фигурировали и имена эмигрантов, и иностранные организации, связь с ко-

торыми инкриминировалась обвиняемым. Так, Н.Н. Дурново обвинялся в связях с руководителями "заграничного фашистского центра" — Н.С. Трубецким, Р.О. Якобсоном, П.Г. Богатыревым и др. Однако и в показаниях, данных им после вынесения приговора, он снова подтверждал "дружеские" отношения с Трубецким и Якобсоном, характеризуя первого как "замечательно талантливого ученого", а второго как "самого талантливого из своих учеников"¹⁴. Что касается П.Г. Богатырева, то лишь его отсутствие в Советском Союзе помогло ему избежать участия, постигшей Н.Н. Дурново и других славистов в СССР). Российские слависты вынуждены были отказываться от участия в зарубежных конференциях (так, например, Л.В. Щерба, приглашенный Р.О. Якобсоном от имени Пражского лингвистического кружка на совещание по фонологии в декабре 1930 г., не поехал в Прагу и не ответил на письмо Якобсона¹⁵).

Таков в общих чертах механизм (хотя картина представлена неполно) возведения барьера между советской и мировой наукой, приведший к самоизоляции первой, что не могло не оказаться на уровне исследований, оторванных от международной научной теории и практики.

Во всяком случае, по отношению к 30-м годам не приходится говорить о "растущих и крепнущих" связях советских и зарубежных ученых. Большим преувеличением было заявление Н.С. Державина о "тесных связях" руководимого им Института славяноведения с учеными-славистами и славистическими учреждениями других стран. На самом деле Институт только завязывал контакты (в основном с целью обмена литературой и научной информацией) со Славянским институтом и Славянской библиотекой в Праге, с редакцией журнала "Балто-славика" и Славянским семинаром при Мюнстерском университете в Германии (профессор этого университета К. Мейер выступал на одном из заседаний в Институте славяноведения). В Институте была организована встреча с хорватским писателем С.Ф. Кириным¹⁶. Подобные международные связи носили преимущественно случайный, а не планомерный характер. Многие контакты, по соображениям, далеким от науки, были в то время просто неосуществимы.

Не надеясь на заграничные командировки, сотрудники Инслава и другие советские слависты собирали материалы о славянских народах и славяно-российских отношениях в советских архивах. Только благодаря фонду голландской исследовательницы А.А. Круазе-ван-дер-Кооп Н.С. Державину удалось в 1933 г. осуществить поездку в Прагу¹⁷, где он работал в Славянской библиотеке Министерства иностранных дел, собирая материалы по истории болгарской литературы, а также о положе-

нии Чехословакии, Болгарии, Румынии и Албании (поскольку не приходилось рассчитывать на командировку на Балканский полуостров). Ученый работал также в библиотеке Национального музея и Публичной университетской библиотеке. Кроме того, Державин выступил перед чехословацкими коллегами с докладами "К вопросу о происхождении южных славян" и "Международные элементы в строительстве национальной культуры", а также рассказал о работе Института славяноведения. Пражские встречи Державина, безусловно, должны были послужить укреплению внешних контактов советских славистов, хотя в отчете о своей поездке он явно преувеличивал результаты сближения; отмечая естественный интерес пражских ученых к работе советских славистов, Державин, хорошо усвоив роль представителя "самой передовой науки", подчеркивал, что чехословацкие коллеги "чувствуют себя бессильными без общения с советскими учеными, хотят у нас учиться".

С русскими профессорами-эмигрантами, работавшими в Праге, Державин не пожелал (а, вернее, побоялся) встречаться, избегая любых "компрометирующих" его контактов. Он даже категорически потребовал, чтобы на вечере, устроенном в его честь в Славянском институте, не было ни одного "белоэмигранта".

Самым ощутимым положительным результатом командировки в Прагу можно считать то, что Державину удалось собрать специальную славистическую библиотеку (247 единиц), которую по приезде в Ленинград он передал Институту славяноведения¹⁸.

Н.С. Державину очень нужна была для работы поездка в Болгарию, но свой научный запрос он вынужден был поддерживать малопривлекательной политической подпоркой. По свидетельству К.И. Чуковского, сделанному в 1936 г., Н.С. Державин хочет "ехать в Болгарию], хлопочет об этом, но излагает свои намерения так: ненавижу болгарскую буржуазию, и ехать мне страшно не хочется, но... надо... ничего не поделешь"¹⁹. Однако следующую командировку с исследовательскими целями в Болгарию Державину удалось осуществить только после войны.

В 1933 г. состоялся VII Международный конгресс исторических наук — последний довоенный крупный форум, в котором участвовали советские ученые. Конгресс получил широкое освещение в научной и массовой печати того времени²⁰. Не останавливаясь подробно на его работе, отметим лишь наиболее важные для нас детали.

Определяя программу конгресса, где польская история занимала одно из центральных мест, поляки хотели, как писал журнал "Борьба классов", привлечь внимание ученых мира к изучению своей страны,

намереваясь “доказать и показать право современной буржуазной Польши на будущее место среди великих держав”²¹.

Советская делегация на конгрессе состояла из 6 человек (В.П. Волгин, Н.М. Лукин, Н.С. Державин, П.О. Горин, П.Ф. Преображенский, А.М. Панкратова), из которых только один (Н.С. Державин) являлся славистом. В составе делегаций других стран в Варшаву приехали и русские историки, жившие за рубежом, к которым советские ученые относились как к “активным” антисоветчикам. Посланцы советской науки представляли собой на конгрессе обособленную группу, отстаивавшую марксистско-ленинскую идеологию. Все доклады ученых из СССР вызвали интерес научных кругов, который польская пресса объясняла «“экзотизмом и сенсацией”, вносявшимися в серьезную научную среду советскими делегатами, над которыми “довлело ярмо исторического материализма и сознательной пропаганды”»²².

Наибольшее внимание привлек доклад П.О. Горина “Национальная политика царизма в Польше в XX веке”²³ (произнесенный на польском языке), посвященный русификаторской политике российских властей в Царстве Польском и борьбе против нее русских рабочих и крестьян (что было, безусловно, в русле основной идеи конгресса). В других докладах советских ученых польская проблематика не затрагивалась. Зато историки-марксисты не уставали доказывать, что история — “самая политическая из наук” и она “должна работать на пользу пролетарской революционной политики не только у нас, в СССР, но и во всем мире”²⁴. .

Польская печать попыталась выделить из советской делегации “единственного настоящего профессора” — Н.С. Державина с его “неполитическим”, на первый взгляд, академическим докладом “Славяне и Византия в VI в.”²⁵, в котором он критиковал установки буржуазных ученых в вопросе о методах изучения истории балканских народов; собственный вывод докладчика заключался в том, что массовое движение славян на Балканский полуостров в VI в. нужно рассматривать не как начало колонизации ими полуострова, а (“в свете социологической критики”) как “процесс феодализации” жизни славянского населения Балкан²⁶. При более внимательном рассмотрении и Державина польские газеты назвали “большевиком”, заодно укорив в том, что он “уклонился” от дискуссии, “которую могли развернуть его оппоненты”²⁷.

Сам же Державин, оценивая результаты конгресса, подчеркивал, что форум историков отразил мелкотемье, тенденциозность, эклектизм и идеализм исследований западноевропейских историков и продемонстрировал “печальное зрелище застоя научно-исторической мысли на

Западе" (о чем свидетельствовали, по его мнению, доклады польского профессора Ст. Кутшебы, чешского ученого Я. Бидло, румынского историка Н. Иорги, профессора Пражского немецкого университета И. Принцера и др.). Мировоззренческим и научным позициям западных ученых он дает следующие определения: "идеалистические рельсы", "субъективный интуитивизм", "типичное наукообразное эмпирическое творчество с идеалистическими установками и метафизическим подходом" и т. п. В противовес этому, по утверждению Державина, представители советской делегации на конгрессе продемонстрировали оригинальное историческое мышление²⁸.

Подводя итоги конгресса в Варшаве, А.М. Панкратова делала вывод, что он ничем значительным не обогатил историческую науку, подлинные успехи которой "возможны только на гранитной базе марксизма-ленинизма"²⁹.

Подобная "самодостаточность" советской науки, убежденность в непогрешимости ее методов еще более отдаляли ее от мирового научного сообщества и закрепляли ее изолированность и замкнутость.

В начале 30-х годов советские слависты довольно успешно осуществляли публикацию своих трудов в зарубежных изданиях (учитывая трудности их опубликования в Советском Союзе). Так, например, Г.А. Ильинский в 1930 — 1931 гг. напечатал в СССР пять работ, за границей — 33, в 1932 — 1934 гг. — на родине ни одной, в других странах — 20³⁰. Более десятка работ Н.С. Державина вышло в 1932 — 1933 гг. за рубежом³¹. Немало исследований А.М. Селищева³², М.Н. Сперанского и других ученых увидело свет в эти годы в заграничных изданиях. В последующие годы зарубежные публикации резко сокращаются или вовсе отсутствуют.

Оставалась последняя возможность контактов с зарубежными учеными — личная переписка. Но и этот канал связи неуклонно сужался. В письмах слависты делились своими творческими планами, при возможности обменивались печатными трудами, разбирали достоинства и недостатки новых изданий, обсуждали некоторые исследовательские проблемы. Наряду с научными вопросами в письмах неизбежно отражалась жизнь ученых и жизнь страны; немалое место в них занимали судьбы славиановедения³³.

Так, в марте 1931 г. Н.С. Державин писал болгарскому историку В.Н. Златарскому: "Славиановедение у нас сейчас если и не бьет ключом, то, во всяком случае, живет интенсивной жизнью. Мы много работаем в этом направлении, о чем свидетельствует и создание в недрах нашей

Академии наук Института Славяноведения”³⁴. Державин, склонный к преувеличениям, несколько “приукрасил” истинное положение славяноведения в СССР, когда одновременно шло гонение на традиционную славистику и старые славистические учреждения и, вместе с тем, создавалось новое “советское, марксистское”, славяноведение. Державин немного опередил события, говоря об организации специального института в этой области науки, поскольку этот вопрос еще находился в стадии обсуждения и не был решен руководством Академии окончательно, хотя проект создания Инслава, подготовленный автором письма, имел больше шансов на претворение в жизнь.

Н.С. Державин не преминул послать своему корреспонденту (25 мая 1931 г.) оттиск своей статьи о П.А. Лаврове³⁵, в которой он довольно критически отнесся к научному наследию ученого, к его “болгарофобии”, из-за которой Державин, по его словам, порвал “с ним всякие отношения”³⁶. В начале 1932 г. Державин сообщал Златарскому о том, что сдал в печать статью, направленную против работы о языковой принадлежности македонцев профессора-эмигранта С.М. Кульбакина, жившего в Сербии. В этой статье Державин, по его собственному признанию, “не постыдился заострить вопрос и беспощадно отдал автора за его безобразное выступление”³⁷.

Вполне понятно, что академик-марксист Н.С. Державин не вел переписку с русскими эмигрантами. Зато другой известный славист, Г.А. Ильинский, не ведая страха, до самого ареста активно переписывался с профессором М.Г. Попруженко, вынужденным после революции покинуть родину и уехать в Болгарию. Письма Ильинского наверняка подвергались перлюстрации, некоторые из них не доходили до адресата. Ильинский, видимо, понимал это, но как честный ученый и порядочный человек не мог и не хотел молчать о том, что происходило в университете и академическом славяноведении СССР в начале 30-х годов. Он повторял по нескольку раз одни и те же сообщения в надежде, что они дойдут до адресата. В архиве Попруженко сохранилось 68 писем Ильинского³⁸.

В начале 1930 г. Г.А. Ильинский писал М.Г. Попруженко, что в связи с перестройкой университетского образования идет сокращение учебного плана и “одной из главных жертв этого сокращения... будут славистич[еские] курсы”³⁹. Позже он добавлял, что в результате реорганизации в вузах славистика вступила “в состояние, близкое к прострации” и скорее всего от нее останутся “ножки да рожки”⁴⁰. В конце года ученый подтвердил этот печальный прогноз: “У нас славистика по-прежнему переживает кризис. Количество лекций и преподавателей

славистики сведено к ничтожному *minimum'y*⁴¹. (Как это сильно расходится с победным тоном державинского высказывания о подъеме славистики в СССР и насколько разное впечатление должно было сложиться ученых за рубежом о положении советской науки!).

В своих письмах Г.А. Ильинский рассказывал и о перестройке в Академии наук, где руководящие посты начинали занимать марксисты. “На кресло Лаврова, — писал Ильинский, — прочат Державина” (по ironии судьбы — именно Державина, порвавшего с Лавровым отношения). С горечью он сообщал также, что Государственное издательство СССР (ГИЗ) “не интересуется исследованиями по славяноведению”, большие монографические работы остаются невостребованными и неизданными, приходится ограничиваться маленькими статьями (напомним, что капитальный труд Г.А. Ильинского “Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии” с помощью и при активном участии М.Г. Попруженко был издан в Болгарии в 1934 г.). Верным оказалось предположение Ильинского, что первый том “Трудов Славянской комиссии” окажется, видимо, последним. Писал он и о закрытии Славянского отдела Библиотеки Академии наук⁴².

В начале 1931 г. Ильинский сообщал о скорых выборах в Академию наук и наиболее вероятном избрании Н.С. Державина, Н.М. Каринского* и А.С. Орлова и о “полудобровольном” снятии своей кандидатуры, замечал, что славистика и индоевропеистика в нашей стране “признаются науками отжившими”, в то время как марганизм провозглашается “лингвистическим православием”⁴³.

В письмах 1932 г. Ильинский также делился с коллегой безрадостными новостями о состоянии советской славистики, упоминая о том, что в Москве “потух последний огонек славянских изучений”, поскольку в университете отменены даже два факультативных часа по славяноведению, которые имел А.М. Селищев. Вместе с тем, он сообщал об организации Института славяноведения и о том, что ни он, ни Селищев не получили приглашения «участвовать хотя бы в “Трудах” Института»⁴⁴. Да и трудно было бы этого ожидать, учитывая концепцию издания, открывавшегося статьей Державина, в которой, как писал Ильинский, он доказывал, “что старая славистика умерла вместе с Ягичем; теперь же наступает новая эра марксистского славяноведения”⁴⁵. Но вовсе не мстительное чувство, а разность взглядов на славяноведение побудила Ильинского дать резкие отзывы как о первом, так и втором томе “Трудов”

---

* Н.М. Каринский не был избран академиком.

Инслава (см. очерк “Институт славяноведения АН СССР”), в то же время объективно отмечая интересные статьи М.Н. Сперанского, М.С. Грушевского и некоторых других, помещенные в этом издании⁴⁶.

В письмах Ильинского встречается немало штрихов о научной деятельности и человеческой судьбе славистов в России (Н.Л. Туницкого, Н.В. Шлякова, А.И. Томсона, М.Н. Сперанского, А.М. Селищева и др.)⁴⁷.

С тем же корреспондентом в Болгарии переписывался и Б.М. Ляпунов, который в сентябре 1933 г. сообщал ему об учреждении в Институте языка и мышления кабинета славянских языков, которым ему поручено руководить, а также о приглашении А.М. Селищева на работу в Институт славяноведения, что, по мнению Ляпунова, являлось “важным свидетельством поворота” ленинградского славистического центра в сторону, благоприятную для славянской филологии⁴⁸.

Однако, как известно, такого “поворота” не произошло: Институт славяноведения был закрыт, некоторые его сотрудники арестованы, славистические исследования в Академии наук по сути дела прекратились. Об этом в 1935 г. писал В.Н. Златарскому В.Н. Бенешевич, сетяя, что даже негде сделать сообщение о вышедшем втором томе труда Златарского по истории Болгарии⁴⁹, поскольку “раньше был Институт славяноведения, а теперь славяноведение разошлось как-то по разным местам, и не найти его”⁵⁰.

Не все ученые, опасаясь, видимо, преследований за свою связь с иностранными или эмигрировавшими русскими коллегами за границей, решались вести с ними переписку. Так, в единственном сохранившемся в архиве М.Г. Попруженко письме А.М. Селищева (1930 г.) славист из России благодарил коллегу в Софии за его участие в подготовке публикации своей работы “Славянское население Албании” (София, 1931). Но несколько позже Ильинский сообщал Попруженко, что при “всем глубоком уважении” к нему Селищев “не находит в себе смелости вступить... в переписку” с ним⁵¹.

Обмен письмами между славистами СССР и зарубежными учеными в основном приходится на первую половину 30-х годов. К сожалению, такой ценный источник сведений об отечественном славяноведении 1930-х годов, об отношениях между славистами разных стран, как их эпистолярное наследие, еще далеко не изучен. Но и то, что уже известно исследователям, дает возможность для составления общей картины положения славистики и славистов в СССР.

Подводя итоги сказанного, необходимо отметить, что все направления международных связей славистов Советского Союза в 1930-х

годах претерпевали упадок. Воздвигаемые на их пути политические, идеологические, материальные преграды отделяли и отдаляли советскую науку от мировой. Единственный в своем роде в то время общественно-политический строй СССР определял и особый, оригинальный путь развития науки в целом, и судьбу славяноведения в частности. И некоторое оживление славистики в начале 30-х годов, и гонения на нее, и почти полное прекращение исследований не могли не отразиться на взаимоотношениях (их формах и интенсивности) советских славистов с их зарубежными коллегами, с иностранными славистическими учреждениями и организациями. Начавшиеся в конце 30-х годов положительные сдвиги в славистике, а также серьезные изменения в международной обстановке, стимулировали в послевоенное время расширение и развитие связей славистов СССР и зарубежных стран, прежде всего — стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Примечания

¹ Покровский М.Н. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. 26 июня.

² Сакулин П.Н. Литературоведение на I Конгрессе филологов-славистов // Известия Академии наук СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 6. С. 415–440.

³ Цит. по: Робинсон М.А. Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 131–132.

⁴ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 2. С. 366.

⁵ ППА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

⁶ См.: Сакулин П.Н. Литературоведение...

⁷ См.: Рубинштейн Н. Иностранные периодики по истории России и СССР // Историк-марксист. 1933. № 1. С. 141. Подробнее см.: Аксенова Е.П. Восприятие в СССР науки русского зарубежья в 20-е - 30-е годы // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 130-142.

⁸ Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “дела славистов” (по материалам ОГПУ — НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 73.

⁹ Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4. С. 122.

¹⁰ Бернштейн С.Б. Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 89.

- ¹¹ Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 — 1940. М., 1994. Кн. 1. С. 99.
- ¹² Българо-руски научни връзки XIX — XX век. Документи. София, 1968. С. 117, 121.
- ¹³ Там же. С. 118.
- ¹⁴ Робинсон М.А., Петровский Л.П. Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой... С. 74, 76.
- ¹⁵ См.: Досталь М.Ю., Робинсон М.А. Письма Р.О. Якобсона М.Н. Сперанскому и Л.В. Щербс // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 6. С. 68, 71.
- ¹⁶ ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 9; Д. 15. Л. 18, 46, 48, 57, 95.
- ¹⁷ Там же. Ф. 827. Оп. 3. Д. 249. Л. 1—165.
- ¹⁸ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 29. Л. 28 — 28 об.; Ф. 827. Оп. 3. Д. 249. Л. 7 об., 132—153 об.
- ¹⁹ Чуковский К.И. Из дневника // Знамя. 1992. № 11. С. 168—169.
- ²⁰ Вестник Академии наук СССР. 1933. № 11. Стлб. 41—44; Борьба классов. 1933. № 10; № 12. С. 81—87; Историк-марксист. 1933. № 5; и др.
- ²¹ Панкратова А. Седьмой Международный конгресс исторических наук в Варшаве // Борьба классов. 1933. № 10. С. 4—6.
- ²² Там же. С. 1—16.
- ²³ Борьба классов. 1933. № 10. С. 63—69.
- ²⁴ Панкратова А. Седьмой Международный конгресс... С. 16; Она же. Советская делегация и польская общественность // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 136.
- ²⁵ Опубл.: Державин Н.С. К вопросу о славянской колонизации Балканского полуострова // Борьба классов. 1933. № 10. С. 38—43.
- ²⁶ Хроника научной жизни // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 11. Стлб. 41—44.
- ²⁷ См.: Панкратова А. Советская делегация... С. 134.
- ²⁸ Державин Н.С. Буржуазная историческая наука на конгрессе // Борьба классов. 1933. № 12. С. 81—87; ПФА РАН. Ф. 220. Оп. 1. Д. 29. Л. 5—46; Д. 24. Л. 2.
- ²⁹ Панкратова А. Седьмой Международный конгресс... С. 16.
- ³⁰ Робинсон М.А. Судьбы отечественного славяноведения глазами ученого (По письмам Г.А. Ильинского) // Славистика СССР и русского зарубежья 20 — 40-х годов XX века. М., 1992. С. 89.
- ³¹ Николай Севастьянович Державин. М.; Л., 1949. С. 38—40.
- ³² Бернштейн С.Б. А.М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 109—110.

- ³³ См.: Аксенова Е.П. Судьбы советского славяноведения первой половины 1930-х годов в письмах отечественных славистов // Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995. С. 120–133.
- ³⁴ Българо-руски научни връзки... С. 115.
- ³⁵ Державин Н.С. Труды академика П.А. Лаврова в области древнеславянской письменности // Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. 1931. № 2. С. 137–169.
- ³⁶ Българо-руски научни връзки... С. 115.
- ³⁷ Там же. С. 118.
- ³⁸ Архив на Българската академия на науките. Ф. 61к. Д. 164.
- ³⁹ Българо руски научни връзки... С. 157.
- ⁴⁰ Там же. С. 158.
- ⁴¹ Там же. С. 166.
- ⁴² Там же. С. 157, 166.
- ⁴³ Там же. С. 167.
- ⁴⁴ Там же. С. 168–170.
- ⁴⁵ Там же. С. 173.
- ⁴⁶ Там же. С. 175, 186.
- ⁴⁷ Там же. С. 170, 171, 178, 180, 182, 184, 185, 186, 189.
- ⁴⁸ Там же. С. 223.
- ⁴⁹ Златарски В. История на българската държава през средните векове. София, 1934. Т. 2.
- ⁵⁰ Българо-руски научни връзки... С. 24.
- ⁵¹ Там же. С. 184, 277.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1918 — 1939 годы — особые годы в судьбе отечественного славяноведения. Это двадцатилетие можно назвать периодом борьбы советской власти со старой, дореволюционной славистикой, борьбы, принимавшей порой не только драматические, но и трагические формы. Почти уничтожив прежнюю науку с ее методами и традициями, истощив преследованиями ее творческие силы, лишив ее научно-организационной базы, прекратив подготовку специалистов-славистов в вузах, власть начала создавать на "развалинах" новую "советскую", "партийную", "классовую", "марксистскую" науку, включив ее в государственную систему и подчинив контролю "сверху". На смену объективности и разнообразию методов исследования пришли политизация и идеологизация славяноведения.

1930-е годы в целом можно назвать временем кризисного состояния славяноведения, дальнейшее существование которого было весьма проблематичным. Славяноведение не только не заняло подобающего места среди других гуманитарных наук, но было, по сути, вычеркнуто из их списка. Однако, несмотря ни на что, славянские исследования, хотя и не широкомасштабные, а единичные, все же велись. Уровень работ зачастую определялся не только идеологической заданностью, но и неисследованностью проблем, нехваткой необходимой литературы и источников, отсутствием связей с зарубежными коллегами.

Мучительный процесс борьбы славяноведения за выживание прошел разные фазы, был связан с потерей людей, с закрытием учреждений, неизданием трудов, непризнанием самой науки и т. п. Но положение славяноведения нельзя оценивать однозначно. Наряду с явлениями, указывавшими на кризисное состояние славяноведения, были и обнадеживающие обстоятельства, благодаря которым славяноведение в 30-х годах не только не погибло, но и приобрело некоторые новые черты, слабо развитые или отсутствовавшие в дореволюционной славистике.

Славяноведение 30-х годов не было чисто филологическим. Славянская филология преобладала разве что в исследованиях начала десятилетия, уступив затем безраздельное первенство исторической проблематике.

К концу 30-х годов созрели объективные условия для возрождения славяноведения и существенных научных и организационных преобра-

зований в этой области. Изменение внешнеполитической ситуации (с учетом и внутренних процессов развития науки) дало мощный импульс для развертывания работ в разных областях славяноведения, с безусловным преобладанием исторических исследований. Историческая ориентированность славяноведения, обусловленная политическими факторами, как нельзя лучше соответствовала идеологическим требованиям марксистской советской науки.

1939 год стал этапным в истории отечественного славяноведения. Появились научная и учебная базы, определилось идеологическое обоснование, утвердилась методологическая основа славистических исследований. Европейские события кануна Отечественной войны стимулировали разработку некоторых аспектов изучения славянских народов, однако начавшаяся война осложнила развитие науки (с другой стороны, придав ей дополнительный толчок). Годы войны — особый этап в истории советской славистики, который имел свои задачи и специфику, свои научно-организационные формы, свою идеологию и политику и их научно-практическую реализацию. Основы советского славяноведения (с присущими ему достоинствами и недостатками), заложенные еще в предвоенные годы, получили развитие уже в послевоенный период.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О ч е р к 1	
Общественно-политические и идеологические условия развития советского славяноведения в 1930-х годах	9
О ч е р к 2	
Репрессии против славяноведов	28
О ч е р к 3	
Славистика в высших учебных заведениях	40
О ч е р к 4	
Институт славяноведения АН СССР	59
О ч е р к 5	
Кабинет славяноведения	
Библиотеки Академии наук СССР	91
О ч е р к 6	
Организация исследований	
в области славянского языкознания	97
О ч е р к 7	
Состояние изучения славянских литератур	116
О ч е р к 8	
Поиски путей “реабилитации” и попытки возрождения славяноведения	131
О ч е р к 9	
Изучение истории славянских народов	145

Очерк 10	
Славянская тематика в научной периодике	175
Очерк 11	
Международные связи советских славистов	205
Заключение	219

Елена Петровна Аксенова
**Очерки из истории
отечественного славяноведения.
1930-е годы**
Монография

Ответственный редактор
M.A. Робинсон

Рукопись подготовлена
к печати в редакционно-издательском
отделе ИСБ РАН

Компьютерный набор *Е.П. Аксеновой*
Оригинал-макет и обложка *М.И. Леньшиной*

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 5.03.2000 г. Объём 13,9 усл.п.л.
Тираж 300 экз. Заказ 23. Цена договорная.

Отпечатано в типографии ИПТК «Логос» ВОС.
129166 Москва, ул. Маломосковская дом 8.

inlav

Аксенова Е.Н. • Очерки из истории отечественного славяноведения • 1930-е гг. •